902.6
А 874

Археологический
сборник
вып. 4

Л., 1962

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД · 1962

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

БІБЛІОТЕКА
Інституту Археології
АН УРСР
Інв. № 33352

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД • 1962

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

под редакцией
проф. М. И. АРТАМОНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том, четвертый в серии «Археологических сборников» Государственного Эрмитажа, почти целиком посвящен славянской тематике. Он включает в себя шесть работ, из которых одна, открывающая сборник, написана известным исследователем древнего Пскова Григорием Павловичем Гроздиловым, старшим научным сотрудником отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, а пять — молодыми мало или совсем не известными авторами: Е. И. Оятевой, О. И. Давидан, Ю. И. Штакельбергом, П. И. Хавлюком и Т. И. Макаровой.

Григорий Павлович Гроздилов ведет раскопки древнего Пскова с 1954 г. Его работа «Раскопки древнего Пскова» (1954—1956 гг.) является не только отчетно-публикационной, как об этом можно подумать, познакомившись только с ее названием. Подробные описательные характеристики даны в ней по горизонтам, т. е. в историческом плане. Некоторое неудобство, однако, создает то обстоятельство, что автор дал послойную характеристику культурных отложений древнего Пскова «сверху вниз», а не от древнейших к более молодым, т. е. «снизу вверх». Неудобства эти в какой-то степени снимаются приложенными к статье планами каждого исторического горизонта в отдельности.

В начале статьи Г. П. Гроздилов дает краткую и яркую характеристику древнего Пскова как оборонительного форпоста русского государства, а также останавливается на том, как и в каких условиях приходится работать археологу в черте живого и быстро развивающегося города. Заключительная часть статьи посвящена обобщенной характеристике материальной культуры Пскова X—XV вв.

Елена Ивановна Оятева — научный сотрудник отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа — является постоянным сотрудником Псковской экспедиции и в течение последних лет занимается изучением древних псковских кожаных изделий. Печатаемая в настоящем сборнике статья является итогом этой многолетней работы. Она содержит общие данные о составе коллекции кожаных изделий из раскопок древнего Пскова и систематический разбор разных типов кожаной обуви и других изделий. Наиболее ценной является та часть статьи, в которой Е. И. Оятева останавливается на вопросах эволюции обуви за период времени с XI по XIV в.

Ольга Ивановна Давидан также является научным сотрудником ОИПК Государственного Эрмитажа. Ее работа о староладожских гребнях носит публикационный характер. Она построена на материалах, добытых при раскопках староладожского городища, начиная с 1938 г. по 1959 г. В статье дана обстоятельная классификация гребней, разбирается вопрос технологии их изготовления, а также приводятся данные о распределении гребней разных типов по горизонтам.

Юрий Иванович Штакельберг по образованию историк-славист. Археологией занимается с 1940 г., сначала в кружке при

Дворце Пионеров, а затем под руководством чл.-кор. АН СССР В. И. Равдоникас на раскопках в Старой Ладоге.

Как пишет в своем отзыве В. И. Равдоникас, «небольшая по объему статья «Глиняные диски из Старой Ладоги» — его первая печатная работа. В ней автор скрупулезно и в музейном, и в плане историко-технологического анализа дает исчерпывающую характеристику только одного объекта — глиняных дисков, но объекта, имеющего чрезвычайно важное значение для понимания ряда комплексов, обнаруженных при раскопках в Старой Ладоге. Полнота и точность описаний и определений автора не оставляют желать ничего лучшего».

Павел Иванович Хавлюк в настоящее время проходит курс аспирантуры при кафедре археологии Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова. Его работы по вопросам славянской археологии уже давно появляются в печати. Они построены на материале самостоятельных раскопок П. И. Хавлюка. В настоящем сборнике печатается его работа, посвященная публикации материала проведенных автором раскопок славянских поселений VIII—нач. IX вв. на Южном Буге.

Работа Татьяны Ивановны Макаровой — лаборанта института археологии АН СССР (Москва) к славянской археологии имеет косвенное отношение: она посвящена лазуритовым украшениям и амулетам, которые находят в могилах кочевников южнорусской степи (X—XI вв.). Автор правильно считает, что лазуритовые подвески носят антропоморфный характер. Вполне возможно также, что в южнорусские степи их принесли беренден. Однако мнение Т. И. Макаровой, что лазуритовые подвески являются онгонами, «частными божками-покровителями», еще нельзя считать вполне доказанным.

В настоящее время к печати подготавливается еще один выпуск «Археологического сборника», посвященного славянской тематике.

Г. П. ГРОЗДИЛОВ

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПСКОВА

На берегах реки Великой широко раскинулся один из старейших городов нашей родины Псков. С его историей связано славное прошлое русского народа. С самого основания он являлся постоянным защитником северо-западных рубежей древнерусского государства. Сначала Псков противостоял набегам чудских племен, затем воевал с Литвой, а с XIII в. стойко защищал границы русской земли в длительной и упорной борьбе с немецкими рыцарями, получившими достойный отпор в известном Ледовом побоище на Чудском озере. Псков был взят всего лишь один раз (в 1240 г.), хотя псковичи защищали себя во многих случаях без всякой посторонней помощи. Постоянные войны требовали хорошей организации обороны города и поэтому псковичи особенно заботливо сооружали крепостные стены и башни, вначале из дерева, а в XII—XIII вв. из камня.

Система оборонительных крепостных сооружений в Пскове особенно наглядно представлена на иконе Сретения Богородицы из часовни Владычного креста (XVII в.), близ Пскова, где художник передал в перспективном плане город времени осады его Стефаном Баторием. Войска Батория были поражены обширностью города. Один из участников похода на Псков в 1581 г., ксендз Пиотровский (секретарь Батория), сделал в своем дневнике следующую запись: «Любуемся Псковом! Господи! Какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!» и далее продолжал: «город обнесен стеной, за которой красуются церкви, как густой лес, все каменные». Стефан Баторий осаждал Псков пять с половиной месяцев. Его сильная армия превосходила псковскую по численности. Но псковичи мужественно выдержали осаду и своего города не уступили. Также мужественно в 1615 г. псковичи выдержали трехмесячную осаду шведского короля Густава Адольфа.

С момента возникновения города и его постепенного роста в разное время воздвигались крепостные стены и башни. Так, сначала сооружаются за детинцем стены Довмонтова города, затем для усиления обороны посадником Борисом в 1375 г. возводится плитяная стена около 600 м длины, а несколько позже, в 1373 г., строятся деревянные стены Среднего города, которые в 1375 г. заменяются каменными. В XIV—XV вв., в эпоху наивысшего расцвета независимости Пскова, сооружаются стены Окольного города, охватившие всю территорию древнего города — Полонища, включая и Запсковье. Длина стен достигала в это время 9 км (рис. 1). Город в это время был густо населен. О плотности населения только лишь центральной части города можно судить по дошедшим до нас сведениям летописи, в которой отмечается под 1510 г., что «дворов было в Застеньи 6500» [1].

Наряду с крепостным строительством в XII—XVII вв. в Пскове сооружаются большие каменные храмы, часть из которых и поныне сохранила свой первоначальный облик. Прекрасными памятниками древней архитектуры являются Спас-Мирожский

---

[1] Псковские летописи под редакцией А. Н. Насонова, вып. 2, М., 1955, стр. 259.

Рис. 1. План Псковской крепости 1740 г.

1 — Детинец, *2* — Довмонтов город, *3* — Средний город, *4* — Окольный город, *5* — Завеличье.

монастырь XII в., Ивановская церковь в Завеличье, сооруженная в первой половине XIII в., Рождественский собор на Снятной горе, построенный в 1311 г., храм Василия на Горке начала XV в. и многие другие древние памятники.

Каменных храмов, дошедших до наших дней, в Пскове насчитывается свыше 30, но средневековый Псков, как и все другие древнерусские города, был по преимуществу деревянным; каменные сооружения были в нем редким исключением.

По свидетельству очевидцев, побывавших в Пскове в XVI в., известно, что даже палаты и княжеский дворец были выстроены из дерева, так как каменные дома жителями признавались нездоровыми для жилья. Древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, и поэтому лишь археологические раскопки позволяют составить о них некоторое представление.

Раскопки в Пскове позволили выявить сплошную и очень густую застроенность центральной части города, начиная с X в. Город к этому времени занимал уже обширную территорию, впоследствии, по мере роста города, опоясанную несколькими кольцами крепостных стен.

Псков впервые упоминается в летописи под 903 г. «...а о Плескове граде от летописания не обретается воспомянуто, от кого создан бысть и которыми людьми, токмо уведехом, яко был уже в то время, как наехали князи Рюрик з братьею из Варяг в Словяне княжити: поне же поведает, яко Игорь Рюрикович поят себе жену Ольгу от Плескова»[2]. Эта краткая историческая запись, очевидно, может служить свидетельством того, что город возник ранее даты первого упоминания о нем в летописи.

Древнейшая часть Пскова находилась на высоком узком мысу при впадении р. Псковы в Великую. Это подтверждается археологическими исследованиями, произведенными на территории Кремля, которыми установлено несомненное наличие там остатков первичного и очень древнего поселения, из которого развился город. Его рост первоначально происходил в южном направлении; застраивалась территория, прилегающая к Троицкому мысу, между реками Великой и Псковой.

[2] Псковские летописи, стр. 73.

Археологическое изучение Пскова началось только в советское время. Первые раскопки были произведены в Кремле в 1930 г. К. К. Романовым. В 1936 г. там же, в Кремле, раскопки производил Н. Н. Чернягин[3], впервые установивший наличие здесь слоев древнейшего славянского поселения, на основе которого в VIII—IX вв. возник Псков. С 1945 г. в Кремле продолжала раскопки С. А. Тараканова[4], вскрывшая культурные слои на значительной площади и собравшая большой вещественный материал. Было установлено, что позднесредневековые наслоения (от XI в. и позднее) были здесь срыты при Петре, при сооружении земляных бастионов[5]. Толщина культурного слоя в Кремле достигала на участках раскопов не более 1,5—2 м, причем органические остатки (прежде всего дерево, из которого были построены жилища) имели очень плохую сохранность. В отложениях же средневекового города вне Кремля на участке Старого Застенья, а также Среднего и даже Окольного города, как показали в дальнейшем наши раскопки, остатки деревянных сооружений сохранились очень хорошо.

С. А. Тараканова, изучая культурные слои в Кремле, сделала вывод, что поселение на мысу Кремля существовало непрерывно в течение первого тысячелетия нашей эры. На базе этого поселения и возник город Псков. Найденный материал определенно указывает, что здесь обитали славяне-кривичи[6], причем, по утверждению С. А. Таракановой, «славянское поселение в ранний период занимало территорию не только псковского кремля, но и площадь Довмонтова города, непосредственно примыкающего к Кремлю с южной стороны, следовательно, оно было обширным»[7]. Однако вывод этот, сделанный на материале одного небольшого раскопа в Довмонтовом

[3] Псков. Кремль. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., Л., 1941, стр. 28—32.

[4] С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.). КСИИМК, вып. XXVII, М. — Л., 1949, а также статьи С. А. Таракановой в КСИИМК, вып. XVII, XXI, XXIII, XXXV, XL и 62.

[5] С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском Кремле. КСИИМК, вып. XXI, М.—Л., 1947, стр. 142.

[6] С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском Кремле. КСИИМК, вып. XXI, М.—Л., 1947, стр. 147.

[7] С. А. Тараканова. Раскопки в Кремле. КСИИМК, вып. XVII, М. — Л., 1947, стр. 136.

городе, оказался ошибочным: слой с обломками лепной посуды, аналогичной той, которая была найдена в Кремле, в больших раскопках более поздних лет вовсе не был обнаружен.

Распространение наслоений древнего Пскова наиболее ярко можно себе представить по обрезам многочисленных котлованов и траншей, которые густой сетью покрывают территорию современного строящегося города на разных его участках, начиная с обширной территории в треугольнике между реками Великой и Псковой, от южной стены Довмонтова города и до Профсоюзной улицы (бывшей Плоской), а в восточном направлении включая площадь современного рынка. Здесь всюду наблюдается мощный культурный слой, местами достигающий 7 м, причем всюду на упомянутой территории древние отложения покоятся на скалистом материке и лишь кое-где черный перегной отделен от скалы нетолстым слоем светло-серой глины.

Средневековые слои обычно прикрыты сверху строительным мусором и только местами, на тех участках, где стояли до Отечественной войны каменные здания позднего Пскова, толща древних культурных наслоений оказывалась прорезанной фундаментами этих зданий.

Такая картина наблюдалась при устройстве многих котлованов, например под зданием кинотеатра «Октябрь», под новым зданием Педагогического института, под зданием Дома культуры на Советской площади, под несколькими новыми жилыми зданиями, выходящими на набережную р. Великой, под жилым домом, выстроенным на Советской площади, и соседним с ним домом на Советской улице, и, наконец, напротив него, под новым зданием Дома связи.

При рытье в 1954 г. котлована на улице Ленина, в основании черного перегнойного слоя на глубине трех метров от поверхности, найден имеющий перекрестье железный меч, сходный с известным мечом псковского князя Довмонта (XIII в.). При закладке в 1954 г. дома на углу Пушкинской и Октябрьской улиц в обрезе котлована, в культурных наслоениях трехметровой толщины, можно было наблюдать 3 яруса деревянных мостовых, а также основания срубов жилых домов, принадлежавших, очевидно, сапожникам, так как в слое на уровне этих построек содержалось огромное количество обрывков кожи, залегавших линзами толщиной 15—20 см. Собранные из этого слоя обломки керамики позволяют датировать его XII—XIII вв. (раскопки здесь не производились). По Пушкинской улице проходила крепостная стена Среднего города, возле которой в Окольном городе был устроен в 1510 г. Новый торг. Древние отложения на месте торга, в квартале между Пушкинской и Некрасовской улицами, достигают двухметровой толщины. В них хорошо сохранились древние деревянные сооружения (уличные мостовые, лавки, настилы и др.).

Культурный слой в Запсковье вовсе не изучался, но наблюдения на стройках показали, что наслоения древнего города здесь не превышают 1 м.

Органические остатки на этом участке не сохранились. Возможно, что при организации специальных поисков в дальнейшем будут открыты участки наиболее плотной застройки древнего посада, просуществовавшего длительное время. То же самое можно сказать и о Завеличье, где также археологических раскопок не производилось. Культурный слой здесь незначителен или вовсе отсутствует [8].

Изучение средневекового Пскова за пределами Кремля проводилось в очень небольших масштабах [9].

Средневековый период истории Пскова широко известен из псковского летописания, являющегося несомненно основным источником наших сведений о городе. В летописях имеются многочисленные и порой пространные сведения об экономической, социальной и культурной жизни населения древнего города, но мало материала о возникновении и росте города, его древней топографии, о состоянии ремесел.

---

[8] Земля из котлованов, заложенных в центре города, обычно вывозилась и вывозится с места строек на планировку площадей, скверов, а также для устройства подъездных путей в районах Запсковья и Завеличья, например, на участки, прилегающие к телецентру и многим другим новостройкам города. Нередко в результате такого перемещения культурного слоя на новых участках образуются наслоения черной перегнойной земли, достигающие иногда нескольких метров толщины.

[9] Раскоп, заложенный С. А. Таракановой, в Довмонтовом городе имел площадь 36 кв. м; ею же произведены раскопки на Анастасьевской горке в Окольном городе на площади 288 кв. м. С. А. Тараканова. КСИИМК, вып. XVII, М. — Л., 1949.

Кроме того, письменные источники, относящиеся к истории Пскова, в большинстве своем изучены и исчерпаны и на новые открытия надеяться почти невозможно. В связи с этим особенно большое значение приобретают вещественные памятники, сохранившиеся в земле древнего Пскова. К их изучению в 1954 г. приступила археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Псковского областного музея краеведения. По ряду причин экспедиция вела свои работы преимущественно на строительных площадках и не имела возможности организовать систематические раскопки на широкой площади.

Археологические раскопки в Пскове в 1954—1956 гг. оказались крайне своевременными, так как после войны восстановление и благоустройство города шло очень быстро и свободные площади, на которых можно было вскрывать древние культурные напластования, превращались в скверы, покрывались асфальтом или исчезали под вновь построенными домами.

Повсюду, где для закладки фундаментов выкапывались котлованы, можно было наблюдать мощные наслоения древнего города. Они почти всегда имеют интенсивно черную окраску и содержат в себе остатки средневековых деревянных сооружений. Толщина древних отложений на разных участках центральной части города, как мы уже отмечали, достигает 7 м. Это наблюдение было сделано впервые, и явилось до некоторой степени неожиданным, так как в археологической литературе высказывалось мнение о расположении первоначального города лишь на горках и холмах в окружении сплошных болот, непригодных для застройки. Предполагалось, что культурный слой не может быть особенно мощным и что остатки деревянных сооружений древнего Пскова не могут иметь такой сохранности, какая характерна для других древнерусских городов[10].

Культурный слой, судя по многочисленным наблюдениям экспедиции, имеет наибольшую мощность на территории Среднего города к югу от детинца. Особенно мощные наслоения прослеживаются в древней центральной части, на площади летописного Старого Застения.

Исходя из стратиграфии древних наслоений и их распространения, можно полагать, что горизонт первоначальной застройки этого участка был много ниже современной поверхности города. Столь мощное нарастание слоев земли могло произойти только за счет значительной плотности застройки города и его беспрерывной жизни в течение нескольких столетий.

Следует учесть, что в условиях деревянного строительства стихийным бедствием являлись частые пожары. За 400 лет Псков горел более 30 раз. Пожары возникали во время военных столкновений псковичей с литовцами и немцами, о чем неоднократно говорится в летописи в кратких выразительных записях: «пришед под Псков, посад пожгоша»[11]. Впрочем, гораздо чаще пожары происходили от неосторожности самого населения. В летописи под 1386 годом сообщается: «Сего же лета вcь Пьсков погорел, и церкви священныя, и посад около града, мало бог оублюл святыа Троицы, детенца града, маия в 8 загореся в 6 час, а до 9-го часа вcь град погоре»[12]. В записи под 1406 годом указывается: «Того же лета, месяца маиа в 31 день, на память святого мученика Еремея, вcь Псков погорел в сам Духов день, при великого князя после Никитьи Неелова, как обедню поють; а загорелося от Оксентея Баибороде, за оумножение грех ради наших»[13].

Пламя пожаров перебрасывалось с одной постройки на другую, охватывая не только отдельные дома, но и целые кварталы и даже весь город, сгоравший буквально в течение нескольких часов. Особенно часто происходили пожары в XIV—XV вв. Но и в более раннее время они были не менее частыми явлениями для Пскова, о чем можно судить даже по тем остаткам деревянных сооружений, которые экспедиция открывала во время раскопок в слоях XI—XV вв. Отметим, что в большинстве случаев бревна были обгорелыми и сохранялись обычно только те из них, которые оказывались при пожарах прикрытыми землей, т. е.

---

[10] А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, М.—Л., 1949, стр. 113; С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.). КСИИМК, вып. XXVII, стр. 105 (примечание 8); Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Издание Псковского археологического общества. Псков, 1913, стр. 73.

[11] Псковские летописи стр. 26, 27, 81, 98, 104.

[12] Там же, стр. 88, 106.

[13] Там же, стр. 112

преимущественно основания жилых изб, хозяйственных сооружений или настилов мостовых и дворов.

На месте сгоревших построек городское население вскоре сооружало новые жилые дома и хозяйственные постройки. Вполне понятно, что при строительстве обычно накапливался мусор, остававшийся здесь. Много отходов получалось при вытесывании досок и устройстве настилов, при сооружении печей и работах, связанных с благоустройством жилищ.

Влажность почвы способствовала сохранению в земле остатков дерева и строительной щепы, и поэтому процесс постепенного накопления отложений средневекового города в течение многих столетий, в конечном счете, послужил образованию мощных пластов культурного слоя.

Снимая во время раскопок верхние покровы земли, пласт за пластом, экспедиция смогла проследить последовательное залегание в земле остатков древних сооружений, установить планировку отдельных построек и целых участков. Сопровождающие вещественные находки, обнаруженные в постройках или возле них, давали материал для датировки.

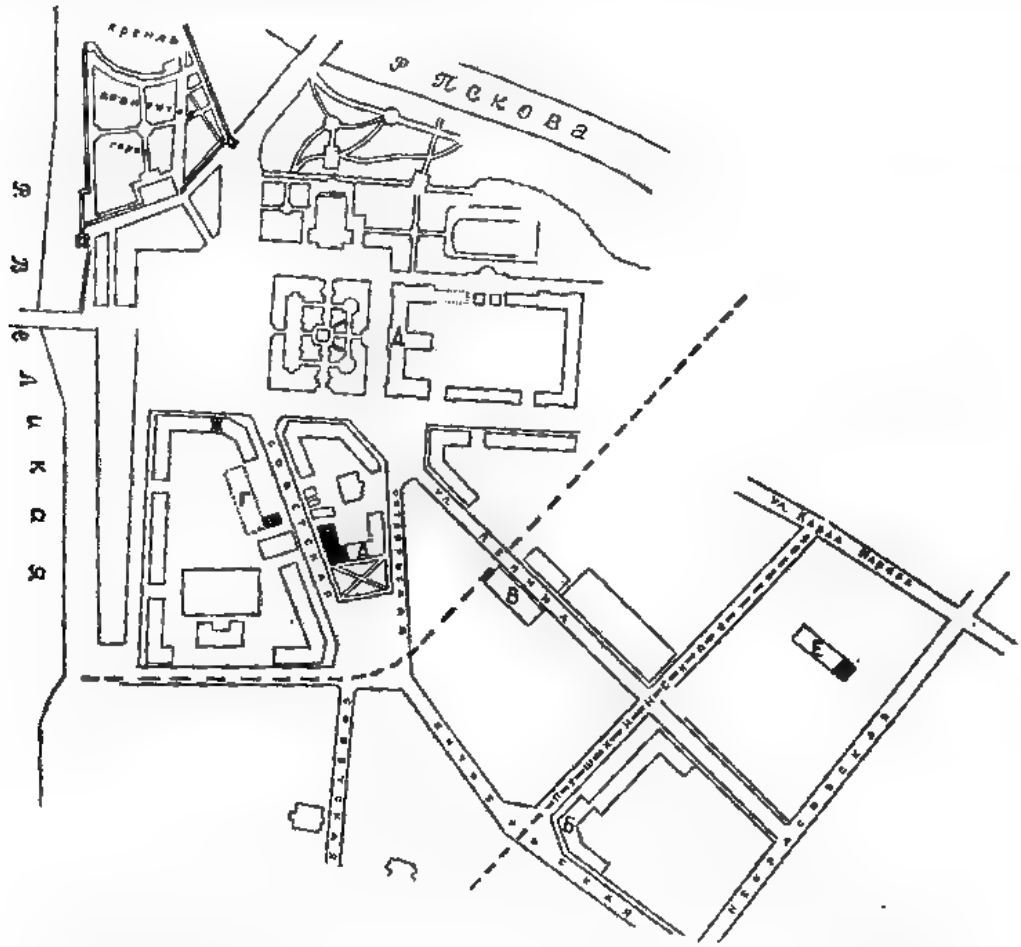

Рис. 2. План центральной части Пскова с обозначением мест раскопок 1954—1956 гг.

А — участок раскопа в 1954 г.; *Г*, *Е* — участки раскопов 1955 г.; *Ж* — участок раскопа 1956 г.; *Б*, *В*, *Д* — котлованы, отрытые в 1954—1955 гг. для новых зданий.

Исследовались в первую очередь те участки древнего города, на которых при сооружении крупных зданий культурный слой уничтожался полностью в связи с закладкой фундаментов, а на участках, занимаемых или планируемых под скверы, или асфальтируемых (на площадях и дорогах), раскопки не производились, так как археологические работы могут быть здесь проведены в дальнейшем при более благоприят-

Рис. 3. Октябрьская площадь. Место раскопок 1954 г.

ных условиях и, может быть, на бо́льших площадях.

1-й раскоп 1954 г. находился на месте сооружавшегося тогда Дома связи, 2-й — был заложен в 1955 г. в 30 м к западу от первого перед зданием почты и 3-й (1956 г.) — располагался в 150 м к северо-западу от второго, на Советской площади, на месте строившегося жилого дома, возле моста через реку Великую (рис. 2).

Участок города, на котором производились раскопки, в течение нескольких лет был еще не застроен и представлял собой более или менее ровную, почти горизонтальную поверхность. Сопоставляя высоту крепостной стены со стороны реки Великой с уровнем современного города, можно довольно ясно представить себе, насколько ниже была древняя поверхность, на которой впервые возник город. Крепостную стену и ворота полностью можно видеть только с внешней стороны, то есть со стороны реки, а с внутренней (со стороны города) — слои земли наросли выше самой стены.

В 1954 г. экспедиция выбрала объектом для раскопок площадку строительства Дома связи, находившуюся в центре города, перед Михайловским храмом (сооружен в 1339 г.), на участке между Советской и Октябрьской улицами[14] (рис. 3).

По своему положению данная местность связывается со Старым Застеньем, о котором, начиная с XIII в., неоднократно упоминает Псковская летопись. Эта часть города, как отмечалось выше, была наиболее густо заселенной и, очевидно, можно было ожидать от раскопок важных и интересных результатов, касающихся истории города в XI—XV вв.

На строительной площадке Дома связи к моменту приезда экспедиции экскаватор заканчивал выемку земли из котлована, причем им вычерпывались бревна древних сооружений, находившихся под слоем строительного мусора, примерно на глубине до 2 м[15].

[14] Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова в 1954 г. СГЭ, вып. VIII, Л., 1955, стр. 48—50.

[15] В экспедиции 1954 г. участвовали научные сотрудники отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа Г. П. Гроздилов (начальник экспедиции), В. П. Мизинова, О. И. Давидан, Е. И. Оятева, ст. научный сотрудник отдела нумизматики М. П. Сотникова и научные сотрудники Псковского музея Е. М. Павлов и Ю. Н. Козина.

Котлован имел в плане П-образную форму и занимал площадь около 1350 кв. м. Еще до начала раскопок можно было наблюдать, что мощность культурного слоя не всюду одинакова. Так например, в восточной половине, граничащей с Октябрьской улицей, толщина культурного слоя достигала всего лишь 60—75 см, и ниже его здесь залегал слой красной материковой глины, а со стороны Советской улицы культурный слой распространялся, как показали дальнейшие раскопки, до 5 м от поверхности. Причиной такого неравномерного распространения культурного слоя на относительно небольшом пространстве (по длине 50 м) являлась, вероятно, какая-то поздняя планировка. И если сейчас поверхность участка в этой части города представляется почти ровной, то в древности можно предполагать существование здесь возле Михайловского храма небольшой возвышенности.

Площадь раскопа 1954 г. составляла 620 кв. м. Верхний пласт содержал фундаменты разрушенных домов, строительный мусор, залегавший на глубину до 2—2,5 м. Ниже этого уровня культурный слой углублен на 2, а местами и на 3 метра. Предварительное удаление верхнего балласта экскаватором в значительной мере облегчило нашу работу, но вместе с тем были частично повреждены остатки древних деревянных сооружений.

Первоначально с целью общего выравнивания площади раскопа и зачистки стенок для разрезов и наблюдений были удалены завалы земли, оставшиеся в котловане после работы экскаватора Возле краев котлован имел меньшую глубину. Поэтому в центре оказался удаленным не только верхний пласт, состоявший из строительного мусора (толщина его достигала 2 м), но и культурный слой с древними сооружениями, причем на некоторых квадратах он был выбран на значительную глубину. В результате произошло нарушение не только стратиграфии напластований, но и общей планировки древних сооружений, отдельные части которых, а иногда и целые комплексы, были в ряде случаев почти полностью уничтожены

Площадь раскопа была разбита на квадраты размером 2 × 2 м. Цифрами обозначены продольные линии сетки по западному краю раскопа от юго-западного угла котлована, начиная с 0 до 17, а буквами русского алфавита от А до П — поперечные линии сетки по южному краю раскопа, начиная от того же юго-западного угла котлована. Все открытые остатки деревянных сооружений, а также вещевые находки, строго привязывались к пикетной сетке с указанием глубины их положения в культурном слое [16].

За нулевую точку принята поверхность современной мостовой в юго-западном углу раскопа (кв. $А_0$). Остатки построек и других деревянных сооружений наносились в масштабе 1 : 20 на генеральный план в процессе расчистки. Каждый исторически определяемый горизонт фиксировался на отдельном листе. На планах отмечались глубины залегания каждого бревна по концам их и по средине Все отметки отрицательные. Наряду с планами выполнялись разрезы культурного слоя по основным линиям, и отдельно — для ряда обнаруженных сооружений. Культурный слой разбирался лопатами. Для расчистки обнаруженных комплексов применялись ножи.

При расчистке северной стенки котлована на линии пикетов К—$П_7$ (рис. 4) на глубине 2,05—2,10 м обнаружены каменные стены погреба-житницы На полу погреба сохранились обгоревшие зерна ржи. В плане это сооружение имеет форму квадрата 6 × 6 м. Толщина стен до 75 см; сохранились они на высоту 1,40—1,48 м; стены сложены из каменных плит (около 36 × × 30 × 7 см), скрепленных раствором извести. Внешняя и внутренняя поверхности стен аккуратно сложены из подтесанного камня и обложены большими листами бересты, защищавшими помещение от проникновения влаги. Погреб был устроен в земле и сверху перекрыт накатом из бревен. Поверх наката щебеночная засыпка. Вход с деревянным порогом находился в северо-восточном углу, ширина проема 1 м.

Над восточной стенкой погреба помещался угол четырехстенного сруба (избы), рубленного топором. Обнаружены пять нижних венцов вместе с бревенчатым полом. Верхнее бревно этой постройки открыто на глубине 1,14—1,20 м, нижнее — на глубине 1,70—1,89 м. Длина постройки по южной стороне 4,30 м, высота до 80 см.

[16] Каждый квадрат получил свое обозначение по юго-западному пикету.

Остатки погреба по условиям стратиграфии и найденным обломкам керамики датируются XV—XVI вв., а избы, лежавшей выше этих остатков, XVII в.

На линии пикетов А Ж$_1$ в верхнем горизонте построек XIII—XIV вв. найдены остатки вертикальных столбов диаметром от 40 до 65 см. Некоторые из этих столбов имели в основании специальные выемки, весьма сходные с выемками на новгородских «жомах». Столбы, очевидно, являлись «стульями» для поддержания бревен сруба и углов каких-то сооружений, оказавшихся полностью разрушенными. Мы датируем их XV—XVI вв.

На юго-восточном участке раскопа обнаружены хорошо сохранившиеся венцы шести срубов деревянных колодцев и массивная цилиндрическая труба, отходившая от одного из них.

Колодцы сооружались в разное время Основания их срубов находились на уровне родников

КОЛОДЕЦ № 1 (кв. ЗИ$_1$). По времени сооружения он является позднейшим, о чем можно судить как по необычному его положению внутри остатков сруба постройки XIII—XIV вв., так и по данным стратиграфии; основание сруба прорезает пол жилого дома нижележащего горизонта, датируемого XII -XIII вв

Колодец срублен из круглых в сечении бревен с чашечными вырубками на концах, приемом в обло. На верхней стороне сделаны продольные желобки для подгонки сруба. Длина бревен по южной стороне 1,40 м, диаметр бревен 15 -16 см. На южной стороне 3 венца. С западной стороны длина бревен достигает 1,67—1,70 м. Высота сруба по этой стороне 4 венца. Концы бревен на углах выступают на 10—13 см. Яма для колодца была при его сооружении углублена еще ниже сруба и выстлана по дну каменными плитами. Верхнее бревно колодца обнаружено на глубине 2,47 - 2,50 м, а основание выложено плитами на глубине 3,25—3,30 м.

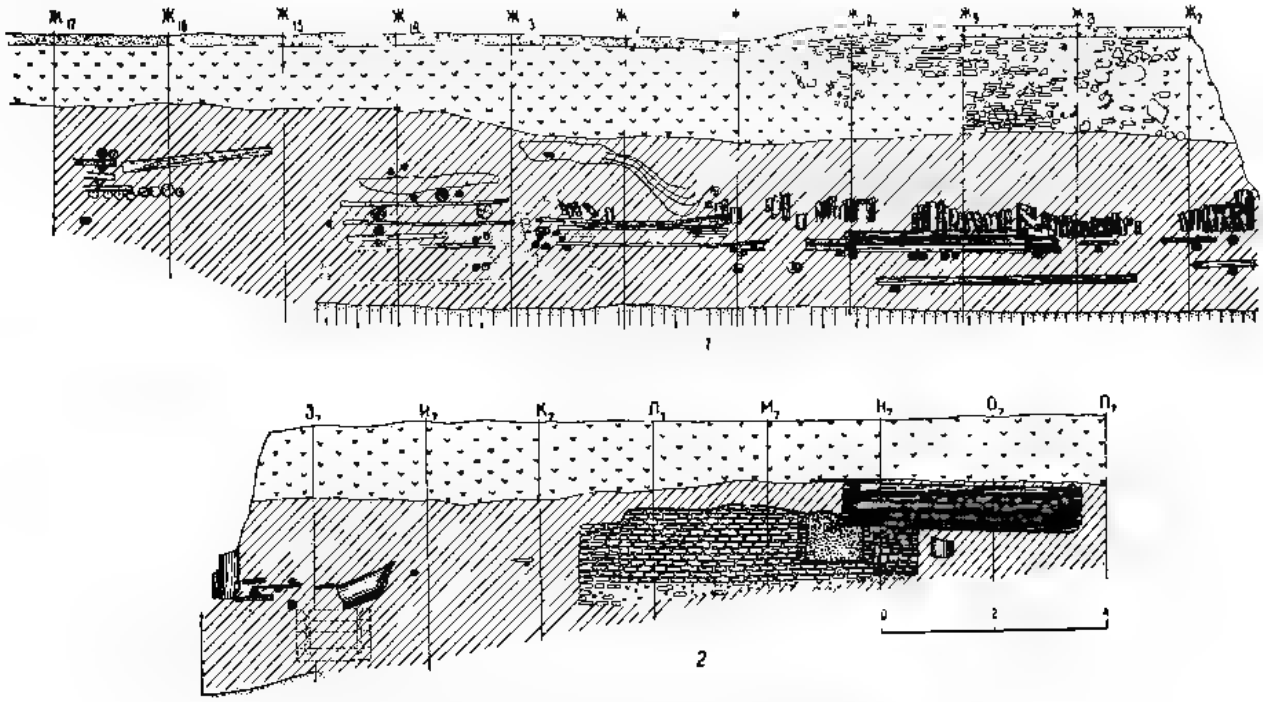

Рис. 4. Разрезы культурных наслоений раскопа 1954 г.

1 — по восточному краю; *2* — по северному краю.

КОЛОДЕЦ № 2 (кв. ЛМ$_2$) возле частокола и настила. Сруб этого колодца сооружен из крупных полубревен, обращенных подтесанной поверхностью внутрь колодца. Толщина горбылей в среднем 12—13 см, а их ширина 36 см. На двух сторонах сохранились три венца, на других двух — по четыре. Общая высота сруба в сохранившейся части 1,35 м На концах

горбылей по верхнему краю вырублены чашки и в них вставлены следующие венцы. Размер сруба колодца 1,55 × 1,76 м. Возле него найдены обломки керамики XII в., куски войлока, обломки костей животных. Засыпь колодца представляет собой мелко отмученный серый суглинок, вероятно, вынесенный родником (рис. 5, *1*). Верхнее бревно колодца обнаружено на глубине 2,50 м, дно на глубине 3,85—3,90 м.

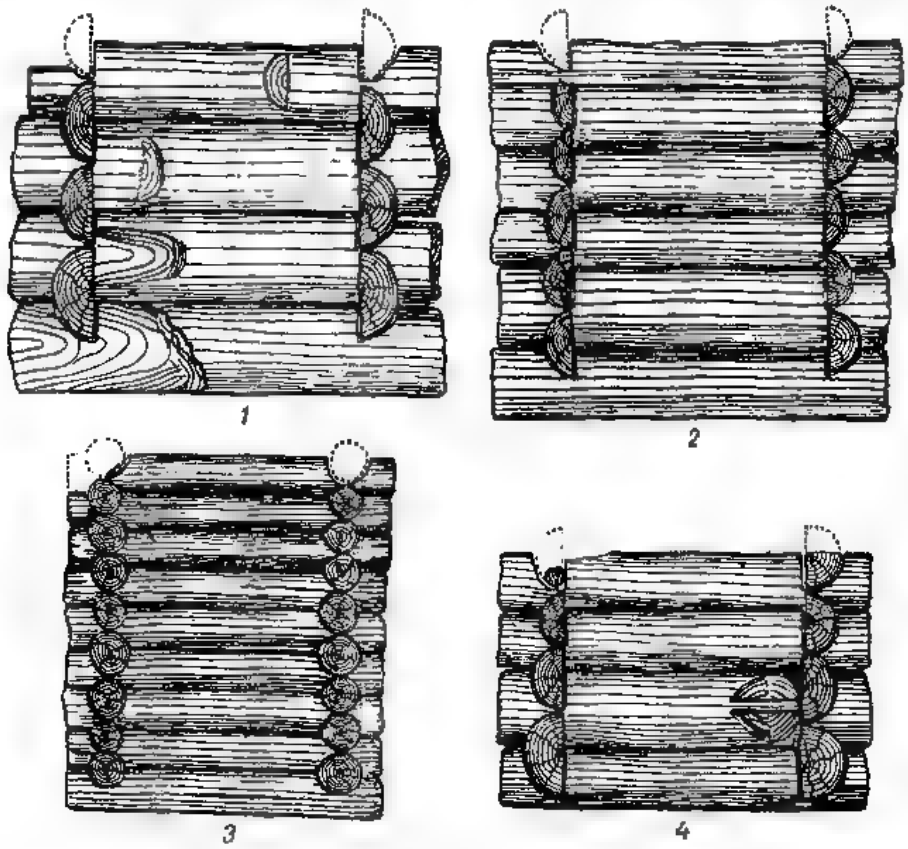

Рис. 5. Срубы колодцев, обнаруженных на участке раскопа 1954 г.

1 — колодец № 2; *2* — колодец № 3; *3* — колодец № 4; *4* — колодец № 5.

КОЛОДЕЦ № 3 с трубой (кв. $К_3$). Размеры его по южной стороне 1,72 м, по западной 1,48 м. Сруб колодца сохранился на 7 венцов (рис. 5, *2*). Общая высота его 1,40 м. Как и колодец № 2, он сооружен из тесаных горбылей, ширина которых составляет 23 см, а толщина 10—12 см. Стесанная поверхность горбылей обращена внутрь колодца. Обращает на себя внимание тщательная и очень плотная подгонка венцов друг к другу, которая наблюдалась и во всех срубах других колодцев. Данный колодец в верхней части содержал засыпь, состоявшую из галечника, а ниже серый суглинок, в которой обнаружена большая разбитая корчага с утолщенными на боках выступами. В выступах имеются отверстия для привязывания веревки. Очевидно, корчага разбилась, когда ею брали воду. Кроме корчаги, в засыпи найдены обломки глиняных горшков и крышки XIII—XIV вв. Верхнее бревно колодца на глубине 2,61—2,70 м, а основание колодца на глубине 4,10—4,15 м.

КОЛОДЕЦ № 4 (кв. $З_6$). Сруб размером 1,18 × 1,18 м. Сохранились 9 венцов на высоту 1,30 м.

Верхнее бревно на глубине 2,68—2,76 м; дно на глубине 4,05 м. Колодец сооружен из круглых бревен с чашечными вырубками на концах. Любопытно наличие с двух сторон настила из жердей. Концы этого настила упиралась в стенку сруба, что свидетельствует об одновременности сруба и настила. Колодец и настил связаны со всем хозяйственным комплексом, датируемым нами XII в. Высота сруба над настилом достигает 60 см; верхние венцы утрачены; дно

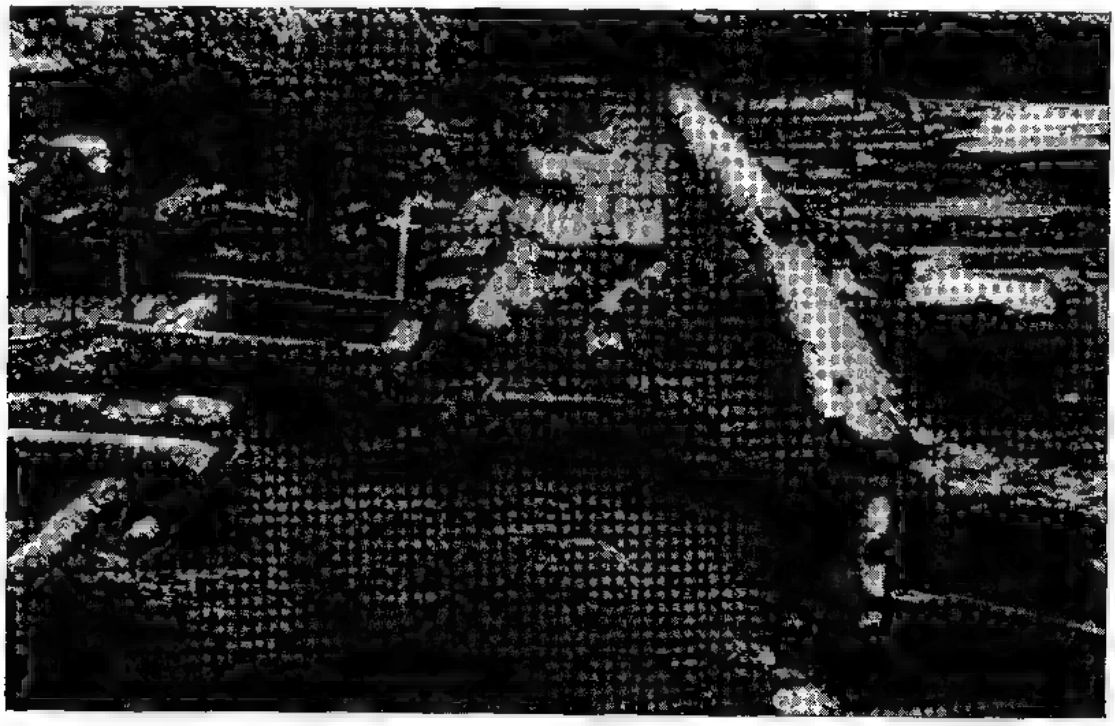

Рис. 6. Положение трубы и колодца XIII—XIV вв (раскоп 1954 г.)

было плотно выстлано досками (рис. 5, *3*). Вблизи дна найдены обломки большой широкогорлой корчаги с мелкими бороздками по плечикам. Высота ее 24,5 см. По форме и технике выполнения корчага относится к XII в.

КОЛОДЕЦ № 5 (кв. ЖЗ$_6$). Размеры сруба 1,36 × 1,36 м.

Верхнее бревно обнаружено на глубине 2,90—3,02 м, а дно — на глубине 4,00—4,02 м. Сооружен из горбылей с вырубленными на концах чашками для скрепления углов. В сохранившейся части он имеет высоту 1 м (рис. 5,*4*). Две стенки сруба состоят из 4, две другие из 5 рядов бревен На дне деревянный дощатый пол. Засыпь внутри представляла собой массу мелкого древесного угля, перемешанного с головешками и обгоревшими деталями каких-то крупных предметов (может быть, крышка стола и его ножки). Одно из бревен сруба имеет выемку с оставленной перекладиной, как у жома. Колодец № 5[17] одновременен колодцу № 4.

КОЛОДЕЦ № 6 до конца не обследован. Размеры его в плане достигают 1,20 × 1,20 м. Он сооружен из горбылей. Верхние бревна на глубине двух метров. Экскаватор разрушил срубы еще двух колодцев, находившихся поблизости от колодца № 6, но за границей раскопа, причем один из них с внешней стороны был тщательно закрыт большими листами бересты.

В XIII—XIV вв. от одного из колодцев (№ 3) при его сооружении была проложена деревянная цилиндрическая труба, которая нами прослежена на протяжении 18 м до западного края раскопа. В том же направлении, но на некотором удалении от раскопа, экскаватор, отрывая канаву у здания почты, наткнулся на продолжение той же трубы. Общая протяженность трубы оказалась 50—60 м.

Труба, обнаруженная на нашем раскопе, состояла из трех звеньев, уложенных по прямой впритык друг к другу, с легким уклоном в сторону реки Великой. Длина каждого звена около 7 м; внешний диаметр 55—60 см; внутренний — 23—27 см. Каждое звено представляет собой два самостоятельных желоба, тщательно подогнанных друг к другу (рис. 6). На каждой половине по краям сделаны зубчатые выемки для скрепления одной половины с другой

[17] Этот сруб и часть трубы от колодца № 3 доставлены в Государственный Эрмитаж.

33352

без применения гвоздей (зигзагообразный шов).

По сторонам труба закреплена короткими кольями, забитыми вровень с верхним ее краем. Ложе для трубы укреплено мелким плотно слежавшимся гравием и галечником, сверху же она была слегка прикрыта землей.

От первого звена трубы, находившегося у колодца, сохранилась лишь нижняя ее половина, слегка сдвинутая со своего первоначального положения[18]; соединения этого звена с колодцем не устанавливается, хотя конец его почти вплотную подходит к верхнему краю сруба. На месте стыка трубы с колодцем обнаружен в вертикальном положении большой поддон бочки, возможно, перекрывавший в необходимых случаях воду, поступавшую в трубу.

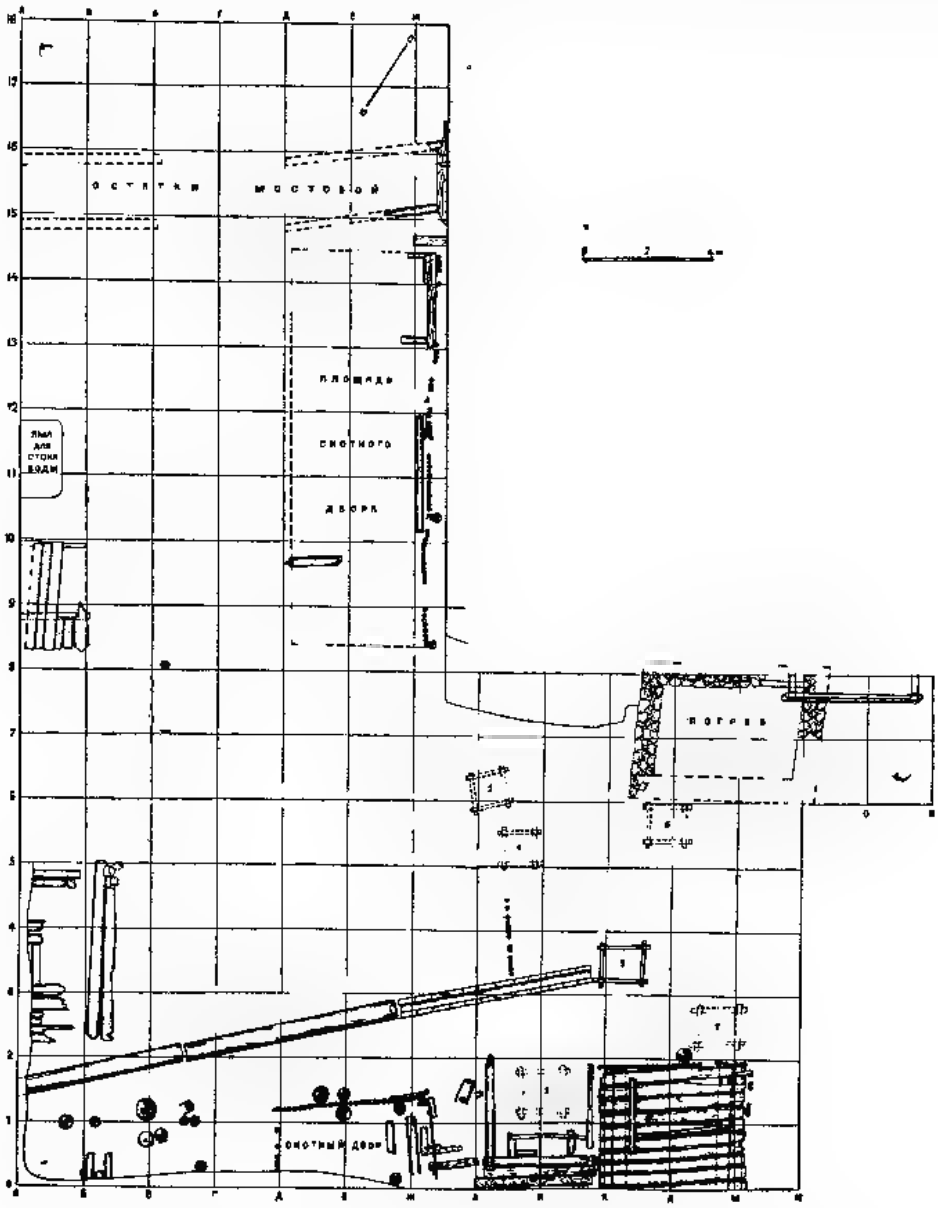

Рис. 7. План остатков сооружений XIII–XIV вв. (раскоп 1954 г.).

[18] Верхняя половина этого звена трубы была, вероятно, извлечена экскаватором во время рытья котлована.

Труба в целях изоляции от загрязнения была обложена большими листами бересты, особенно тщательно на стыках между отдельными звеньями. Ниже трубы культурный слой распространялся на глубину 1,20—1,40 м. Первое звено трубы находилось не у основания сруба, а выше его дна на 1,40 м, на уровне 7-го венца сруба, что давало возможность накапливающейся воде отстаиваться в колодце и затем вытекать из него. Труба, видимо, являлась частью самотечного водопровода, служившего для подачи воды в соседний квартал города.

Обломки глиняной посуды, найденные в трубе, а также положение трубы в древних слоях, позволяют датировать ее XIII—XIV вв. Подобные трубы известны в раскопках древнего Новгорода, но, по заключению А. Ф. Медведева, предназначались там исключительно для дренажа [19].

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XIII—XIV вв. (рис. 7, 8, 9). В этом горизонте, кроме самотечного водопровода, на кв. $ЗИ_{0-1}$ открыты остатки сруба жилой постройки размером 3,25 × 3,60 м. Сохранился один нижний венец. Внутри избы найдены подкладки, на которых лежал пол. Основание постройки нарушено в XVI—XVII вв. устроенным здесь колодцем. С южной стороны избы находился настил сеней со следами пожара на бревнах. С восточной стороны к дому примыкал другой настил, состоявший из массивных расколотых бревен, плотно уложенных на пяти длинных подкладках. Общая площадь настила в обнаруженной его части достигает 4,5 × 4,6 м (кв. $КЛМ_{0-1}$). Бревна открыты на глубине 2,30—2,50 м. Настил по двум сторонам (северной и восточной) обнесен частоколом из бревен диаметром 14—16 см, поставленных вплотную друг к другу. На бревнах настила обнаружен развал глинобитной печи с каменными плитами в основании. Назначение описываемого сооружения осталось невыясненным; обращает на себя внимание массивность постройки [20].

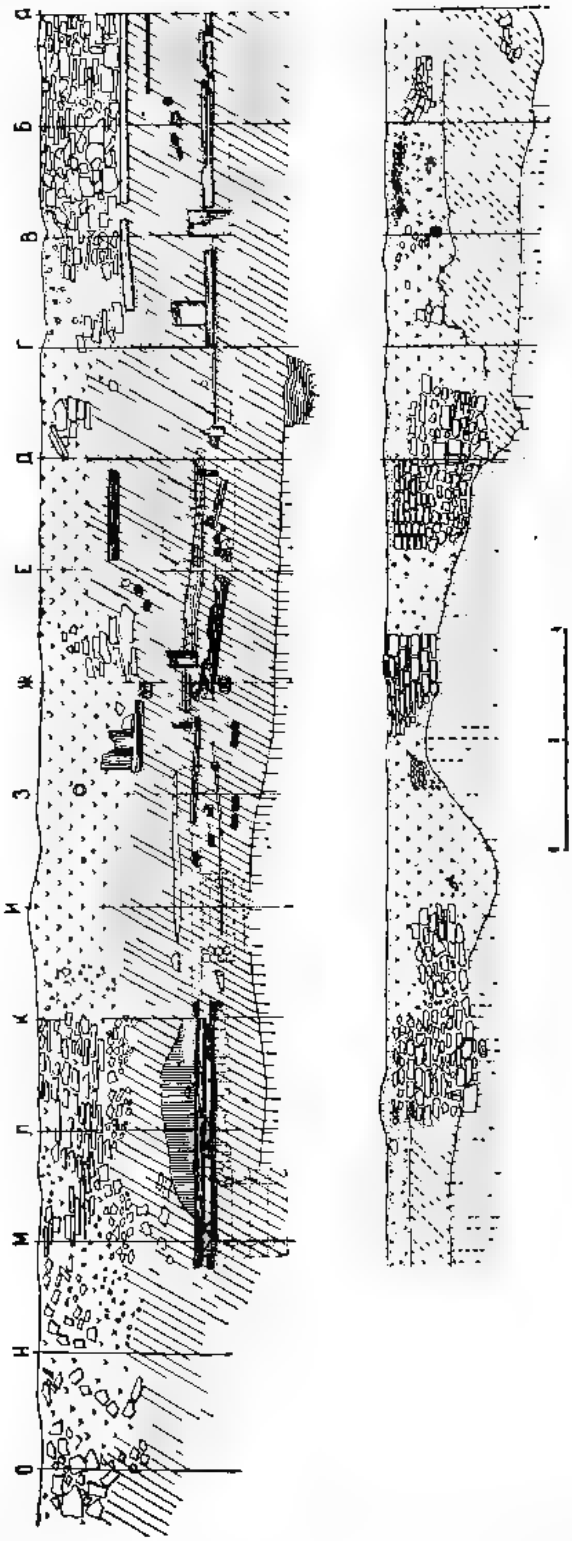

Рис. 8. Разрез культурного слоя по южному краю раскопа 1954 г.

[19] А. Ф. Медведев Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. МИА, № 55, М., 1956, он же. Водоотводные сооружения древнего Новгорода КСИИМК, вып. XL, М., 1951, стр. 51—73.

[20] Бревна, составляющие настил сооружения, имеют диаметр 38—45 см. На двух из них наблюдались проушные вырубки, по устройству сходные с вырубками на жомах. Подобного рода вырубки неоднократно встречались на бревнах колодца и на основаниях вертикальных столбов. Возможно, что эти вырубки с проушинами делались на бревнах для связывания из них плотов для транспортировки леса по воде

Рис. 9. Общий вид остатков сооружений XIII—XIV вв. (раскоп 1954 г.).

К западу от жилой постройки помещался скотный двор, огороженный частоколом. Крыша двора, по-видимому, держалась на больших столбах, от которых сохранились лишь основания. Распространение стойлового навоза и наличие частокола на кв. ДЕЖ$_{0-2}$ указывает, что ширина хлева была 5 м. Длина двора не установлена, так как он раскопан неполностью.

У восточного края раскопа на кв. ДЕЖ$_{8-13}$ обнаружены остатки другого большого скотного двора площадью 12 × 5 м. От хлева сохранились основания бревенчатых частоколов по восточной стороне. Слой навоза определял границы скотного двора. Стены хлева состояли из плотного ряда вертикально стоявших бревен диаметром 10—12 см. Крыша над хлевом была устроена на более массивных бревнах, достигающих в диаметре 25—30 см. Основания таких столбов прослежены на линии частокола в кв. Ж$_{7-12}$.

У западного края раскопа на кв. АБ$_{2-4}$ частично открыто основание постройки из крупных бревен. Длина сооружения по восточной стороне 5,50 м.

В северной части раскопа находились остатки настила уличной мостовой. Ниже сооружений XIII—XIV вв. был открыт новый пласт деревянных сооружений с несколько иной планировкой. Так же как и верхний горизонт новый слой содержал только основания построек.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII—XIII вв. (рис. 10). У южного края раскопа на глубине 2,70—3,05 м обнаружены пешеходные мостки (кв. АБВГДЕ$_1$Ж$_2$), состоявшие из тщательно подтесанных бревен, вплотную подогнанных друг к другу и продольно уложенных на подкладки.

Мостки шириной около 1,80 м состояли из нескольких звеньев. Они являлись частью проулка. По сторонам размещались основания ряда жилых построек, стоявших близко одна возле другой так, что проход между ними был невозможен.

Постройка в кв. КЛМ$_{0-1}$, у южной стенки раскопа на глубине 2,60—2,80 м сохранилась на один нижний венец, размером 4,80 × 3,60 м. Изба имела тесаный пол, на котором найдены каменные формочки для отливки бронзовых украшений, бронзовый перстень с расширенной средней частью и заходящими друг за друга концами, обломки тигелька Дом, очевидно, принадлежал

ремесленнику-литейщику, изготовлявшему мелкие бронзовые украшения.

Рядом с избой литейщика, обнаружены остатки другой избы (кв. ЖЗИ$_{0-1}$), принадлежавшей, вероятно, семье сапожника. Основание сруба этой постройки и дощатый пол попорчены колодцем. При расчистке пола в большом количестве обнаружены обрезки кожи, обрывки поношенной обуви, чехлы для ножей, ремни, деревянная колодка, доска, на которой обрезалась кожа и другие предметы. Остатки постройки прослежены на глубине 2,70—2,80 м. Длина северной стены 3,60 м.

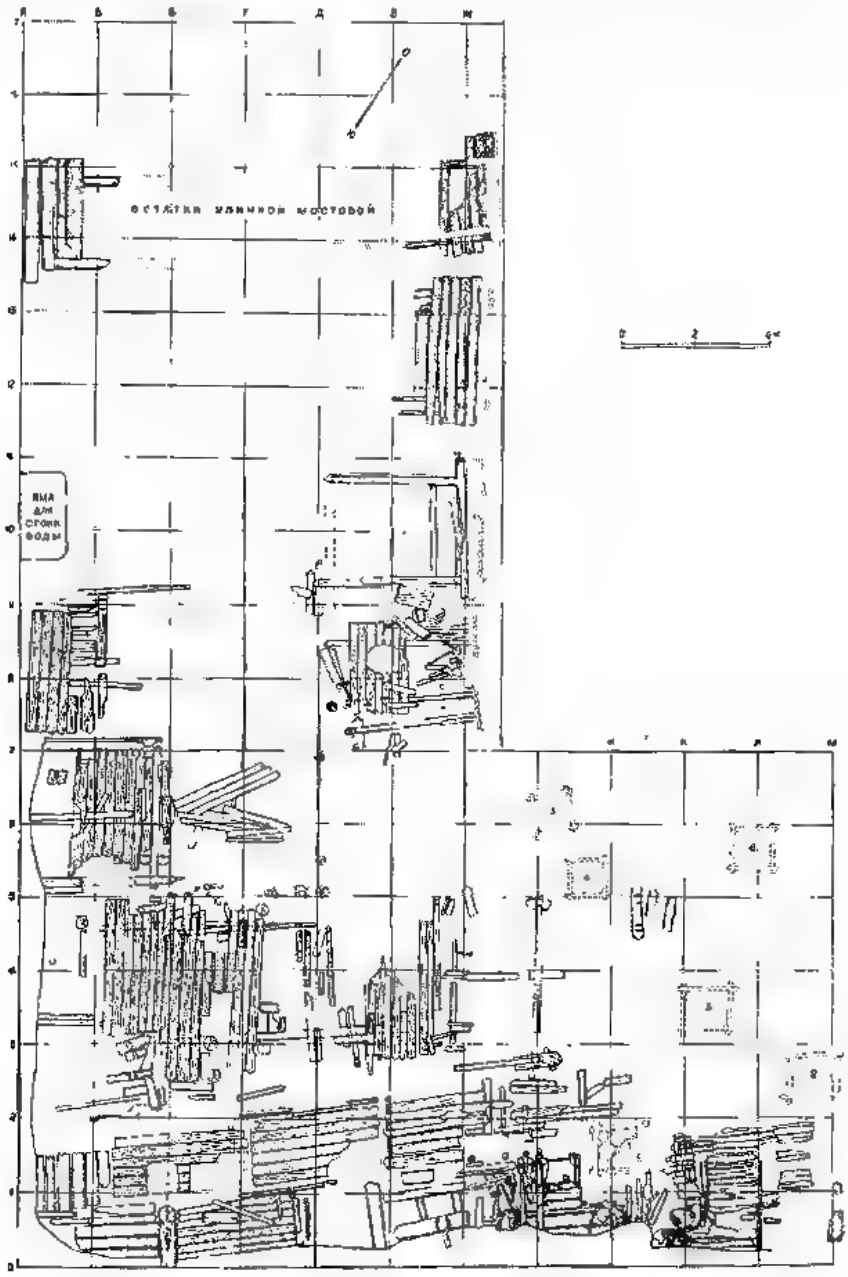

Рис. 10. План остатков оснований деревянных сооружений XII -XIII вв. (раскоп 1954 г.).

В том же ряду на глубине 2,70—3,02 м находились остатки еще трех сооружений (кв. АБВГДЕ$_0$), от которых сохранились настилы полов и нижние венцы. Можно полагать, что фасады построек и их входы были обращены в сторону проулка.

На другой стороне проулка стояла изба (кв. $ЕЖ_{3-4}$), от которой сохранился один венец. Размер избы 3,20 × 4,80 м. К ней с западной стороны примыкал дворовой настил (8,60 × 4,40 м), занимавший участок между линиями пикетов $БЖ_2$ и $БЖ_5$. Остатки дома и двора найдены на глубине 2,58—2,80 м.

К северу от двора на кв. $АБ_{5-7}$ обнаружена нижняя часть избы площадью 3,70 × × 4,10 м с тесаным полом. Сохранились два

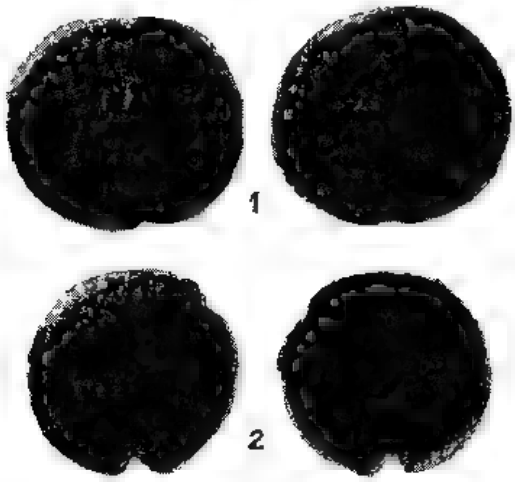

Рис. 11. Свинцовые печати XIV в. (раскоп 1954 г.).

венца; верхние бревна открыты на глубине 2,48—2,65 м. При расчистке избы найдены бусы, янтарный крестик, цилиндрический замок и ключ.

К северу от избы на кв. $А_{7-8}$ размещался деревянный настил двора (глубина его залегания 2,50—2,80 м), а с восточной стороны от входа постройки шла в двух направлениях дорожка, состоявшая из набросанных досок: одна из дорожек (кв. $В_6$ $Г_5$) вела к колодцу, а другая — к жилой постройке, находившейся у восточного края раскопа (кв. $ДЕЖ_{7-8}$). Постройка состояла, вероятно, из двух частей: сеней и избы. Глубина залегания 2,60—2,90 м; размеры 7,00 × 4,20 м.

На сохранившемся участке тесаного пола сеней выявлена большая дыра, вырубленная, по-видимому, после разрушения постройки (кв. $ДЕ_8$); здесь при ее расчистке найдена свинцовая печать. Всего на раскопе их найдено два экземпляра (рис. 11).

Определением этих печатей занимался В. Л. Янин. Он считает, что печати изготовлены в самом Пскове и что, судя по изображению на одной из них богородицы «Знамение» и креста — это хорошо известный в сфрагистике тип анонимных печатей новгородского архиепископа. По аналогии с новгоргодскими печатями наши экземпляры, по мнению В. Л. Янина, следует датировать первой половиной XIV в.[21]

На кв. $ЕЖ_{11-13}$ обнаружены остатки настила двора, занимавшего участок между уличной мостовой и избой. Ширина настила 4 м.

Мостовая сохранилась у восточного и западного края раскопа; в средней части она была разрушена. Дорога в раскопе прослежена на протяжении 13 м. Ее ширина достигала 3,20 м. Поперечный настил состоял из подтесанных бревен крупного диаметра, плотно подогнанных друг к другу. Глубина залегания настила 2,65—2,85 м. По направлению он совпадает и с разрушенным экскаватором настилом улицы из вышележащего горизонта XIII—XIV вв. и с нижним, более древним, ярусом мостовой.

К северу от мостовой прослежены отдельные сильно испорченные и сдвинутые с первоначального места бревна и обрубки. Судя по данным, полученным в 1955—1956 гг., можно предположить, что и здесь находились жилые и хозяйственные постройки, образующие уличный ряд. Таким образом, в горизонте построек XIII в. на нашем раскопе выявлены настилы уличной мостовой и проулка древнего города, с прилегающими к ним домами ремесленников и хозяйственными сооружениями.

Ниже слоя XII—XIII вв. обнаружен еще один горизонт построек, в котором наблюдалась своя планировка, несколько отличная от планировки вышележащих пластов культурного слоя.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII в. (рис. 12). В центре раскопа на глубине 3,05—3,25 м в кв. $АБВГД_{3-4}$ открыты остатки основания жилой избы с сенями и пристроенной клетью, общей площадью 8,40 × × 4 м. В избе (4,00 × 3,50 м) и сенях (4,00 × 2,40 м) сохранился деревянный пол. В северо-западном углу жилой части постройки стояла небольшая печь-каменка (кв. $Б_4$), от которой остался развал мелких камней. Печь в основании была обнесена

[21] В. Л. Янин. Вислые печати Пскова. СА, 1960, № 3, стр. 253, рис. 6,55; стр. 254, рис. 7,62.

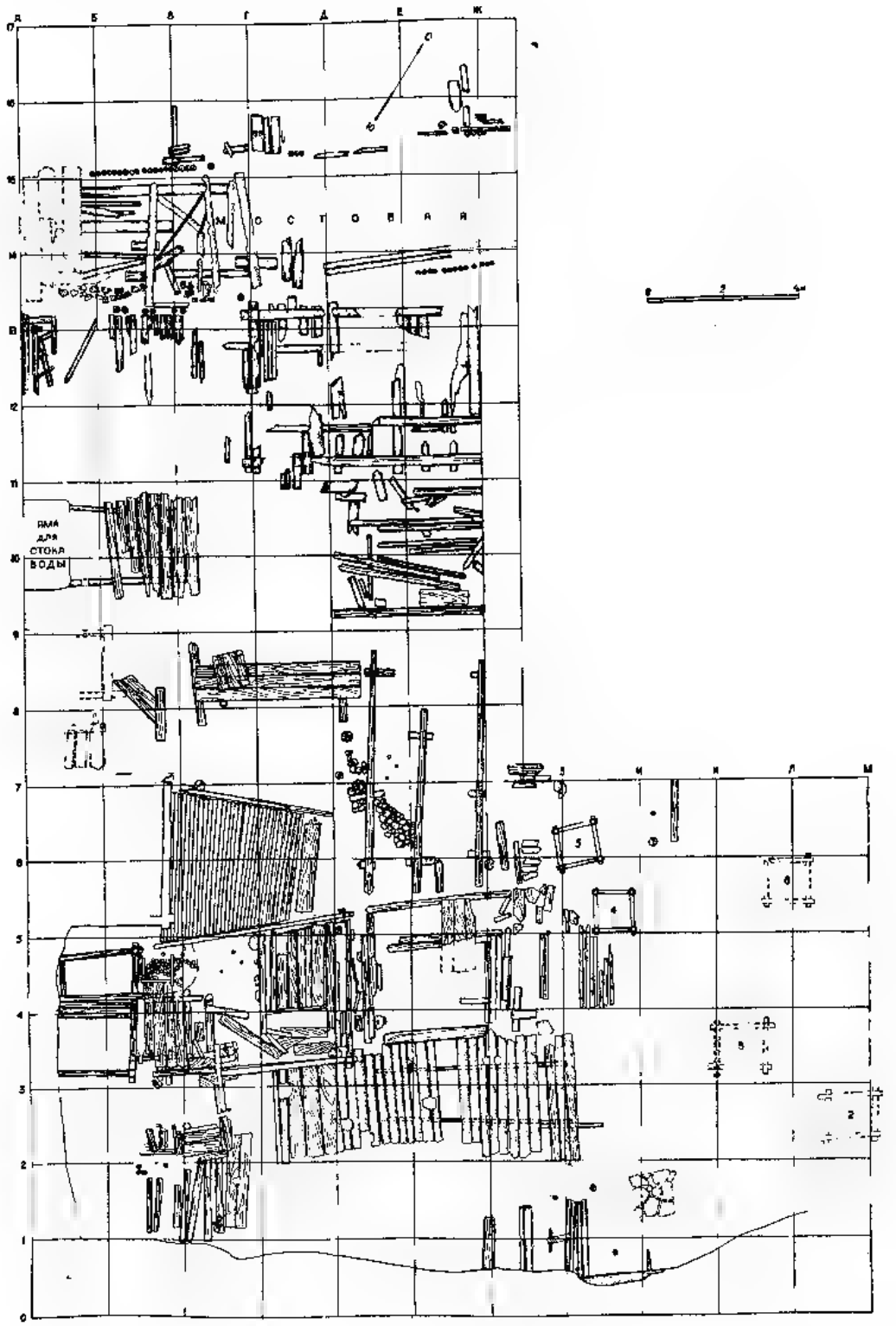

Рис. 12. План остатков оснований деревянных сооружений XII в. (раскоп 1954 г.).

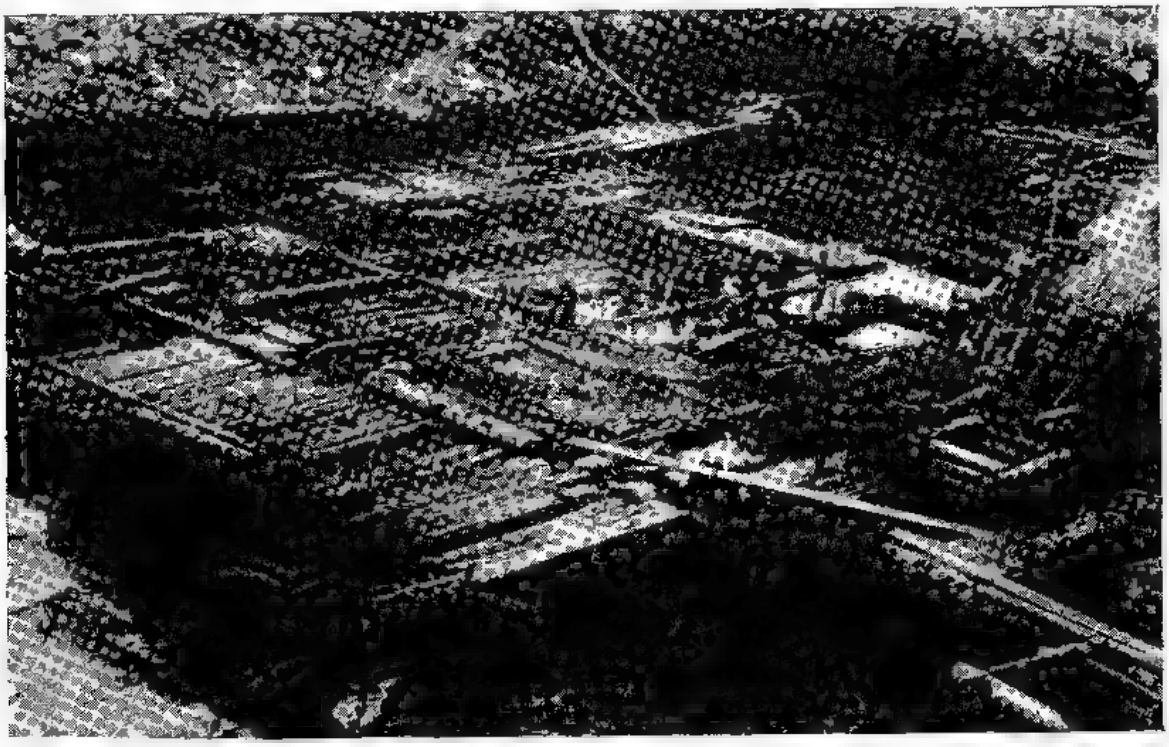

Рис. 13. Общий вид деревянного настила хозяйственного двора и основания избы из слоя XII в. (раскоп 1954 г.).

досками (0,8 × 1,00 м), которые укреплялись кольями.

С южной и восточной сторон к избе примыкал настил двора, занимавший значительную площадь (12,20 × 7,10 м) (кв. $БВ_2$, $ГДЕЖЗ_{2-3}$, $ДЕЖЗ_{4-5}$), глубина залегания 3,10—3,50 м. В настиле было прорублено несколько отверстий для столбов, на которых держалась крыша. Она, вероятно, была общей для двора и избы. Рядом с двором, у восточного его края, помещался колодец с устроенным перед ним небольшим настилом из жердей, примыкавшим вплотную к самому срубу.

Верхние венцы колодца не сохранились, но можно предполагать, что сруб был невысоким. Возле него открыт второй колодец, сооруженный, вероятно, одновременно со всеми постройками этого горизонта или может быть несколько раньше.

С северной стороны возле избы находился небольшой хлев (кв. $ВГ_{5-6}$; размеры 4,10 × 4,00 м, глубина 3,30—3,40 м), примыкавший вплотную к стене постройки. От него сохранился бревенчатый настил, перекрытый сверху слоем стойлового навоза.

Открытый нами комплекс сооружений по своему размещению и планировке представляет собой индивидуальную усадьбу, в которой жилище объединено с хозяйственным двором, хлевом и колодцем. Усадебные участки имели небольшую площадь и располагались близко друг от друга. Застройка города в XII в. была не менее плотной (рис. 13), чем в более поздние строительные периоды.

Остальные постройки, обнаруженные в слое XII в., нарушены еще в древности. Например, от постройки, находившейся на кв. $ДЕ_{5-8}$, глубина 3,10—3,20 м, остались лишь три длинных бревна-лаги (4,86—6,00 м), на которых, вероятно, лежал пол. Судя по положению и размерам этих лаг, постройка представляла в плане прямоугольную форму (6,00 × 3,30 м). Внутри ее обнаружен развал печи (перекаленные камни). Звено пешеходных мостков с западной стороны постройки (кв. $ВГД_8$, глубина 3,20—3,27 м) позволяет определить, где был вход в эту избу. Мостки вели от постройки по направлению к главной улице. Размеры звена дорожки 4,30 × 1,00 м. На западном конце мостков лежала калитка (кв. $В_8$), сделанная из трех широких досок, скрепленных шпонками и деревянными гвоздями (размеры ее 0,80 × 0,94 м).

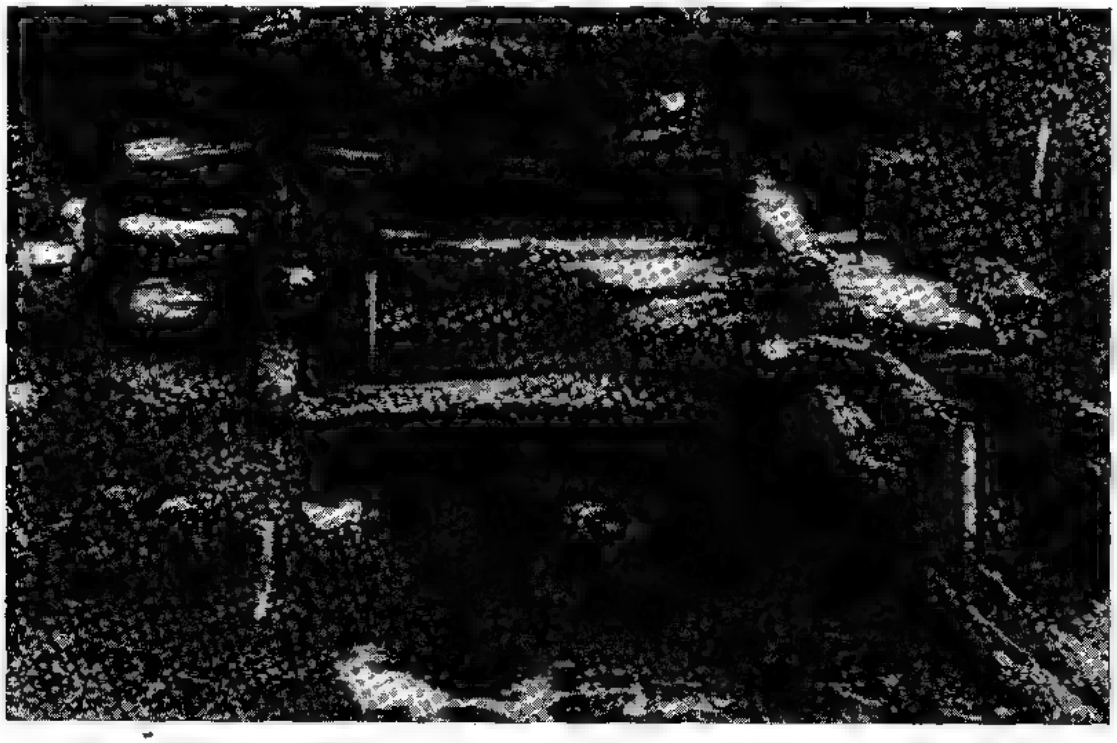

Рис. 14. Шесть ярусов настилов уличной мостовой в обрезе восточной стены раскопа 1954 г.

Настил двора в виде развала бревен обнаружен в кв. ДЕ$_{9-10}$ перед домом, а к западу, напротив этого развала, открыты мостки (кв. АБВ$_{9-10}$, глубина 3,16—3,20 м), служившие для выезда (размером 2,80 × 3,40 м).

В северной части раскопа обнаружена еще одна жилая постройка (кв. ГДЕ$_{11-13}$, глубина 3,00—3,30 м), от которой сохранился один нижний венец. Размеры его 6,20 × × 4,60 м. Внутри сруба находились остатки настила пола. Под углами постройки и под северным и южным бревном сруба выявлены короткие бревна-чурки, использовавшиеся в качестве подкладок. Перед постройкой с западной стороны прослежены остатки дворового настила (кв. АБВ$_{12}$) с сильно обуглившимися бревнами. Дом вместе с дворовым настилом занимал участок, прилегавший к уличной мостовой.

Устройство уличной мостовой заслуживает особого внимания. В пределах раскопа 1954 г. улица прослежена на протяжении 13 м (кв. А — Ж$_{13-15}$). Улица существовала здесь вплоть до XVIII в., так как она нанесена на план 1740 г. К сожалению, мостовую детально проследить не представилось возможным в связи с тем, что экскаватор вычерпал почти все остатки дерева, оставив незатронутыми лишь небольшие участки у самых стенок котлована, но даже при этих условиях общая картина ее устройства все же ясна.

Уличная дорога мостилась поперечным настилом, уложенным на длинные бревна-лаги. Каждое бревно настила подтесывалось сверху и плотно подгонялось к соседнему. Ширина дороги достигала 3,20—3,50 м. По мере снашивания и постепенного обрастания землей возводился новый настил мостовой. Сохранилось шесть ярусов, лежавших один над другим (рис. 14). Верхний ярус мостовой, обнаруженный на глубине 2,00 м, связывается с остатками построек XIII—XIV вв.; каждый из нижележащих ярусов соответствует более древним строительным периодам жизни города[22].

Мостовая XII в. была обнесена плотным частоколом, от которого остались основания на уровне настила по обеим сторонам улицы (рис. 15). Судя по диаметру бревен (10—12 см), сохранившихся на вы-

[22] В обрезе стенки раскопа над деревянными настилами уличной мостовой можно было наблюдать чередующиеся линзы камня и строительной щепы, использовавшихся в качестве основного материала при устройстве мостовых XV—XVIII вв.

Рис. 15. Участок уличной мостовой XII в. с основаниями частокола (раскоп 1954 г.).

соту 50—70 см, частокол был достаточно высоким; он отделял прочной стеной жилые и хозяйственные сооружения от улицы.

В самом основании культурного слоя на глубине 3,50—4,00 м мостовая представляла собой каменную наброску из плит и щебня шириной в проезжую часть дороги. С этим древнейшим ярусом улицы мы связываем ряд остатков деревянных сооружений, датируемых на основании собранных вещей XI—XII вв.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI—XII вв. (рис. 16). Постройки сохранились плохо и полностью нами не могли быть открыты. Возле остатков уличной мостовой, на площади кв. БВГД$_{11-12}$, на глубине 3,20—3,40 м размещались бревна основания одной из построек этого горизонта. Постройка имела размеры 4,20 × 6,70 м. Обнесенная бревенчатым срубом печь размером 2,30 × 2,60 м помещалась на западной половине. Обнаружены разрозненные доски и подкладки от пола. От южной стороны избы по направлению к постройке, находившейся у восточного края раскопа, проложены узкие мостки (кв. ГДЕ$_{10}$). Длина бревна, ограничивавшего основание постройки по западной стороне, — 4,50 м. Остатки этого сооружения отмечены на глубине 3,45 м.

Третья постройка расположена несколько южнее (кв. ВГ$_{4-6}$, глубина 3,96—4,18 м). Частично сохранился нижний венец (6,00 × × 4,10 м). Северо-восточный угол дома занят печью, обнесенной в основании бревнами. Сруб заложен камнями. С северной стороны к избе примыкал двор, от которого остались лаги и небольшие участки настила (кв. ВГ$_{6-8}$, глубина 3,50—3,60 м).

Интересен найденный в этом горизонте небольшой кожаный чехол, наподобие кошелька, внутри которого помещался другой, несколько меньшего размера, а в нем четыре небольшие серебряные монеты и шиферное пряслице. Монеты сильно окислились. А. А. Маркова считает возможным по размерам и начертаниям отнести их к вендкам XI в. Слой этот как по найденным в нем предметам — шиферным пряслицам, крупным позолоченным бусам и керамике, — так и по условиям залегания обнаруженных в нем остатков деревянных сооружений, стратиграфия которых отражает смену строительных периодов, четко датируется XII в. Стратиграфические наблюдения проведены на вертикальном обрезе раскопа

по линии пикетов $В_{4-6}$. Верхний ряд бревен (рис. 17) относится к XIII в. Под ним бревно, составлявшее часть настила скотного двора XII в. Еще глубже остатки жилой постройки, от которой полностью сохранилась одна сторона нижнего венца. В самом основании обреза груда камней от печи, некогда обнесенной деревянным срубом. Слой, отделяющий остатки сооружения XIII в. от нижележащего комплекса XI—XII вв., достигает 1,5 м.

Остатки деревянных построек были открыты на глубине 4—4,5 м. Этот, самый нижний, горизонт нашего раскопа датируется XI в.

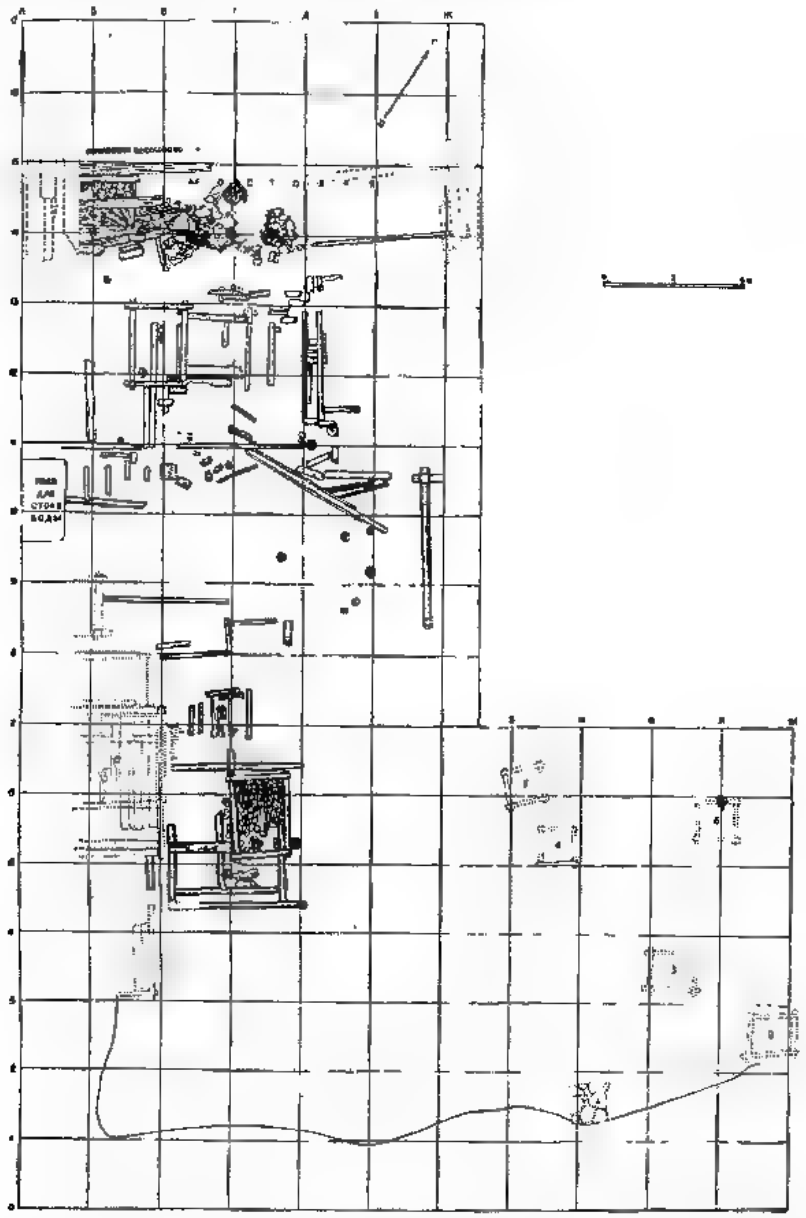

Рис. 16. План остатков оснований деревянных сооружений XI—XII вв. (раскоп 1954 г.).

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI в. (рис. 18). К сожалению, по независящим от экспедиции причинам, раскопки слоя XI в. не смогли быть завершены. Культурный слой выбран до материка только на южном и восточном участках. На южной половине раскопа в кв. $ДЕ_3$, на глубине 3,89 м обнаружены остатки небольшой части постройки с печью-каменкой.

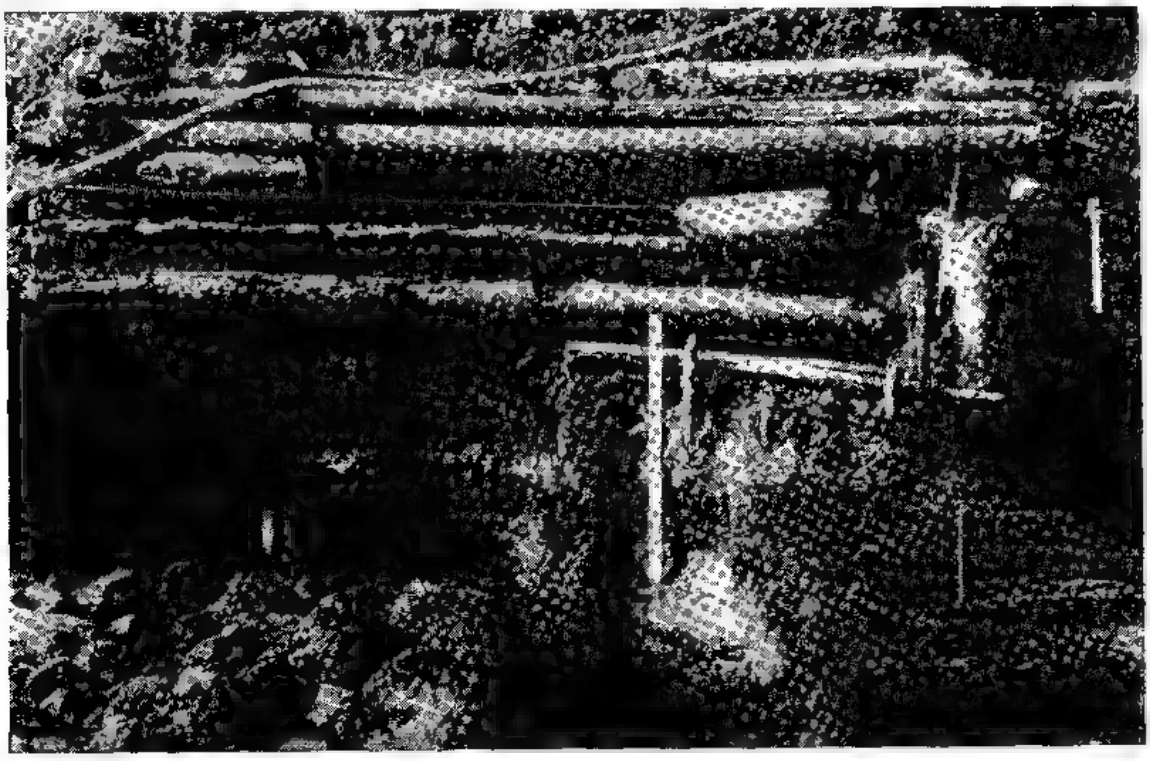

Рис. 17. Положение оснований деревянных сооружений в обрезе культурных наслоений XI—XIV вв. (раскоп 1954 г.).

На площади, заключенной между линиями пикетов А—$Д_8$, А—$Д_{13}$, обнаружены основания трех построек. Одна из них (кв. $БВГ_{8-9}$, глубина 4,00 м) представлена одним венцом с сохранившимся северо восточным углом, рубленным в чашку. Размеры ее 4,60 × 5,30 м. На восточной половине внутри избы прослежены остатки пола.

К северу от этой избы находилась в том же уровне другая постройка, также представленная одним нижним венцом, у которого оказался ненарушенным только юго-восточный угол. Выявлен небольшой участок тесаного пола. Постройка открыта частично, длина восточной стороны 4,60 м. В этих сооружениях печи не найдены; по характеру собранных в них бытовых предметов можно предположить, что это жилые избы.

На глубине 4,50—4,75 м под венцом одной из этих построек обнаружен венец древней постройки такого же типа, но большего размера (кв. $АБВ_{10-12}$). Длина южной стены достигает 5 м, восточной — 4 м. Ниже постройки культурный слой распространялся вглубь еще на 30—50 см, сменяясь в основании стерильным слоем светлого песка и зеленоватого суглинка, под которым на глубине 30—40 см всюду в пределах раскопа прослеживается скала. Нижний, древнейший слой содержит значительное количество обломков керамики X в., сделанной исключительно на гончарном круге. Поверхность сосудов в большинстве случаев украшалась волнистыми линиями и бороздками, покрывавшими почти все тулово от плечиков до основания. Таким образом, вопрос, связанный с определением времени первоначального заселения этого участка, пока еще не может считаться решенным, но найденные обломки глиняной посуды позволяют связать ее с X в., хотя никаких сооружений этого времени на нашем раскопе не обнаружено.

В 1955 г. экспедиция произвела раскопки на Советской улице перед зданием почты, примерно в 30 м к западу от раскопа 1954 г. (140 кв. м), и на месте котлована для жилого дома на Некрасовской улице, 36 (192 кв. м) [23].

[23] На участке строящегося здания Педагогического института на Советской площади был отрыт экскаватором котлован, полностью уничтоживший культурный слой на площади около 3000 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 6 метров.

Раскоп у почты был заложен на площадке размером 14 × 10 м. Площадь раскопа была разбита на квадраты 2 × 2 м. Пикеты, расставленные по южному и северному краю раскопа, были обозначены буквами от А до И, а пикеты по западному и восточному краям обозначены цифрами от 0 до 5. Каждый квадрат получал определение по юго-западному пикету[24].

Стратиграфия культурного слоя наиболее четко прослеживалась в обрезах стенок раскопа (рис. 19). Мощность слоя достигает 4,50—4,80 м. Верхние наслоения на глубину до 1,30—1,50 м представляли собой массу черного перегноя с небольшими включениями мелкого битого щебня и строительного мусора, скопившегося здесь в связи с постройкой здания почты в 1795 г.

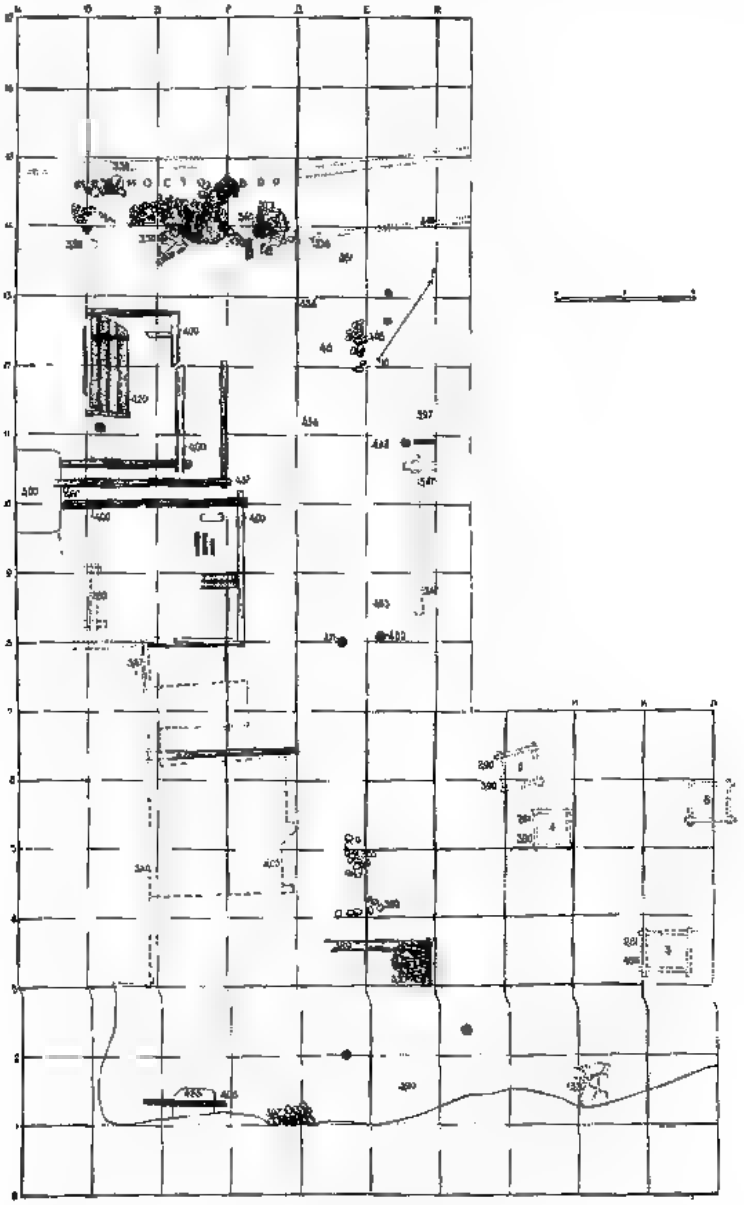

Рис. 18. План остатков оснований деревянных сооружений XI в. (раскоп 1954 г.).

[24] В работах экспедиции 1955 г. принимали участие научные сотрудники Государственного Эрмитажа Г. П. Гроздилов (начальник экспедиции) Е. И. Оятева, В. В. Сапунов, В. Д. Белецкий, М. Д. Малченко, Л. Р. Никифорова, аспирантка З. А. Львова, ученики X класса К. Логачев и С. Шапорина.

В этом пласте встречались творильные ямы для гашения извести, монеты начала XVIII в., а также различные вещи, часть которых относилась и к более раннему времени.

Под этим пластом в культурных наслоениях сохранилось правильное чередование остатков древних деревянных сооружений XI—XV вв. (рис. 20).

В составе культурного слоя, помимо бревен, наблюдаются значительные включения навоза и соломы, чередующихся с прослойками золы и мелкой строительной щепы. В массе перегноя часто встречаются скорлупа лесных орехов, зеленые веточки ели, различные древние изделия из кожи, бересты, дерева, железа, бронзы и многих других материалов[25].

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XV в. (рис. 21). Первый верхний слой, в котором были остатки деревянных сооружений, оказался нарушенным. Мы смогли установить лишь слабые следы основания деревянной избы, сильно пострадавшей от пожара. Выявлены части нижнего венца и развал глинобитной печи. С восточной стороны находился небольшой настил, устроенный, вероятно, перед входом в избу. Размеры избы 5 × 4 м. Время постройки определяется по находкам вещей и медной монеты — тверского пуло XV в.

Найдено несколько экземпляров облицовочных кирпичей, плитки с рельефными изображениями (в одном случае, возможно, барабана купола с главкой церкви, в других — резных столбиков в сочетании с кружками и полукружиями), а также плитки с зеленой поливой, на одной из которых изображены фигуры животных и отдельные

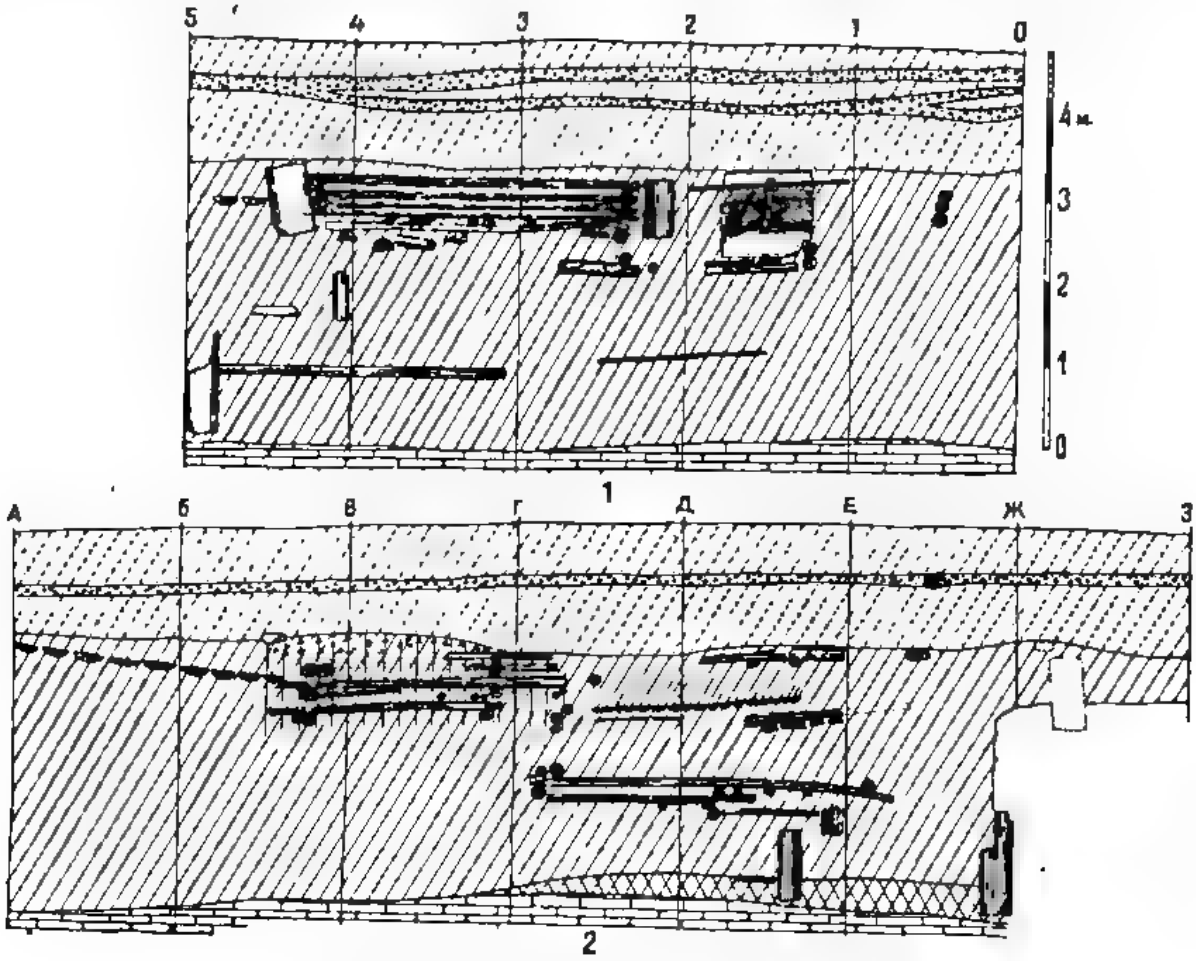

Рис. 19. Разрезы культурных наслоений раскопа 1955 г.

1 — по восточному краю; 2 — по северному краю.

[25] Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. СГЭ, вып. XI, Л., 1957.

буквы. Интересна находка бронзового наконечника с выемчатой зеленой эмалью. в круглых медальонах на двух сторонах наконечника размещены фигуры животных и птиц. Обломок подобного предмета найден при раскопках в Новгороде. Исследователи считают, что это нож для линования пергамена, с чем вряд ли можно согласиться, судя по лучше сохранившемуся экземпляру, найденному нами [26].

Следующий слой с остатками деревянных сооружений был менее нарушен и это позволило более точно определить назначение открытых в нем остатков древних сооружений.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XIII—XIV вв. (рис. 22).

В центре раскопа обнаружен широкий уличный настил, который вел к Довмонтову городу (кв. $ВГ_{0-4}$). К нему под прямым углом примыкал настил другой улицы (кв. $АБВ_0$), которая была замощена бревнами крупного диаметра (до 25—35 см), подтесанными сверху и уложенными вплотную друг к другу на длинные лаги. Ширина улицы 3,5 м; выше этого поперечного настила лежали длинные продольные лаги более позднего времени

По обеим сторонам улицы обнаружены нижние венцы построек. С западной стороны уличной мостовой у перекрестка находились остатки оснований двух построек, залегавших одна над другой (кв. $АБ_{1-2}$). В нижней — обнаружен тесаный пол. К северу от упомянутых сооружений помещался сруб колодца размером 0,75 × 1,15 м, состоявший из шести венцов, уходивших вниз от верхнего края сруба на 80 см (кв. $А_3$).

Колодец не был связан с ключевым источником, и наполнялся водой за счет дождей. Возле колодца, под некоторым углом к дороге, открыт настил двора. Границы его нашим раскопом не могли быть выявлены полностью, и назначение настила осталось невыясненным (кв. $А_{3-4}Б_4$).

С восточной стороны дороги размещались остатки дворового настила (кв. $ДЕ_{0-1}$), также примыкавшего к улице, и возле него к северу — остатки основания сгоревшей жилой избы с сохранившимся тесаным полом (кв. $ДЕЖ_{2-4}$)

[26] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, III, М. — Л., 1937, стр. 187—192, рис. 13.

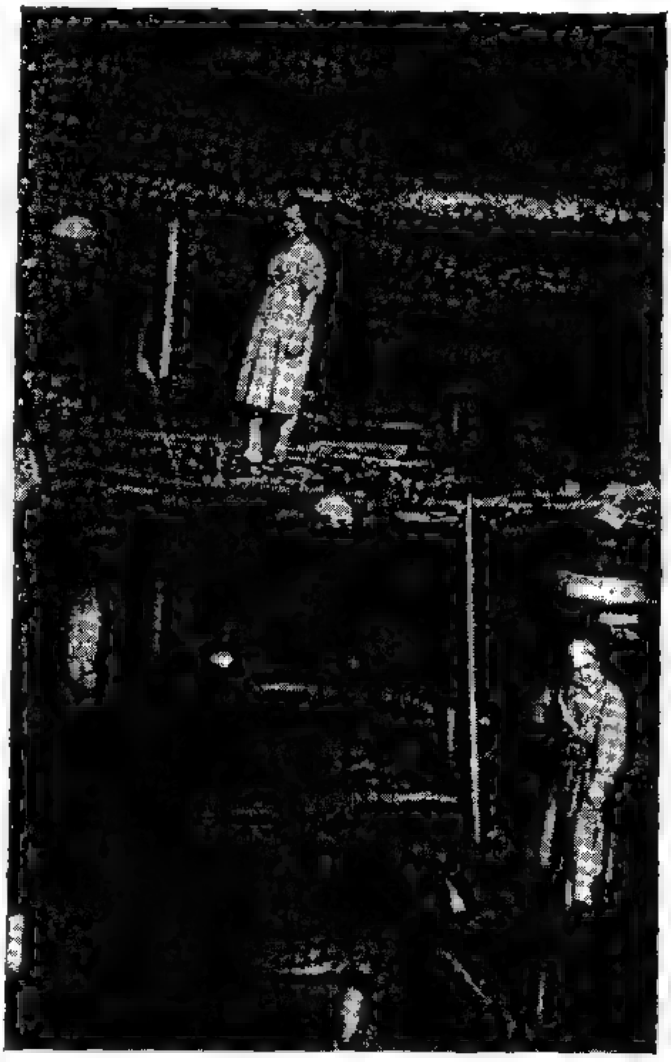

Рис. 20. Общий вид культурных наслоений по восточному краю раскопа 1955 г.

Все строительные остатки этого горизонта датируются по вещам XIII—XIV вв. Глубина их залегания 1,50—1,80 м от поверхности современной улицы. Постройки XIII в. располагались так же, как вышележащие.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XIII в. (рис. 23). Мощеные улицы имели такое же положение и направление, что и вышележащие настилы. В юго-восточном углу раскопа обнаружена небольшая часть бревенчатой постройки, от которой сохранилось три нижних венца. От входа до края уличной мостовой шла дощатая дорожка (кв. $ДЕЖ_0$). Сруб соседней постройки (кв. $ДЕЖ_{2-4}$) в плане почти квадратный. От него сохранилось три нижних венца длиной по северной стороне 5,30 м и по западной — 3,90 м.

Пол постройки сделан из тесаных горбылей, уложенных на подкладки Изба разделена на две части; в одной находилась печь, от которой в южном углу остался лишь развал крупных камней, а в другой на полу слоем 15 20 см лежала рассыпанная, обгоревшая рожь

зобранных выше По находкам этот горизонт датируется XII в.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII в. (верхний слой, рис. 24). Деревянный настил уличной мостовой отличался от вышележащего яруса значительно лучшей сохран-

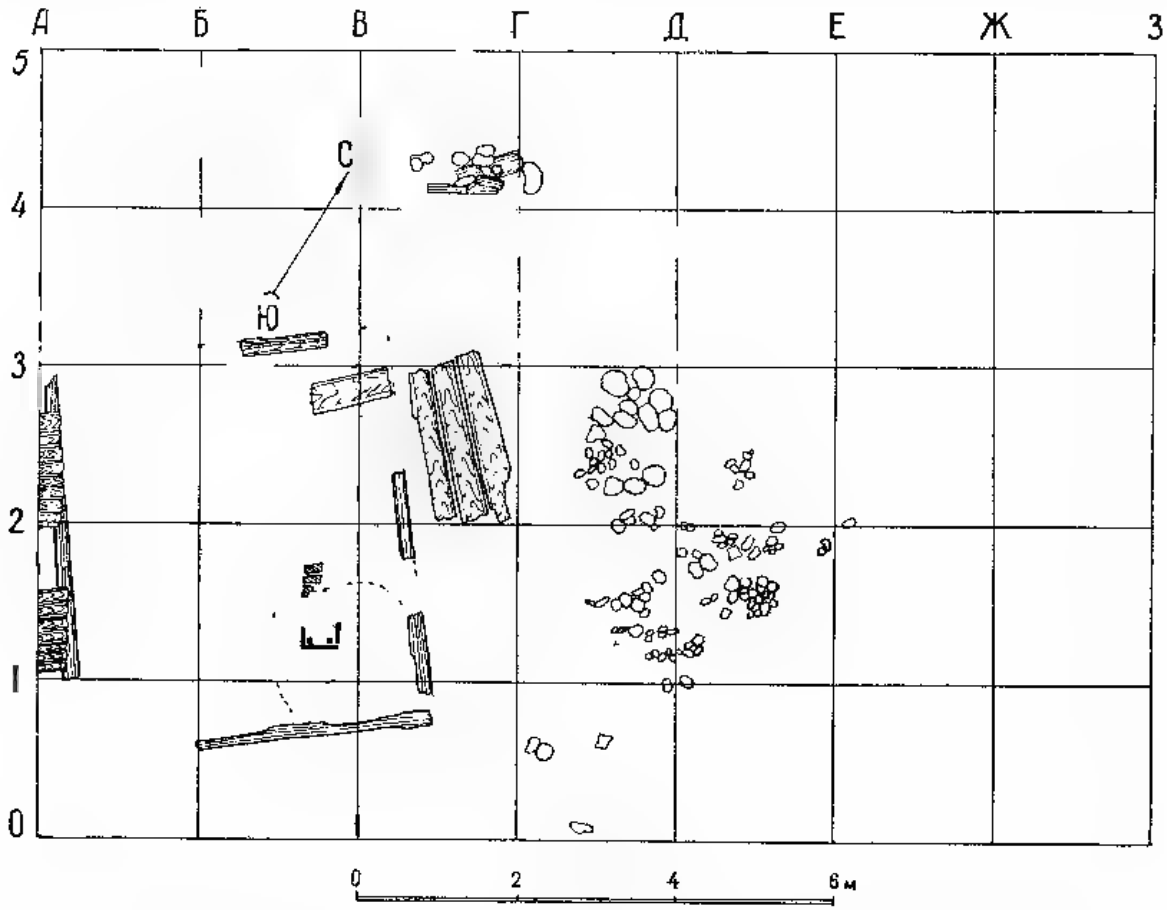

Рис. 21 План остатков оснований деревянных сооружений XV в. (раскоп 1955 г.).

Вход в избу с улицы, как мы полагаем, был через сени, пристроенные с северной стороны (кв. ДЕЖ$_4$). При расчистке завала среди камней, оставшихся от печи, найдены обломки кухонной посуды, большой тигель для плавки металла, а на другой половине под полом в углу собраны в большом количестве обрезки кожи и остатки поношенной обуви; в сенях и на полу находились различные деревянные предметы домашнего обихода, а также железные ножи, гребень и другие предметы

На глубине 2,08—2,50 м были открыты основания еще более древних сооружений, по планировке несколько отличные от ра

ностью, концы бревенчатого наката были обуглены. Ширина дороги оказалась несколько меньшей; длина бревен настила 2,70 м, диаметр не более 12 см. Дорога XII в. была менее изношенной. Начиная с этого горизонта, она сохраняла свое положение и направление в течение ряда столетий. В позднейшие периоды существования, вместо деревянного настила, дорога укреплялась щебнем и камнем.

В уровне настила уличной мостовой XII в. на глубине 1,82 2,07 м были обнаружены остатки основания небольшого строения (3,78 × 3,50 м), от которого сохранились два нижних ряда венцов. Постройка

ориентирована по оси улицы и связана с мостовой мостиком; от него остались две подкладки лаги. Бревна постройки сохранили чашечные вырубки для связи в обло Нижние бревна сруба уложены на короткие чурки, находившиеся под его углами Вероятно, это был амбар, о чем свидетельствует слой пережженной ржи толщиной 5—10 см, обнаруженный на полу.

Никаких других сооружений, одновременных амбару, в пределах раскопа не обнаружено. Под амбаром, на глубине 2,06 - 2,09 м, открыты остатки жилой избы размером 3,35 × 3,50 м (кв. ДЕ$_{2-4}$) Один ее угол был занят печью (1,08 × 1,20 м), от которой сохранился развал камней и два коротких бревна в основании.

Сруб избы стоял на коротких подкладках, уложенных под углы. Возле жилого дома находился настил хлева с толстым слоем стойлового навоза (кв. ГД$_{3-4}$). В хлеве найдены части плетеного из прутьев рыболовного снаряда типа верши, за непригодностью использованного в качестве подстилки Здесь же часто встречалась костра и отходы волокна льна, также служившие подстилкой

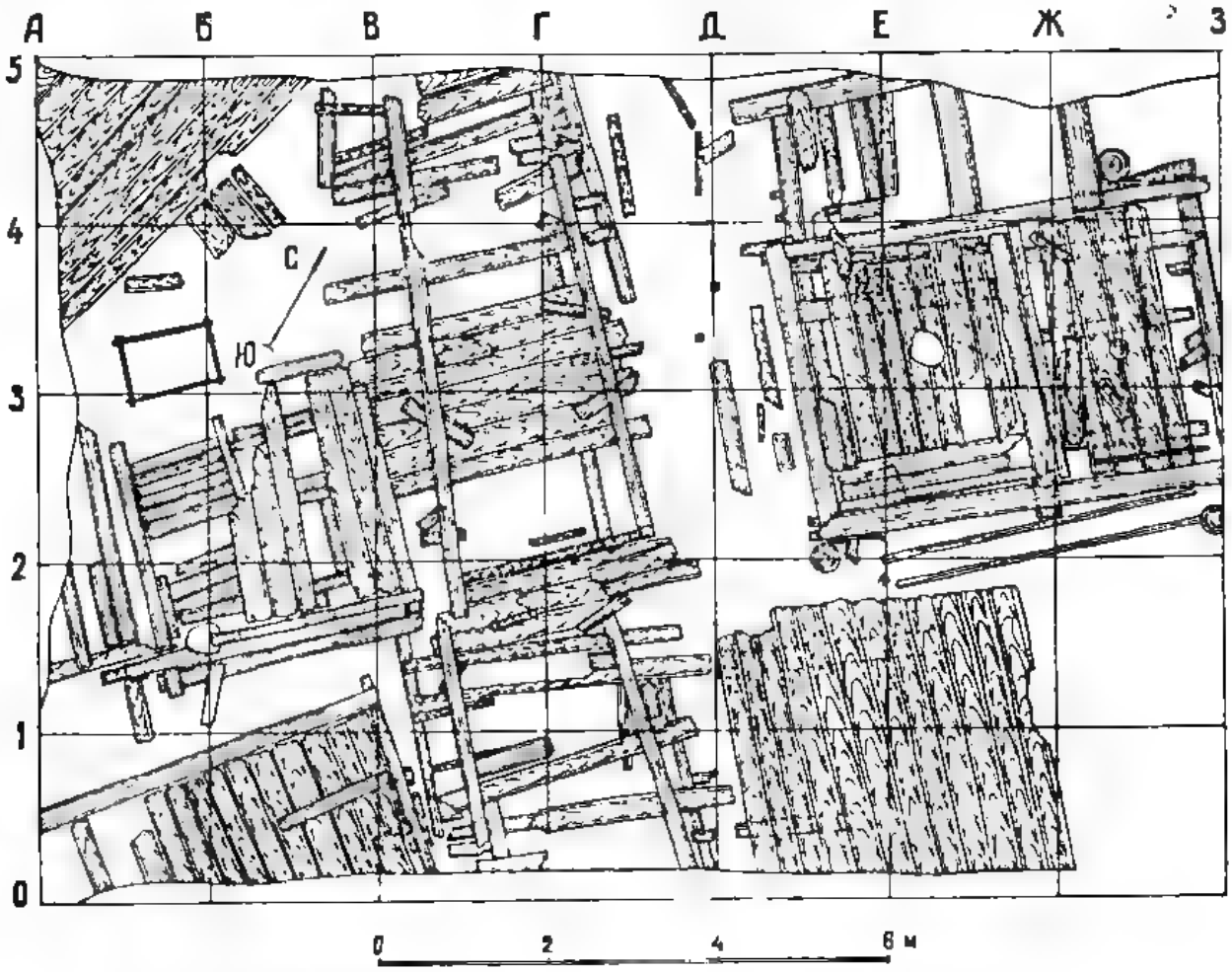

Рис. 22 План остатков оснований деревянных сооружений XIII -XIV вв. (раскоп 1955 г.).

Судя по положению подкладок под настилом, можно предположить, что хлев был по площади примерно таким же, как и находившаяся рядом изба, которая, возможно, имела с хлевом общую кровлю.

Вместе с упомянутым комплексом обнаружены остатки еще одной постройки (кв. Ж$_{2-4}$); ее длина 3,70 м.

С каждым последующим углублением раскопа общая картина расположения сооружений изменялась. На глубине 2,30—2,40 м остатки деревянных построек давали иную картину планировки.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII в. (нижний слой, рис. 25). В этом горизонте, на том участке, где в верхних слоях была улица, обнаружены детали какого-то хозяйственного сооружения, состоявшего из системы вертикальных столбов, скрепленных между собой в основании общим вытесанным брусом, пропущенным через специально выдолбленные отверстия (кв. ГДЕ$_0$). Сохранившиеся основания 4 столбов, стоявших по северной стороне этого сооружения, имели высоту от 0,70 м до 1,14 м и диаметр 22—26 см. На столбах, вероятно, держалась крыша. Толщина бруса 10 см. Длина всего сооружения 4,55 м. Частично сохранился бревенчатый и дощатый пол.

С восточной стороны рядом с этим сооружением помещались остатки бревенчатой избы-пятистенка, стоявшей на одной линии с ним. В раскопе оказался небольшой участок постройки (кв. Е$_0$Ж$_{0-1}$) с внутренней стенкой, разделявшей сруб на два помещения. Углы сруба рублены в чашку. От постройки сохранилось два венца. Северная сторона сруба прослежена на длину 3,10 м, восточная — на 2,20 м. Ширина помещения на западной половине избы-пятистенка составляет 2,50 м. Перед фасадом двух последних построек обнаружены пешеходные мостки, состоявшие из подтесанных сверху бревен, продольно уложенных звеньями по 4 штуки. Ширина мостков 1,20 м, а расстояние между домами в проулке достигает 2,00 м. Настил мостков открыт в раскопе на протяжении 11,5 м.

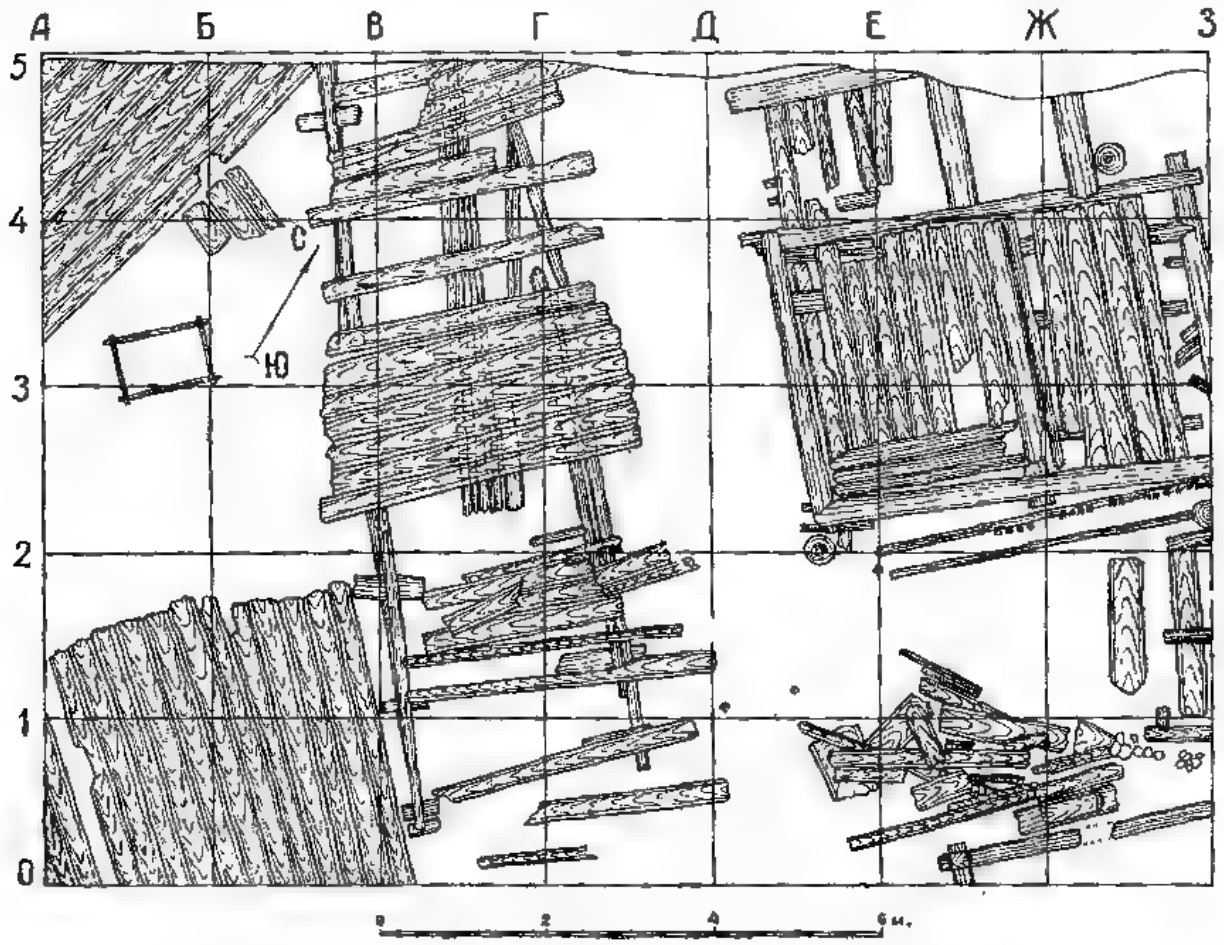

Рис. 23. План остатков оснований деревянных сооружений XIII в. (раскоп 1955 г.).

На другой стороне проулка находилась жилая постройка (кв. ДЕЖ$_{2-4}$). От этого сооружения сохранилось в основании два венца. Нижние бревна сруба положены на короткие чурки-подкладки. Длина западной стороны дома — 6,50 м.

Все сооружения XII в. открыты в пределах раскопа лишь частично, но даже и в этом виде довольно четко вырисовывается их взаиморасположение.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI—XII вв. (рис. 26). На глубине 3,0—3,35 м обнаружена часть оснований 3 сооружений. У северного края раскопа (кв. ГДЕ$_4$) открыта одна постройка (длина 4,40 м), лежавшая на лагах мостовой более древнего горизонта. От постройки сохранился юго-западный угол и на противоположном конце бревна — чашечная вырубка для другого угла.

Возле восточного края раскопа (кв. Е$_4$Ж$_{3-4}$) находилось бревно длиной 3,65 м и основание вертикального столба, принадлежавшие какой-то постройке, которую раскоп не захватил.

У южного края раскопа на той же глубине частично выявлена еще одна постройка, лежавшая на бревнах основания более древнего сооружения (кв. АБ$_0$ВГ$_{0-1}$). Северо-восточный угол постройки занят развалом камня от печи. Длина северной стороны сооружения 5,48 м.

В уровне подошвы к северу от последней постройки находились основания шести вертикальных столбов (высота сохранившихся оснований 0,70—1,00 м). На этих столбах, вероятно, размещался настил сеней или крыльца постройки.

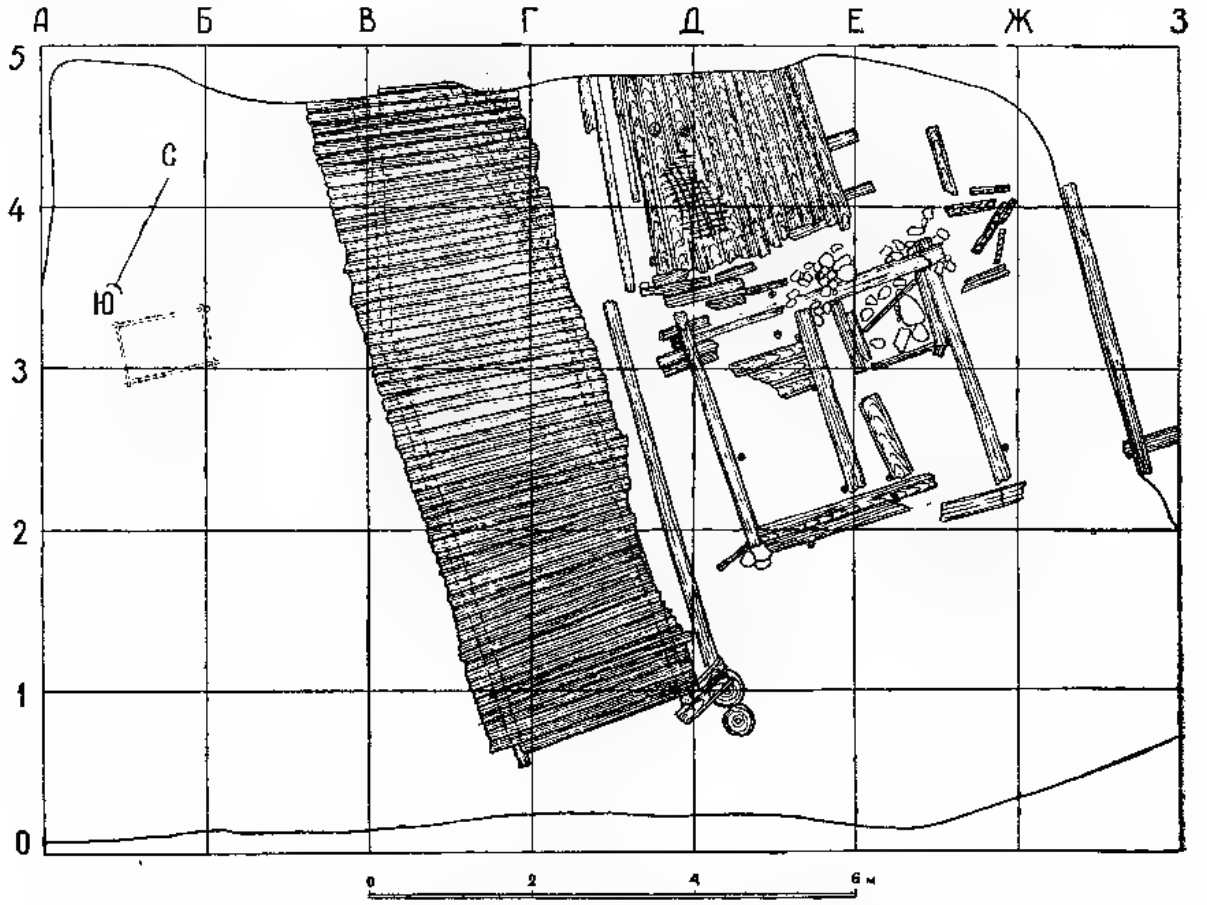

Рис. 24. План остатков оснований деревянных сооружений XII в. (верхний пласт, раскоп 1955 г.).

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI в. (верхний слой, рис. 27). В этом слое на глубине 3,35—3,55 м открыты следы одной из улиц Пскова XI в., имевшей такое же направление, как и улица XII в. От нее сохранились только длинные бревна-лаги; поперечный настил прослежен лишь на небольшом участке у северной и южной стенок раскопа. Лаги лежали в два ряда один под

другим; можно предположить, что здесь был не один настил, а два, сооруженные в разное время.

При расчистке остатков мостовой XI в. найден обломок деревянной части луки седла Это трехгранный в сечении слегка изогнутый брусок, украшенный глубокими резными волютами, образующими красивый ритмичный рисунок, который покрывал обе стороны обломка. На бруске сохранилось шесть отверстий, служивших, вероятно, для крепления.

У южного края раскопа рядом с дорогой обнаружено основание жилой постройки, от которой сохранился один нижний венец (кв. АБВГД$_{0-1}$). В северо-восточном углу избы помещалась печь; от нее сохранился лишь развал камней. Длина постройки по северному краю 6,58 м. Над этим комплексом находились остатки венца более позднего сооружения, также ориентированного, но отличавшегося несколько бо́льшими размерами. Упомянутые выше основания шести вертикальных столбов от сеней или крыльца могли бы, судя по их размещению, в равной мере иметь отношение и к верхней, позднейшей, и к нижней, более древней постройке. Оба сруба остатки жилых помещений, о чем свидетельствуют найденные возле и внутри них многочисленные предметы домашнего обихода.

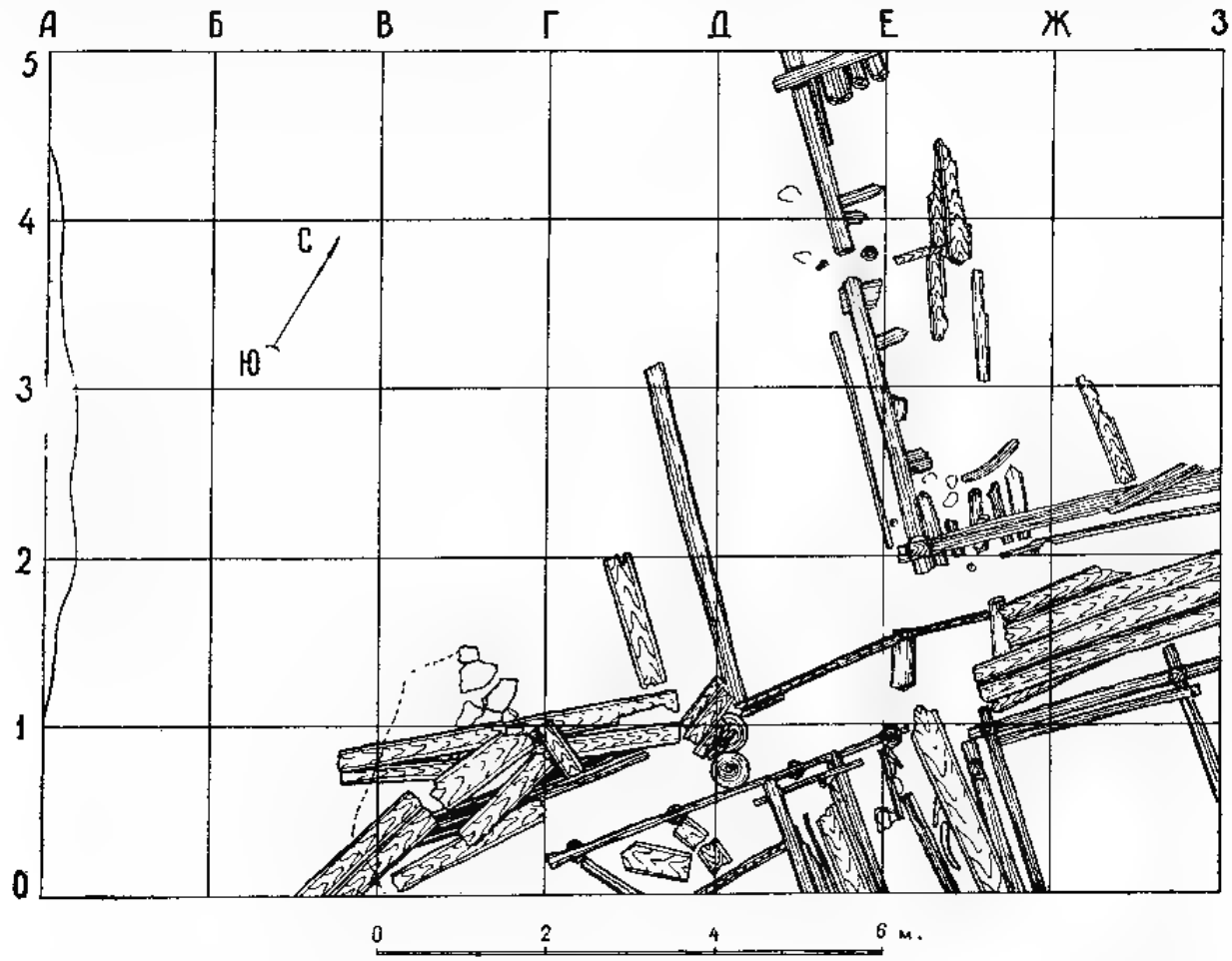

Рис. 25. План остатков оснований деревянных сооружений XII в. (нижний пласт, раскоп 1955 г)

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI в. (нижний слой, рис 28). В основании культурного слоя на глубине 3,70 4,00 м, на границе со скалой, мы обнаружили целый ряд остатков деревянных сооружений, значительно худшей сохранности, чем вышеупомянутые. Можно полагать, что это основания двух жилых построек, остатки венцов которых лежали непосредственно друг на друге у южного края раскопа (кв. БВГД$_{0-1}$)

Возле построек находился узкий мостик с бревенчатым настилом (кв. $Д_{2-3}$). Длина его 2,20 м, ширина 1,14 м. Рядом с ним открыт колодец, обнесенный вертикально поставленными в ряд досками; по углам внутри его помещались основания вертикальных столбов.

тельная щепа. Форма горшков и их орнаментация более архаична, чем у керамики из вышележащих горизонтов. У них толще стенки, несколько иная моделировка верхнего края и чаще встречается волнистый орнамент в сочетании с параллельными бороздками, покрывавшими почти все тулово

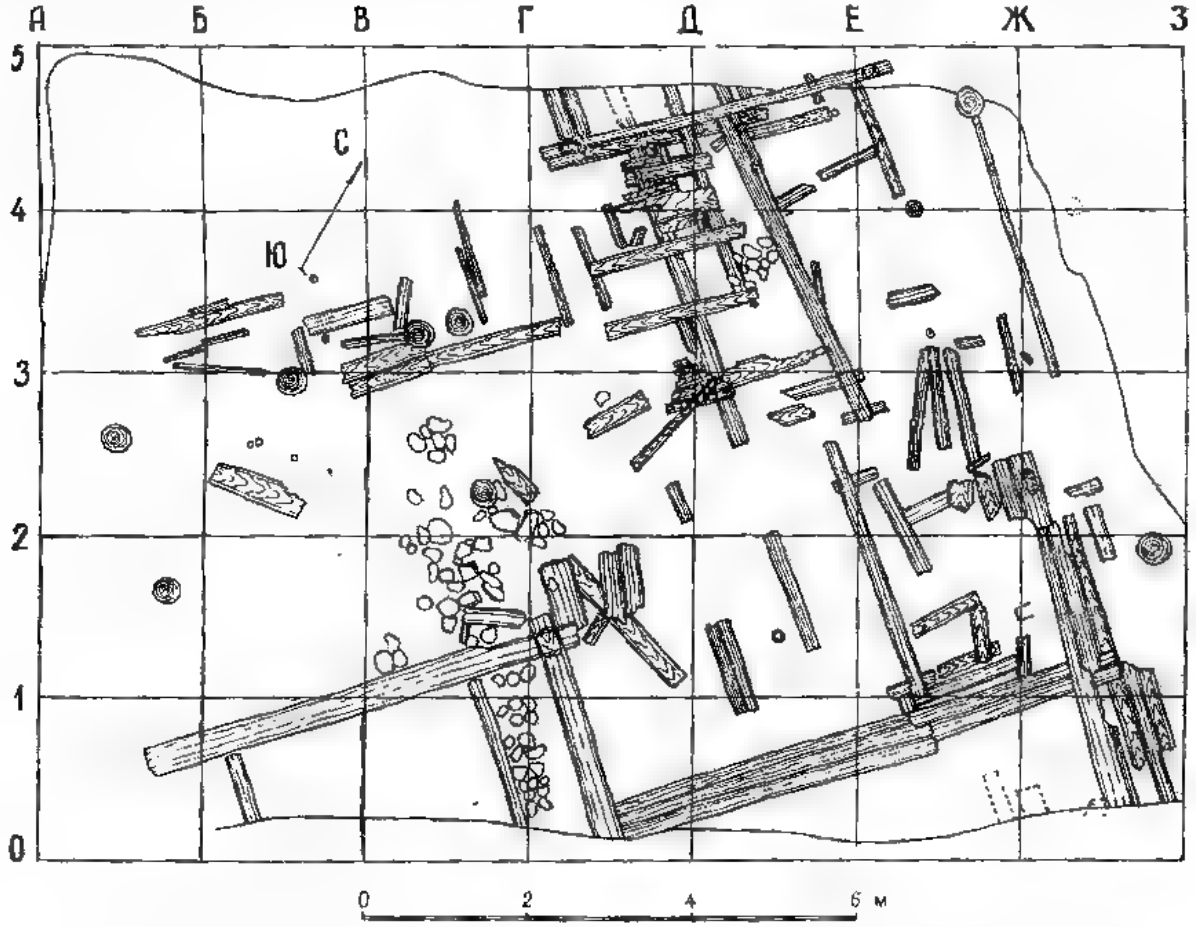

Рис. 26. План остатков оснований деревянных сооружений XI—XII вв. (раскоп 1955 г.).

В районе колодца и перед постройками обнаружены груда камней и значительное количество кусков кричного железа и шлаков, окрашенных в синий цвет (от виньенита). Очевидно, в древнее время участок использовался для каких-то работ, связанных с обработкой железа.

Никаких деревянных сооружений древнее XI в. в пределах раскопа не обнаружено, но черный культурный слой распространялся на 30—50 см ниже упомянутых построек, до самого основания скалы. В нем в изобилии найдены обломки керамики, и разрозненные полусгнившие бревна и строи-

горшков. Здесь же найден один обломок венчика лепного горшка. Массовые находки лепной посуды известны в раскопках С. А. Таракановой на территории Кремля — детинца, а также в наших раскопках 1956 г. на территории Старого Застенья (вблизи моста на Советской площади).

Культурный слой в раскопе 1955 г. лежал на скале. Толщина слоя 4,50—4,80 м.

Мы еще не можем точно определить характер занятий тех людей, которым принадлежали остатки построек, открытых во время раскопок, но считаем, что участки двух раскопов (1954 и 1955 гг.) затронули

один из центральных кварталов Старого Застенья, заселенного по преимуществу ремесленниками.

Второй раскоп 1955 г. (190 кв. м) находился на месте дома на Некрасовской улице, 36. По своему положению близ церкви Покрова от торга этот участок соответствует району Нового торга, перенесенного в Окольный город из Среднего города Василием III в 1510 г.

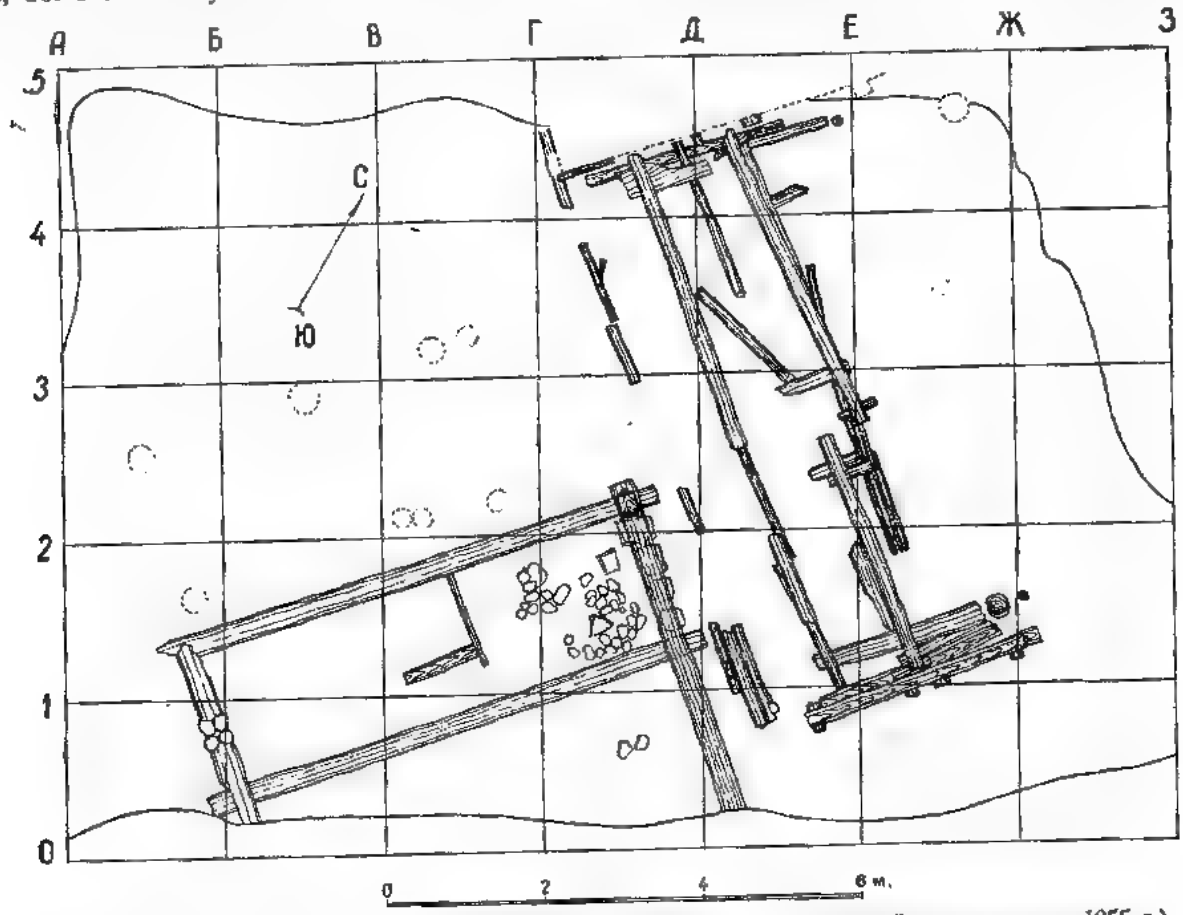

Рис. 27. План остатков оснований деревянных сооружений XI в. (верхний пласт, раскоп 1955 г.).

События, связанные с присоединением Пскова к Московскому государству, нашли свое отражение не только в изменениях политического строя, упразднении независимости Пскова, уничтожении веча, но и в изменении распорядка внутренней жизни города[27]. Летопись содержит сведения о принудительном переселении части населения из Среднего города и о переносе Старого торга на новое место. В 3-й псковской летописи под 1510 г. сообщается, что великий князь Василий Иванович «даша место где новый торг ставити, за Средним городом против Лужских ворот за рвом, на Юшкове огороде Носухина, да на Григорьеве посадникове Кротове; да и церковь поставили князь великий преподобную Ксению, в которой день Псков взял, на Пустои улицы, в Ермолкине в саднике хлебникова, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было»[28].

Летописное известие позволяет связать сооружения, открытые нашими раскопками с Новым торгом 1510 г. На глубине 1,80—2,00 м от поверхности, под отложениями позднейшего времени, экспедиция выявила на участке раскопа широкую замощенную улицу, настил которой под прямым углом

[27] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Лениздат, 1955.

[28] Псковские летописи, стр. 258.

смыкался с настилом другой улицы, образуя перекресток (рис. 29).

На углу этого перекрестка обнаружены следы лавки мясного ряда. От нее сохранился дощатый помост, обуглившийся от пожара, и основания вертикальных столбов, стоявших на углах. Размеры лавки 4,20 × 6,00 м. В основании настила по двум сторонам лежали длинные бревна[29].

Ширина уличного настила Нового торга 6 м (рис. 29). Настил прослеживался на всем протяжении котлована, т. е. на участке длиной 60 м, в З — В направлении. Видимо, улица доходила до самого рва и до стены Среднего города, а в противоположном направлении — до стены Окольного города.

Для устройства сначала прокладывали в продольном направлении 3 ряда бревен, достигавших 12 м каждое, при диаметре до 30 см, а на них укладывались подтесанные сверху и тщательно подогнанные друг к другу бревна диаметром до 40 см. На нижней стороне бревен вырубались зарубки для связи с лагами (рис. 30).

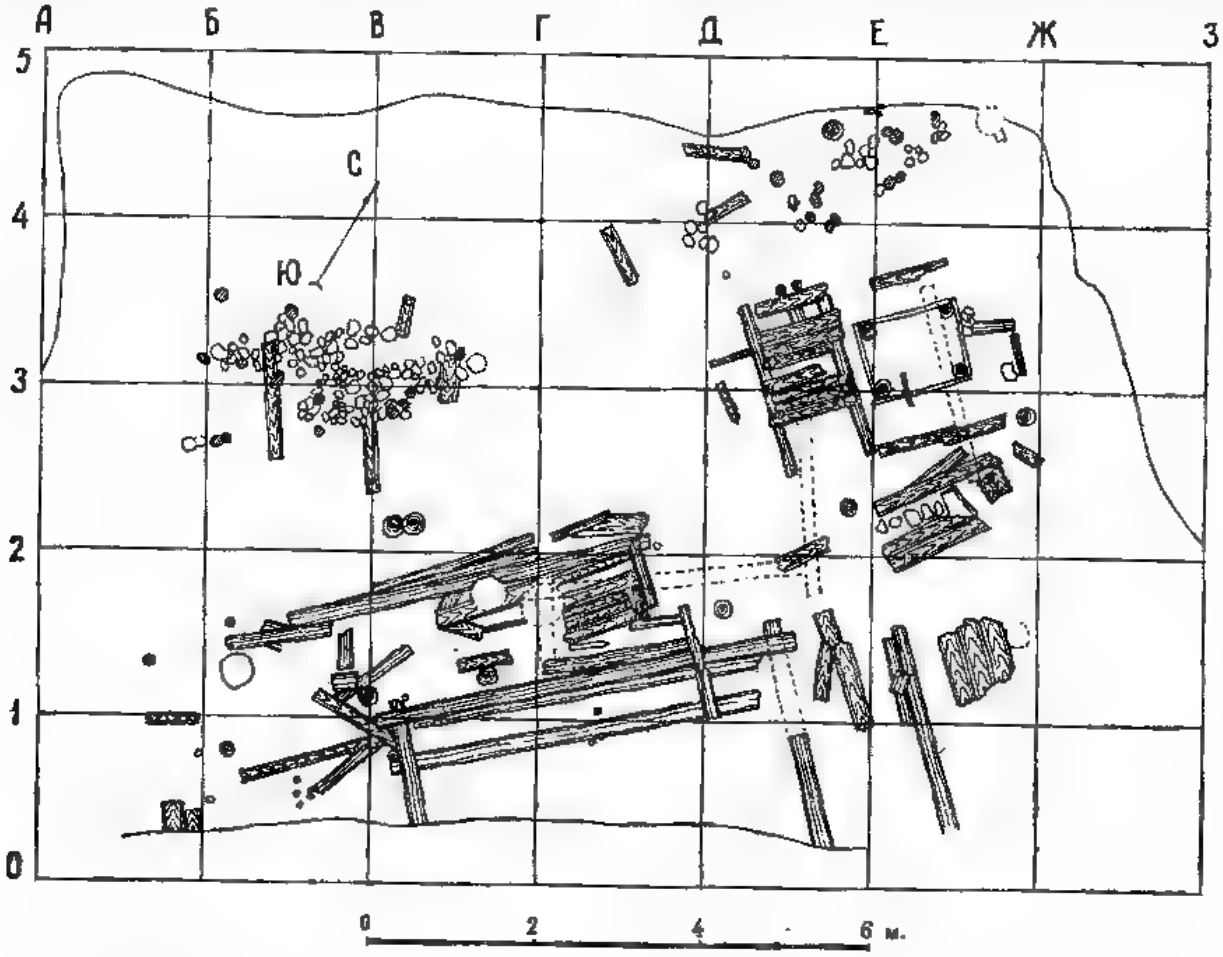

Рис. 28. План остатков оснований деревянных сооружений XI в. (нижний пласт, раскоп 1955 г.).

Находка нескольких тысяч коровьих челюстей и осколков костей, накопившихся в результате рубки мяса, позволяет предполагать, что это была мясная лавка.

Челюсти встречались скоплениями на поверхности мостовой, в щелях настила, а также на площади лавки слежавшимся плотным слоем. Возле лавки обнаружены ямы, заполненные челюстями (в меньшем количестве попадались рога). В ряде

[29] Возле лавки обнаружен один венец сруба колодца 1,40 × 1,45 м с дощатым дном. Поскольку остатки его основания находились в уровне лавки и уличного настила, следует считать сооружение колодца более поздним. То же можно сказать и о каменной кладке фундамента разрушенного здания, обнаруженного параллельно южному краю нашего раскопа. Остатки деревянных сооружений торга проходят под фундаменты этого здания.

случаев на местах поперечных бревен настила, снятых в древности, в образовавшихся прогалах наблюдалась плотная засыпь челюстей, попавших также и под настил

блюдали исследователи во время раскопок торга XV в в Новгороде. А В. Арциховский считал возможным сделать вывод о том, что «на влажной земле торга кости

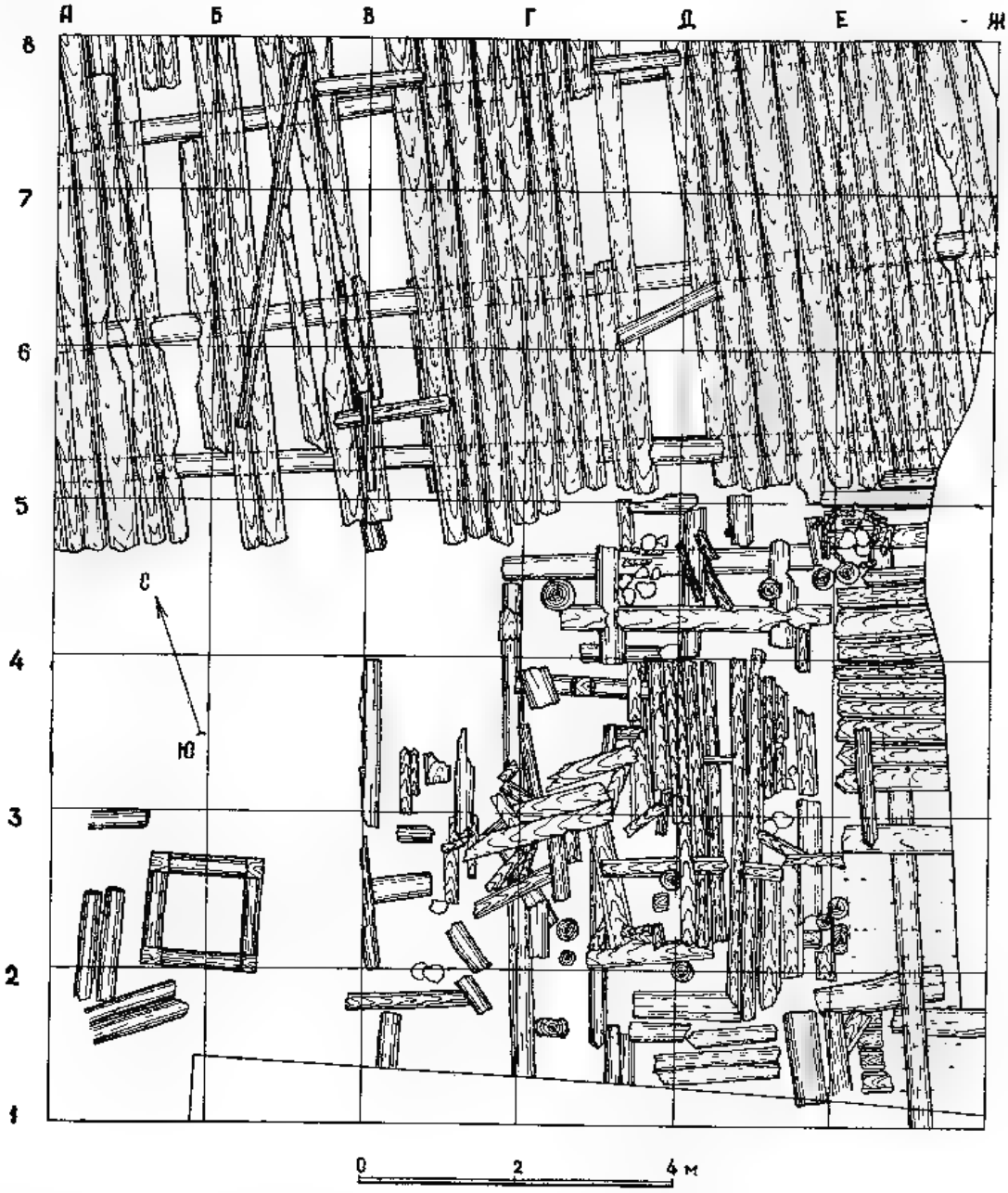

Рис 29. План уличной мостовой Нового торга 1510 г. (раскоп 1955 г.).

Ниже остатков деревянных сооружений торга наблюдался черный культурный слой (0,75—1,00 м). Изучение его не закончено, так как на этом месте началось строительство здания.

Скопление челюстей в псковском торге весьма напоминает картину, которую на-

использовались в качестве подкладок под мостовые для большей устойчивости и, главное, для предохранения дерева от гниения»[30]. С высказанным им мнением вряд

[30] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, М, 1949, стр. 160.

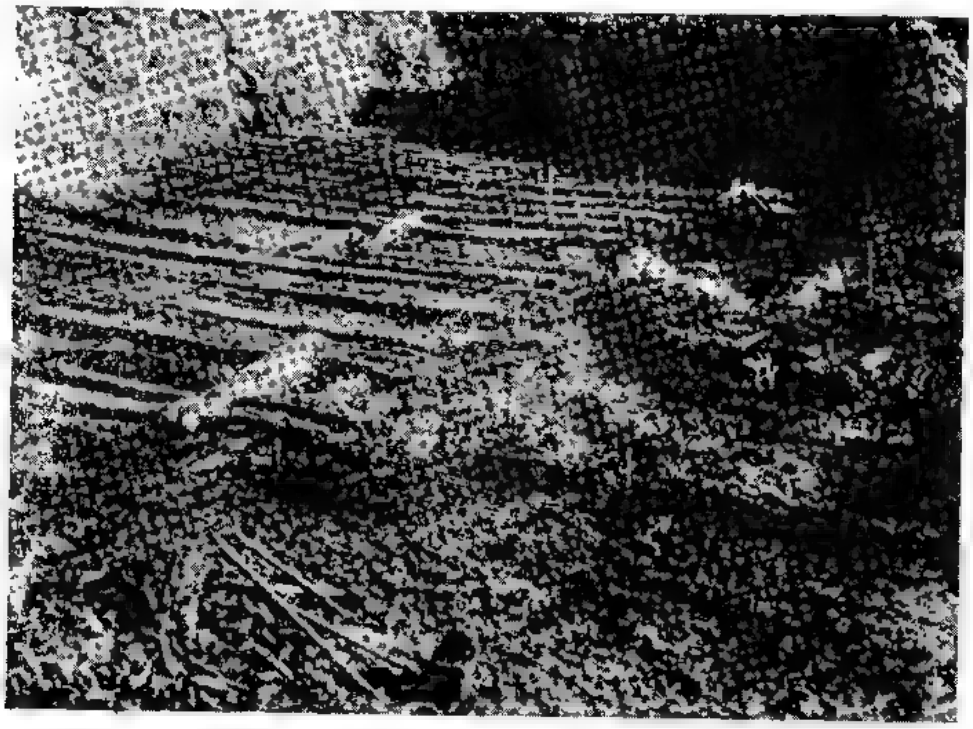

Рис. 30. Общий вид уличного настила мостовой Нового торга 1510 г. (справа остатки мясной лавки, раскоп 1955 г.).

ли можно согласиться. Дело в том, что в обнаруженных скоплениях представлены лишь нижние челюсти, причем, как правило, с отрубленными концевыми ответвлениями. Это явление неслучайное и свидетельствует об использовании челюстей для каких-то специальных целей, пока еще не разгаданных археологами. А. А. Строков и В. А. Богусевич[31] также находили значительные скопления челюстей при раскопках в Новгороде. Они посчитали возможным объяснить обилие челюстей в культурном слое тем, что их использовали в древности для варки клея.

При раскопках на Новом торге в Пскове найдены в небольшом количестве обломки глиняных широкогорлых горшков с низким венчиком. Все черепки гладкие, без орнамента и в изломе имеют темно-серый цвет.

Раскопки на Новом торге дают возможность установить расположение лавок мясного ряда. В писцовых книгах XVI в. перечисляются наименования рядов. Были ряды котельный, седельный, мясной, серебряный, женский, ведерный, иконный, москательный, кузнечный, рукавичный, клетной, суконный, колпачный, шубный, однорядный, шляпный, шапочный, скорнячный, щепетинный и др.

Число лавок с прилавками, амбаров, клетей с присеньями, чуланов, навесов, скамей в разных районах древнего города насчитывалось в XVI в. до 1200 и бо́льшая часть их, конечно, находилась на торгу в Окольном городе[32].

Псковские торговцы в XVI в. сбывали продукцию местных ремесленников. Они торговали медью и оловом, котлами и сковородками, замками и всякими железными изделиями. В сапожном ряду торговали кожами и подошвами. Под навесами стояли коробья и сундуки. В амбарах лежали для продажи рожь, пшеница, горох и всякий хлеб. Люди разных сословий — черные, тягловые, ратные и духовенство — торговали маслом, рыбой, молоком, хлебом и калачами, квасом, луком, капустой, яблоками, солью, свечами, воском, заморскими

[31] А. А. Строков и В. А. Богусевич. Археологическое исследование Новгорода. Новгород, 1939, стр. 14.

[32] Цифры заимствованы из работы Н. Д. Чечулина. Города Московского государства в XVI в. СПб, 1889, стр. 130.

привозными товарами—разноцветными шелками разных сортов (зендель, мухояр), тафтой.

На большом торге находились важня, льняной, соляной и гостиный двор для приезжих гостей московских. Все эти сведения мы получаем из писцовых книг. Однако многое остается неясным, и прежде всего неясно расположение торговых рядов, размеры лавок и самое местоположение торга XVI в.

Наши раскопки на Новом торге очень незначительны по своей площади; однако найдены остатки лавки мясного ряда и уличной мостовой, сооруженной от Лужских (или Куричьих) ворот в 1510 г., являвшейся, по нашему предположению, одной из основных магистралей торга.

В 1956 г. основные раскопки производились на месте ныне выстроенного жилого дома возле моста через р. Великую[33]. Западный край раскопа находился примерно в 50 м от крепостной стены, обращенной к р. Великой. Здесь до начала Отечественной войны стоял большой дом, в прошлом здание присутственных мест, и Дом офицеров.

До начала раскопок строительные организации отрыли экскаватором большой котлован, углубив его в среднем на 1—1,5 м.

Был снят верхний слой строительного мусора.

Площадь раскопа вначале достигала 400 кв. м, но с углублением до нижних горизонтов культурного слоя она сократилась почти в 2 раза. Культурный слой, как и в предыдущих раскопах, распространяется на глубину до 5 м. Под культурным слоем всюду лежит пласт известняка. Верхний слой строительного мусора (толщина 1,5 м) содержал деревянные сточные трубы, а также железные трубы водопровода современного города. Этот слой выделяется более светлой окраской, которую придают ему камни, кирпич, глина и песок, ниже его лежит древний черный перегнойный культурный слой с включениями щепы, дерева, навоза и других органических остатков. В культурном слое древнего Пскова не наблюдались нарушения, связанные с благоустройством современного города. Толщина составляла 3—3,5 м.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XVII в. На глубине 1,60—1,80 м у восточной стенки раскопа (кв. $ЖЗ_{2-4}$) верхние пласты культурного слоя содержали плохо сохранившиеся остатки сгоревшей жилой постройки. Ее западная сторона достигала длины 5,80 м. Сохранился нижний венец и остатки пола. Найденная здесь керамика, вместе с образцами зеленой поливной посуды, дает основы датировки сооружения XVI—XVII вв. К этому же времени, вероятно, относятся и остатки мостовой, скорее всего уличной, открытой на глубине 1,67—1,70 м (кв. $ОПР_7$) Мостовая состояла из тонких жердей. Ширина мостовой 3,50 м.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XIV—XV вв. На глубине 1,80—2,00 м в южной части раскопа обнаружен сплошной слой горелого дерева (рис. 31). Остатки сгоревших бревен, досок и скопления камня принадлежали трем жилым сооружениям, из которых одно открыто на кв. $АБ_{1-4}$. От него сохранились сильно перегоревшие остатки пола, а также камни и отдельные бревна. Площадь обнаруженного комплекса равна 6 × 8 м. Второе сооружение открыто на площади кв. $ГДЕ_{1-4}$. От него также сохранились отдельные части бревен, составлявшие венец сруба, пол и два скопления камней. Площадь второго комплекса 7,5 × 4,8 м. Третье сооружение открыто на кв. $ЖЗ_{2-4}$. От него сохранились остатки настила из широких тесаных досок и развал камня. Размеры его 4,10 × 2,25 м. Постройка открыта частично.

На настиле обнаружен деревянный дугообразный предмет (24 × 24 см) и клубок тонких обгоревших ниток. Керамика и другие находки позволяют определить время этих сооружений XIV—XV вв.

На северной половине раскопа в этом горизонте обнаружен сруб небольшого колодца (кв. $Ж_{7-8}$), от которого сохранилось

[33] В работах экспедиции в 1956 г. принимали участие научные сотрудники Эрмитажа из отдела истории первобытной культуры Е. И. Оятева, В. П. Мизинова, Г. П. Гроздилов, из отдела русской культуры В. Д. Белецкий, Б. В. Сапунов, из отдела средневекового оружия М. Н. Ларченко, научный сотрудник Псковского музея краеведения археолог И. К. Голунова, реставраторы Эрмитажа О. В. Васильева и В. Е. Гусева, студентка Института им. Репина К. М. Семенова, участники школьного кружка Государственного Эрмитажа С. Шапорина, Н. Соловей, и Ю. Паркаев. Полевые чертежи и обмеры выполнял сотрудник механического института П. И Ткачев.

три венца: дно его выложено камнями. В глубь культурного слоя сруб не распространялся, он был сооружен на мостовой (XIII—XIV в.), которая в этом месте была прорублена уличной мостовой с деревянным настилом, занимавшим полосу вдоль всей северной стороны раскопа на протяжении 30 м. По обеим сторонам улицы стоял плотный частокол. На ее восточном конце обозначился

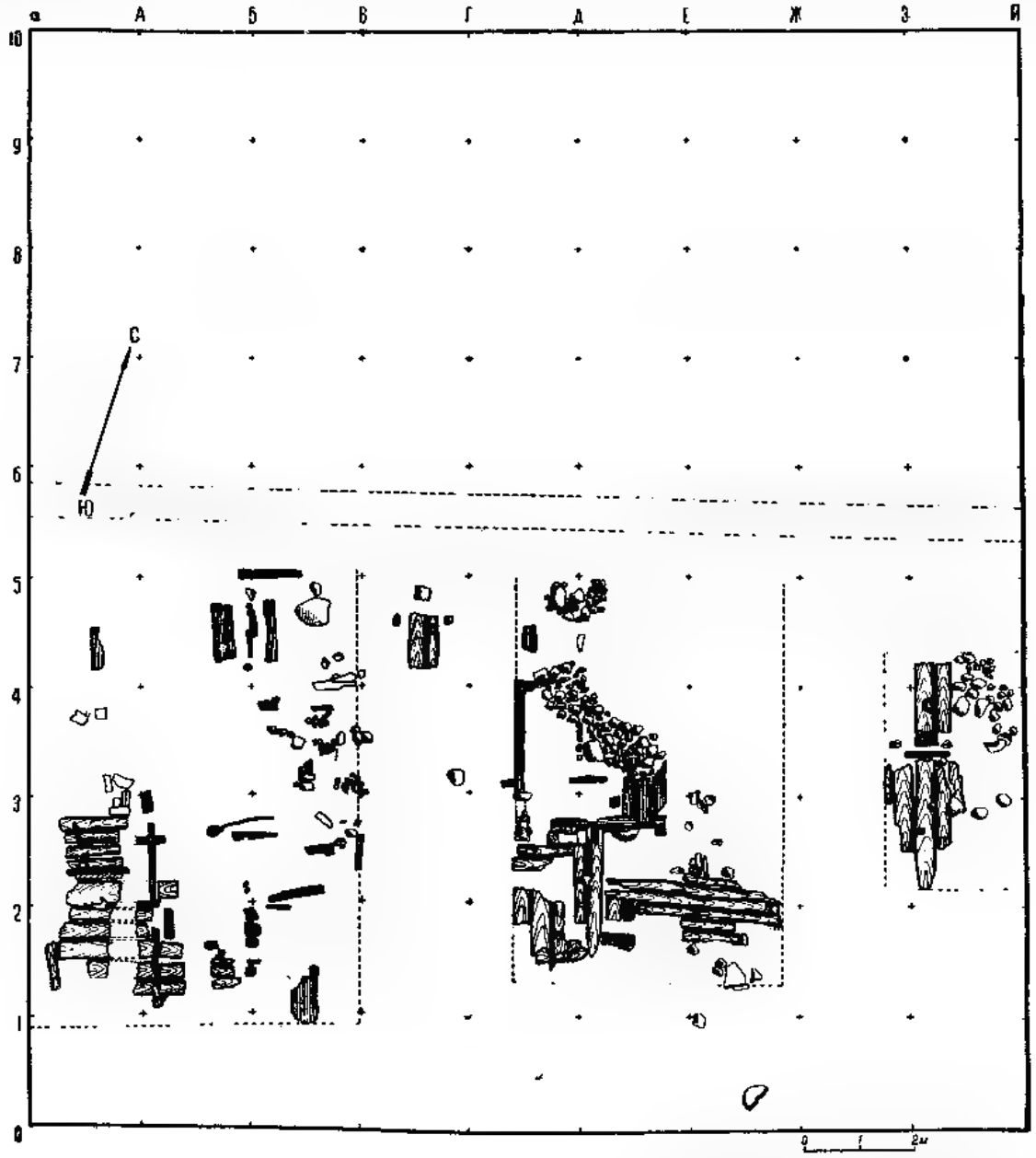

Рис. 31. План остатков оснований деревянных сооружений XIV—XV вв. (раскоп 1956 г.)

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XIII—XIV вв. (рис. 32). Наиболее ярко выраженный и лучше всего сохранившийся слой деревянных сооружений обнаружен на глубине 2,00 -2,30 м. В нем определилась линия поворот дороги — почти под прямым углом к Довмонтову городу, с соответственным изменением направления частокола (кв. P_9). Настил мостовой был поврежден при прокапывании канавы для современного

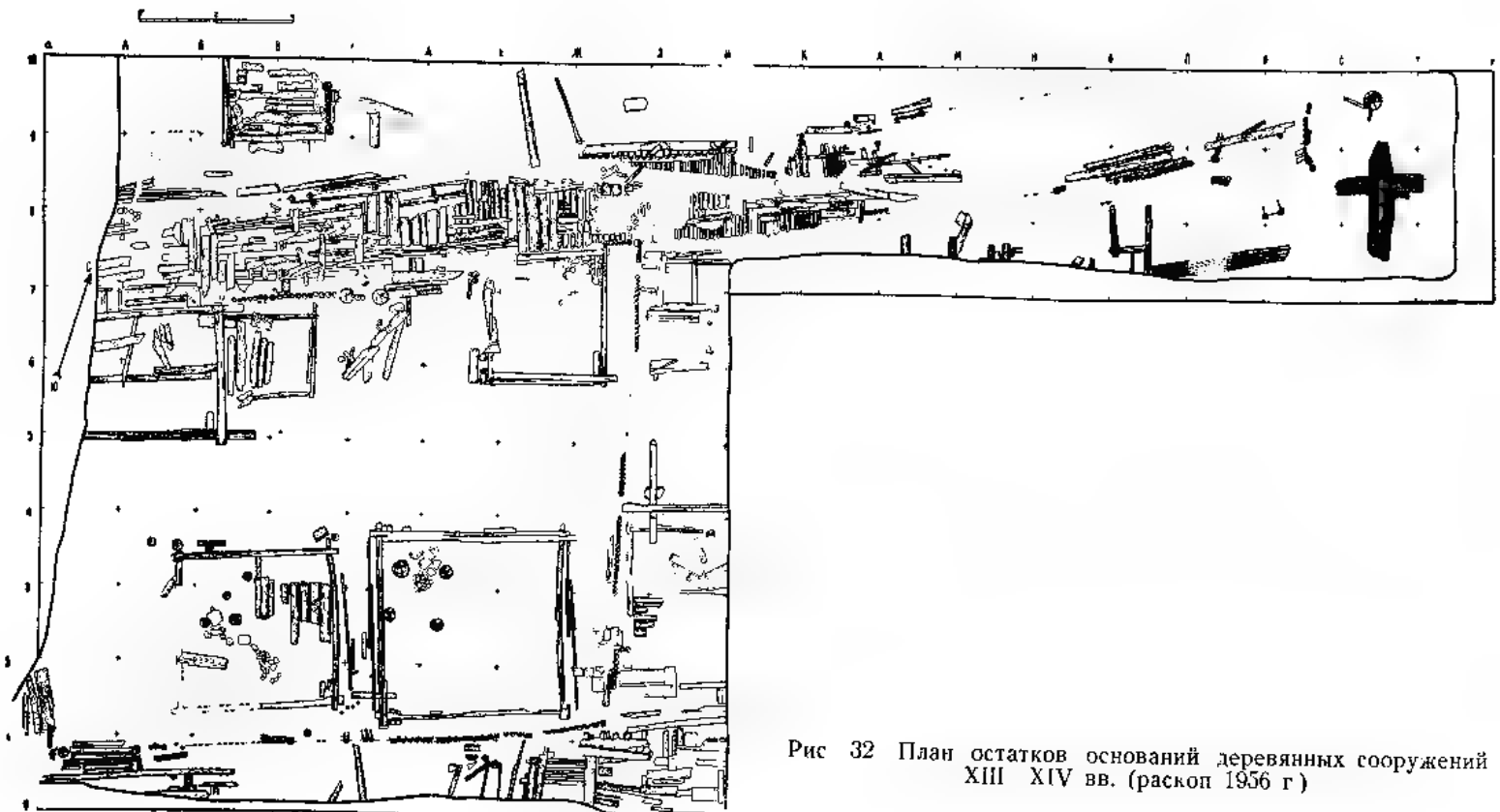

Рис 32 План остатков оснований деревянных сооружений XIII XIV вв. (раскоп 1956 г)

водопровода. Ширина мостовой 2,50—2,60 м. Настил ее, состоявший из тесаных горбылей небольшого диаметра (10—12 см), уложен

Вдоль всей южной стороны раскопа на протяжении 16 м частично открыта другая улица, которая шла параллельно первой

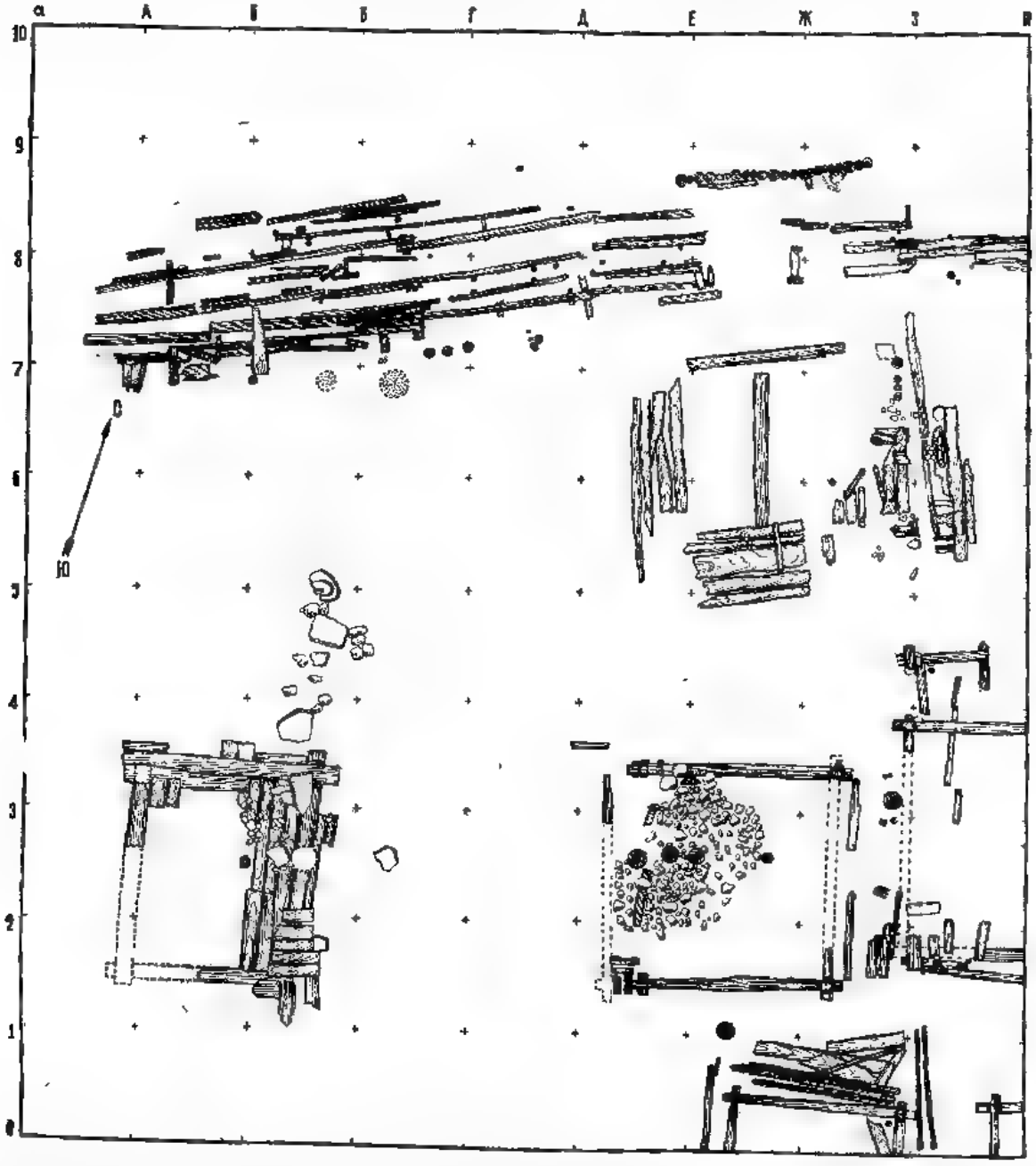

Рис. 33. План остатков оснований деревянных сооружений XII—XIII вв. (раскоп 1956 г.).

на продольные лаги, лежавшие несколькими параллельными рядами. Мостовая была сильно изношена и в средней, наиболее прогнувшейся, части наблюдались следы ремонта. В XV в. дорога, вероятно, была заброшена, а на ней сооружен колодец.

Настил уличной мостовой сохранился только на некоторых участках. Основания частокола обнаружены лишь по северной границе улицы.

Между двумя улицами, параллельно восточному краю раскопа, находился плотный

Рис. 34. Основание бревенчатого сруба кузницы XIII—XIV вв. (раскоп 1956 г.).

частокол протяженностью 12 м (на кв. $Ж_{1-7}$); от него сохранились основания врытых в землю столбов диаметром 10—12 см. Этот частокол либо отгораживал проулок, соединявший улицы, либо разделял усадебные участки. Возле частокола были выявлены остатки настила (кв. $ЖЗ_{1-4}$, $ЖЗ_{6-7}$), в свое время, возможно, застилавшего проулок. Ниже его никаких более древних следов мостовой не найдено.

У западного края раскопа наметилась еще одна линия частокола, состоявшая из оснований столбов, поставленных вплотную один возле другого (кв. $а_{0-1}$). Он разделял земельные участки. Таким образом, отгороженный от улиц участок имел площадь около 170 кв. м. На нем размещались 4 постройки.

Две из них находились точно на линии частокола, отгораживающего постройки от улицы; в промежутке между избами открыты остатки настила (кв. $ГД_{6-7}$), служившего для проезда с улицы во двор. Здесь же, на линии частокола, возле проезда, помещались основания двух воротных столбов в (кв. $Г_6$ и $Д_7$). Ширина проезда между столбами — 2,20 м.

От постройки на кв. $ДЕЖ_{5-7}$ сохранился один нижний венец и остатки дощатого пола. В северо-восточном углу обнаружен развал камней от печи. Размеры основания сруба 3,20 × 4,10 м. Около постройки находился частокол.

От постройки на кв. $аАБ_{5-6}$ сохранился один венец, лаги и отдельные разрозненные доски, возможно, от пола. С восточной стороны к избе примыкало крыльцо или сени (кв. $БВ_{6-7}$). Размеры постройки — 3,80 × × 4,10 м. Размеры крыльца 2,30 × 2,50 м.

Две другие постройки, от которых также сохранились нижние венцы, находились в глубине двора одна возле другой. Прослежен еще один въезд во двор с остатками дощатого настила (кв. $аА_0$).

Одна из построек, обнаруженная на кв. $ГДЕ_{1-3}$, кроме нижнего венца сруба, имела с западной и восточной стороны длинные жерди, укрепленные вертикальными кольями. Они, вероятно, использовались при устройстве завалины. Размеры сруба 5,80 × 5,90 м. В северо-западном углу постройки стояли основания 4 массивных вертикальных столбов большого диаметра. Между ними лежал сильно прожженный слой глины, содержавший в большом количестве железные шлаки и крицы. Эта постройка могла быть кузницей, а рядом с ней стояла жилая изба (кв. $АБВ_{1-3}$).

Рис. 35. Основание бревенчатого сруба избы XII—XIII вв., обнаруженной ниже остатков кузницы (раскоп 1956 г.).

Проход между ними был очень узким (без завалин — 1,10 м, между завалинами 60 см). В жилой постройке открыты следы тесаного обгоревшего пола и развал камней от печи. На полу найден горшок и голик. Размеры избы 4,40 × 4,60 м. Внутренняя площадка между избами являлась общим двором для 4 перечисленных сооружений, отгороженных от улиц частоколом.

Вдоль северной улицы, кроме перечисленных построек, по сторонам выявлены частично остатки оснований ряда деревянных сооружений. В северо-западной части раскопа (кв. $БВ_{8-9}$) открыты остатки дощатого настила, возможно, являвшегося съездом с улицы. Ширина его 2,60—2,80 м. В узкой (северной) части раскопа, на кв. $ЛМНО_7$, обнаружены концы отдельных бревен, располагавшихся в одном направлении по отношению к оси улицы. Многие бревна построек этого строительного горизонта были обуглены.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII—XIII вв. Остатки сооружений этого горизонта обнаружены на глубине 2,30—2,80 м (рис. 33). Они имели планировку аналогичную той, которая была прослежена в вышележащем горизонте, но лишь с одной уличной мостовой. Направление улицы и размеры настила совпадали с настилом улицы вышележащего горизонта.

Основания построек в южной части раскопа лежали несколькими ярусами друг на друге. Они несомненно сооружались в разное время, но сохраняли планировку предшествующих построек. Под остатками сруба кузницы обнаружено основание избы с развалом камней печи (кв. $ГДЕ_{1-3}$). На фотографиях показана кузница XIII—XIV вв. с остатками столбов от горна (рис. 34) и постройка XII—XIII вв. (рис. 35), находившаяся под кузницей.

На той же площади находились венцы двух других разновременных сооружений. Основание кузницы прослеживалось на глубине 2,10—2,25 м, размеры ее 5,80 × × 5,90 м; на глубине 2,07—2,18 м прослежены бревна нижележащей постройки, ее размеры 4,60 × 4,70 м; под ней на глубине 2,27—2,38 м открыты остатки 3-й постройки размером 5,0 × 5,3 м и еще ниже на глубине 2,30—2,55 м обнаружена 4-я постройка (с развалом каменной печи), размер ее 4,40 × 4,40 м. На кв. $АБ_{1-3}$ открыто основание избы размером 4,30 × × 4,00 м. На остатках постройки в одну линию лежали (в кв. $Б_{2-4}$) бесформенные ка-

менные плиты, которые, судя по их расположению, использовались, скорее всего, в качестве подкладок для деревянной постройки, явшей в одном ряду с ранее упомянутыми. Сохранилась северная ее сторона, а южная определилась по оставшимся подкладкам

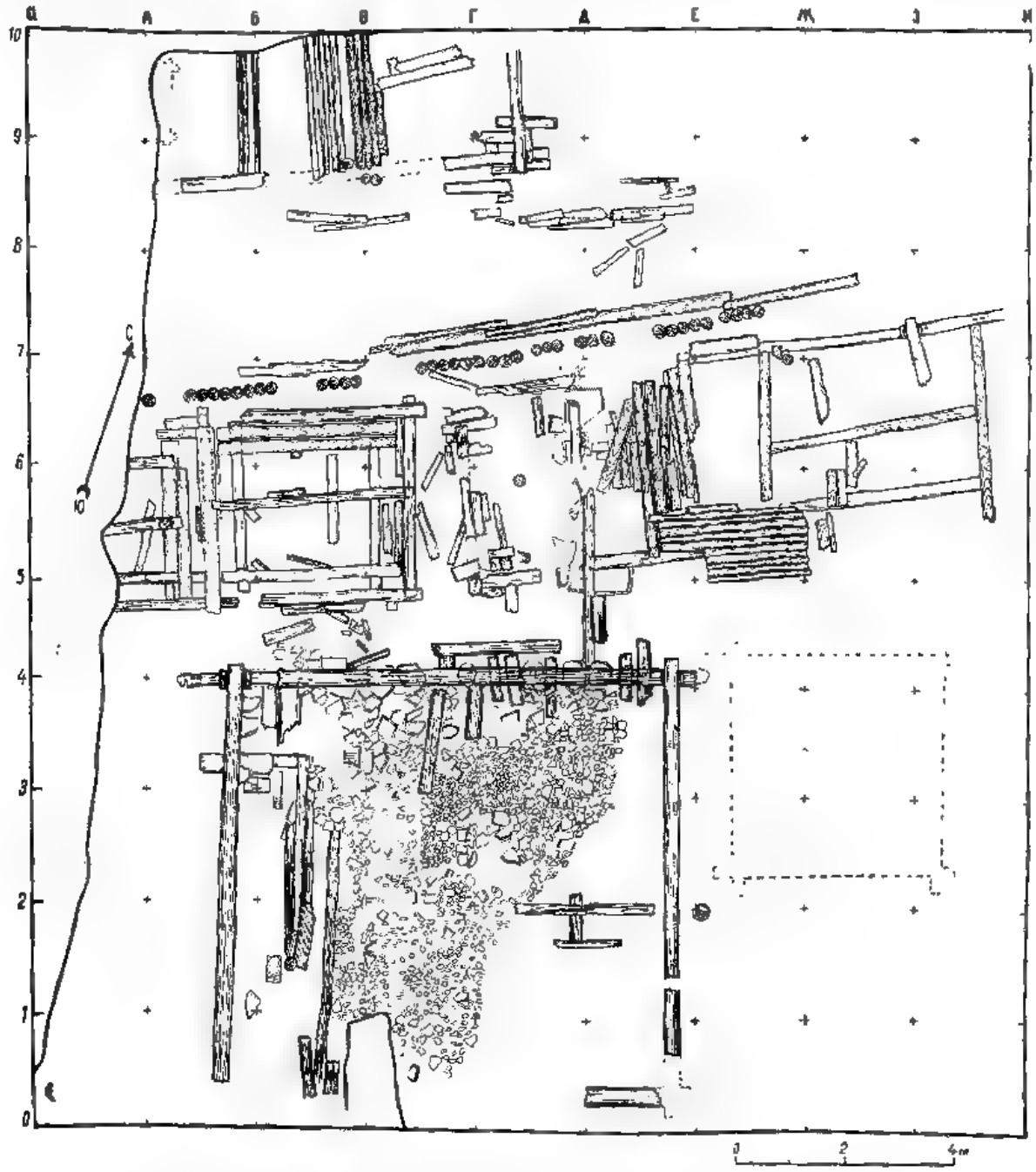

Рис. 36. План остатков оснований деревянных сооружений XII в. (раскоп 1956 г.).

никаких следов от которой не сохранилось. Каменные плиты располагались на протяжении 5,60 м.

У восточного края раскопа (кв. 3_{1-3}) найдены остатки еще одной постройки, сто под нижним бревном и частично самим бревном. Размеры постройки по западной стороне 4,65 м. У северо-западного угла постройки лежали короткие бревна, возможно, остатки крыльца (1,60 × 1,30 м).

Проход между этой постройкой и соседней с ней с западной стороны составлял 0,80—0,90 м.

В юго-восточном углу раскопа (кв. 3_0) открыт угол какого то сооружения; рядом с ним (в кв. $ЕЖ_0$) находилась еще одна небольшая постройка (обнаружена северная сторона дл. 3,60 м), сохранившаяся на 3 венца. Перед северной стороной этой, по всей вероятности, хозяйственной постройки лежал настил из жердей и набросанных досок. Возле уличной мостовой (кв. $ДЕЖЗ_{5-6}$) находились остатки тесаного настила двора размером 5,10 × 4,60 м.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XII в. (рис. 36). На глубине 2,80—3,10 м обнаружены нижние венцы построек, среди которых одна (кв. $АБВГД_{0-3}$) отличалась от всех ранее открытых сооружений своими размерами. Это квадратный в плане сруб размером 9,20 × 8,10 м. Назначение его осталось невыясненным. По периметру постройки, под нижними бревнами сруба лежали в большом количестве каменные плиты, использованные в качестве подкладок; среди них находились жернова. Сруб внутри был замощен мелким камнем и обломками плит.

К северу от этой постройки (между линиями пикетной сетки $А_4$ — $И_4$ и $А_7$ — $И_7$) находился дворовый настил, бревна которого закрывали свободную от построек площадку между домом и улицей. Настил неоднократно ремонтировался (местами бревна лежали в 2 и в 3 яруса). Сохранность настила плохая. Судя по положению лаг, настил состоял как бы из 3 секций (одна система подкладок на кв. $АБВ_{4-6}$, вторая на кв. $Г_{4-6}$ и третья на кв. $ДЕЖЗ_{4-6}$). Замощенный проход к большой постройке, очевидно, содержался в порядке. Можно полагать, что сама постройка имела какое-то общественное значение.

Постройка от улицы была отгорожена высоким массивным частоколом. Он состоял из плотно поставленных бревен диаметром от 20 до 25 см. Зарытые в землю основания бревен при сооружении частокола затесывались на 4 грани. Вертикальное положение бревен прослеживалось по одной стороне улицы, по другой же частокол не сохранился, так как бревна частокола упали и были использованы в качестве подкладок для уличной мостовой. Найдены продольные лаги длиной от 2 до 6,20 м, на которые укладывался настил мостовой, самого же настила нигде не сохранилось. Высота бревен частокола над землей достигала, судя по нашим наблюдениям, 2 м. Можно предположить, что частокол был поставлен еще до сооружения большой постройки. Поэтому он зафиксирован на общем плане сооружений XII в. и на плане нижележащего, более древнего, строительного яруса.

На другой стороне улицы помещались остатки хозяйственного сооружения (кв. $АБВГ_{8-9}$). План этой постройки не установлен, так как нашим раскопом выявлена лишь ее южная сторона длиной 6,85 м. Наиболее отчетливо определился юго-восточный угол, рубленный в обло. Внутри постройки сохранился пол из жердей, а также основания трех вертикальных столбов (в кв. $БВ_8$).

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI XII вв. (рис. 37). Ниже остатков основания большой постройки на глубине 3,10—3,30 м обнаружены на том же участке раскопа основания трех более древних построек. Все они, очевидно, были жилыми избами обычного типа.

Уличный частокол прослежен на протяжении 30 м (рис. 38). Древний ярус уличной мостовой совпадал по направлению, а также и повороту дороги в сторону Кремля с более поздним ярусом улицы. Таким образом, улица существовала на одной и той же линии с XI по XIV вв., причем она огораживалась частоколами несколько раз. В этой связи любопытно отметить положение оснований вертикальных бревен частокола, которые как бы наслаивались друг на друга, так же как и все остальные сооружения (рис. 39). Частоколы сменялись, вероятно, реже, чем настилы дороги.

Жилые избы строились за частоколом. Их основания прослеживались вдоль всей мостовой. Наиболее ясна планировка построек на широком участке раскопа. Избы в плане представляли четырехстенные срубы. С одной стороны устраивались сени, застилавшиеся деревянным полом (рис. 37), в углу помещалась печь, сложенная из больших камней. Пол покрывался досками или тесаными горбылями. Свободные площадки возле жилищ застилались деревянным настилом. Бревна для настила сверху подтесывались. Пила в строительстве

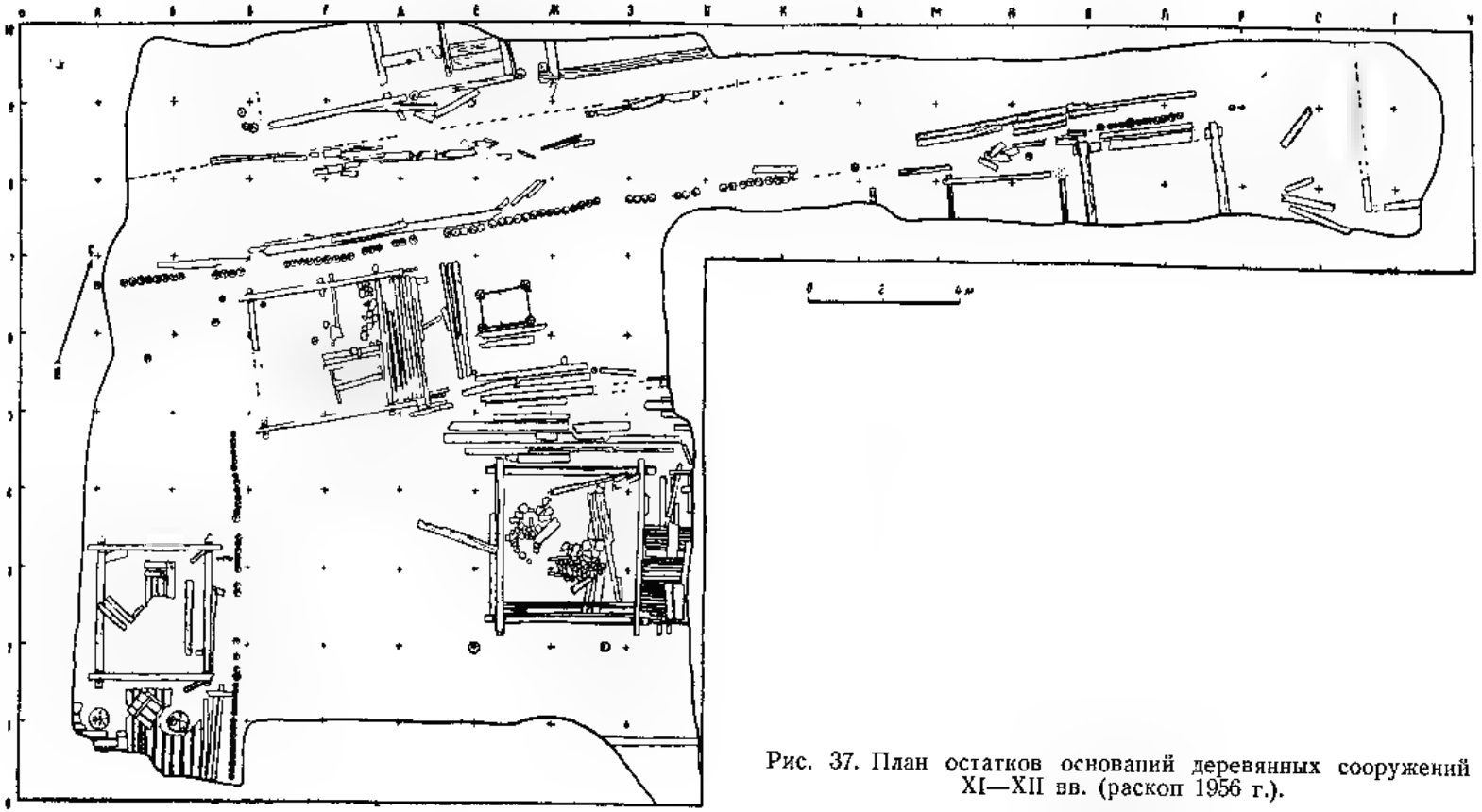

Рис. 37. План остатков оснований деревянных сооружений XI—XII вв. (раскоп 1956 г.).

Рис. 38. Общий вид оснований жилищ XI—XII вв. На заднем плане частокол, отгораживающий уличную мостовую (раскоп 1956 г.).

деревянных сооружений не применялась. На одном из хозяйственных дворов помещался колодец, устроенный из 4 вертикально врытых по углам столбов с выдолбленными в них боковыми пазами. В пазы были вставлены доски. Такой же колодец обнаружен в раскопе 1955 г., где возле него найдено скопление большого количества железных шлаков. Здесь же их не встречено, но на настиле двора найдены большие кузнечные клещи длиной 78 см. Колодец находился возле дворового настила и служил для каких-то целей, связанных, вероятно, с кузнечным делом. Его размеры в плане 1,50 × 1,20 м. Высота сохранившихся столбов 0,65—0,75 м.

Время сооружения жилищ этого горизонта определяется шиферными пряслицами, браслетами из перевитой бронзовой проволоки и плоскими литыми с ромбическим орнаментом стеклянными позолоченными бусами, обломками амфор и другими предметами XI—XII вв. Это же время определяют многочисленные находки местной и привозной посуды, к числу которых относятся обломки амфор. На мостовой возле частокола найдена свинцовая печать-пломба, которая, по определению В. Л. Янина, относится также к XI—XII вв. (рис. 40).

Жилая постройка размером 4,30 × × 4,50 м, обнаруженная на кв. ЕЖЗ$_{2-4}$ сохранилась на 3 венца. Она вскрыта полностью. Внутри нее на двух лагах у северной и южной стороны сруба прослежены остатки сгоревшего тесаного пола, на котором находились остатки развалившейся каменной печи. Среди камней прослежены сгоревшие доски. Печь, вероятнее всего, занимала юго-западный угол постройки; здесь среди камней наблюдалось наибольшее скопление угля и золы.

К восточной стороне постройки вплотную примыкал настил, состоявший из плотно пригнанных друг к другу жердей диаметром 10—12 см (кв. З$_{2-3}$). Его площадь в границах раскопа выявлена на полосе шириной в 1,20 м. Назначение настила осталось невыясненным. Настил лежал на длинных лагах, совпадавших по своей длине с восточной стороной постройки.

К этой же постройке относятся остатки второго тесаного настила, обнаруженного перед северной стороной избы (кв. ДЕЖЗ$_{4-5}$)

Рис. 39. Два яруса оснований частокола XI—XII вв. (раскоп 1956 г.).

размером 6,00 × 2,40 м. Замощенная площадка, очевидно, являлась двором.

От избы на кв. ВГД$_{4-6}$ сохранился один венец размером 3,20 × 4,60 м. Эта постройка состояла из 2 частей: жилой (3,20 × × 3,20 м) с остатками тесаного пола и

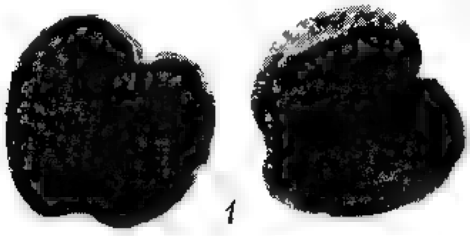

Рис. 40. Свинцовая печать XI—XII вв. (раскоп 1956 г.)

развалом камней от печи, занимавшей северо-восточный угол, и сеней, с жердевым полом. Сени расположены с восточной стороны постройки, и устроены за счет выпущенных более длинных бревен, составлявших северную и южную сторону сруба и частокола, использованного для загораживания стен сеней по тем же сторонам постройки. Впереди сеней находился узкий настил, возле края которого стоял вышеупомянутый колодец со столбами (кв. Е$_6$).

На кв. АБ$_{1-3}$ найдено основание жилой постройки размером 4,00 × 3,50 м. Сохранился один венец с остатками пола. Возле постройки с южной стороны размещался настил хозяйственного двора с двумя массивными столбами, диаметром 54—56 см. Границы двора (кв. АБ$_{0-1}$) не удалось установить, так как концы бревен настила уходили в южную и западную стенку раскопа. Постройка и двор с восточной стороны были огорожены частоколом (кв. Б$_{0-4}$). Три вертикальные столба загораживали проход между северо-восточным углом постройки и частоколом (кв. Б$_3$). Таким образом, частокол огораживал свободную площадь между тремя перечисленными постройками (кв. ВГД$_{1-4}$) размером 6,60 × 7,80 м и, судя по распространению на этой площадке мощного слоя стойлового навоза, можно предположить, что она использовалась в качестве двора открытого типа и служила местом загона скота в летнее время.

К северу от улицы, вдоль ее края, на кв. Б$_{8-9}$ ГДЕ$_9$ обнаружена одна сторона основания большой, по всей вероятности хозяйственной, постройки. Два бревна, лежавших

в одну линию, составляли южную сторону нижнего венца сруба, которая делилась вертикальным столбом на два неравных по длине звена. Юго-восточный угол постройки рублен в чашку; рядом с ним находился столб, как бы закреплявший угол с наружной стороны. Основания 3 столбов прослеживались также и на месте юго-западного угла постройки. Найдены остатки тесаного пола из широких досок. Длина южной стороны постройки 6,70 м.

На одной линии с последним сооружением (кв. ЖЗ$_9$) обнаружено бревно нижнего венца еще одной постройки, планировка которой не выяснена; ясно определился только ее юго-западный угол. На кв. МН$_7$ возле частокола открыты частично основания двух построек, из которых одна (кв МН$_7$) имела по северной стороне сруба длину 3,20 м, а другая, соседняя (кв. ОП$_{7-8}$), находившаяся на одной линии с первой, имела длину 3,80 м.

На восточном конце улицы этого строительного горизонта была открыта (кв. СТ$_{7-9}$) еще одна постройка, имевшая размеры в обнаруженной части 4,40 м. Постройка стояла на повороте дороги. В основании сруба прослеживался слой сильно прожженной глины, возможно, принадлежавшей развалу глинобитной печи.

Все остатки сооружений этого строительного горизонта, строго ориентированы по направлению улицы

У западной стены раскопа (кв. АБ$_{8-9}$) на глубине 3,20—3,40 м обнаружены остатки постройки, основание которой находилось на трассе дороги XI—XII вв. Таким образом, можно было убедиться в том, что первоначальное возникновение и сооружение улицы связано именно с этим горизонтом.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК XI в. (рис. 41). Ниже сооружений XI—XII вв. на глубине 3,80—4,10 м открыты остатки более древних сооружений. Улица, как мы уже отмечали выше, в этом горизонте отсутствовала. Жилые постройки размещались свободней, хотя размеры и тип построек ничем не отличались от ранее рассмотренных. Ориентировка их в направлении также совпадала. Между постройками прокладывались мостки, рассчитанные по своей ширине только для пешеходов Сохранились развалы печей-каменок и деревянные полы. Перед избами устраивались настилы дворов.

На свободной площадке между постройками обнаружены основания правильно расположенных столбов, представляющих в плане фигуры прямоугольников размером в одном случае 1,70 × 0,70 м (кв. Д$_3$), в другом — 2,00 × 1,10 м (кв. Г$_{5-6}$) На этих столбах, вероятно, стояли какие-то легкие наземные сооружения хозяйственного назначения, которые были разобраны еще в древности.

На кв. АБВГД$_{7-9}$ обнаружены остатки основания замощенного двора и избы с печью. Двор (кв. ГД$_{7-9}$) раскрыт на площади размером 4,10 × 3,10 м, причем одна его сторона примыкала вплотную к западной стороне избы. Границы жилого дома определились по восточному и южному бревнам, составлявшим первый венец постройки. Изба состояла из двух частей: сеней (кв. В$_{7-9}$) и жилой части, с сохранившимся развалом каменной печи, занимавшим юго-восточный угол (кв. АБ$_{7-9}$). Развал печи из мелких сильно обожженных камней занимал площадь 1,00 × 1,20 м (кв Б$_8$). Внутри избы (кв. Б$_9$) обнаружены остатки дощатого настила. На некоторых досках на концах были просверлены отверстия, а одна из досок имела на конце вырез. Можно предположить, что доски этого настила здесь использованы вторично. От хозяйственного двора в южном направлении были проложены деревянные пешеходные мостки, а с восточной стороны шла узкая дорожка из каменных плит.

На кв. ЕЖЗ$_{5-7}$ обнаружены остатки основания еще одной избы (сохранился один венец по трем сторонам: западной, северной и южной). Перед северной стороной постройки найдены короткие подкладки-бревна, очевидно, использовавшиеся в свое время для устройства настила двора. Длина западной стороны постройки 4,10 м. На кв. А$_{4-6}$ выявлена одна сторона основания постройки, длина которой составляла 4 м. На кв. ВГДЕЖ$_{2-3}$ найдены отдельные разрозненные тесаные доски. Слой в районе этих досок состоял преимущественно из навоза и включений мелкой щепы. Возможно, здесь находился скотный двор.

ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕК X—XI вв. (рис. 42) Такой же характер имели остатки сооружений, открытые на глубине 4,30—4,60 м в основании культурного слоя на границе со скалой Остатки построек выявлены

частично и поэтому их планировку полностью мы не смогли установить. Все сооружения принадлежали к числу самых древнейших обнаруженных в раскопе, связанных с первоначальной застройкой и заселением этого участка города, начиная с X в.

Небольшая часть постройки обнаружена у западного края раскопа (кв. АБ$_{3-4}$); ее бревна лежали непосредственно на скале. Выявился только северо-восточный угол

Вторая постройка (кв. ЕЖЗ$_{5-7}$) нами зафиксирована на плане предыдущего горизонта (XI в), но, возможно, она была поставлена вместе с более древними сооружениями. Ниже бревен этой постройки до скалы залегал культурный слой, не содержащий остатков деревянных сооружений.

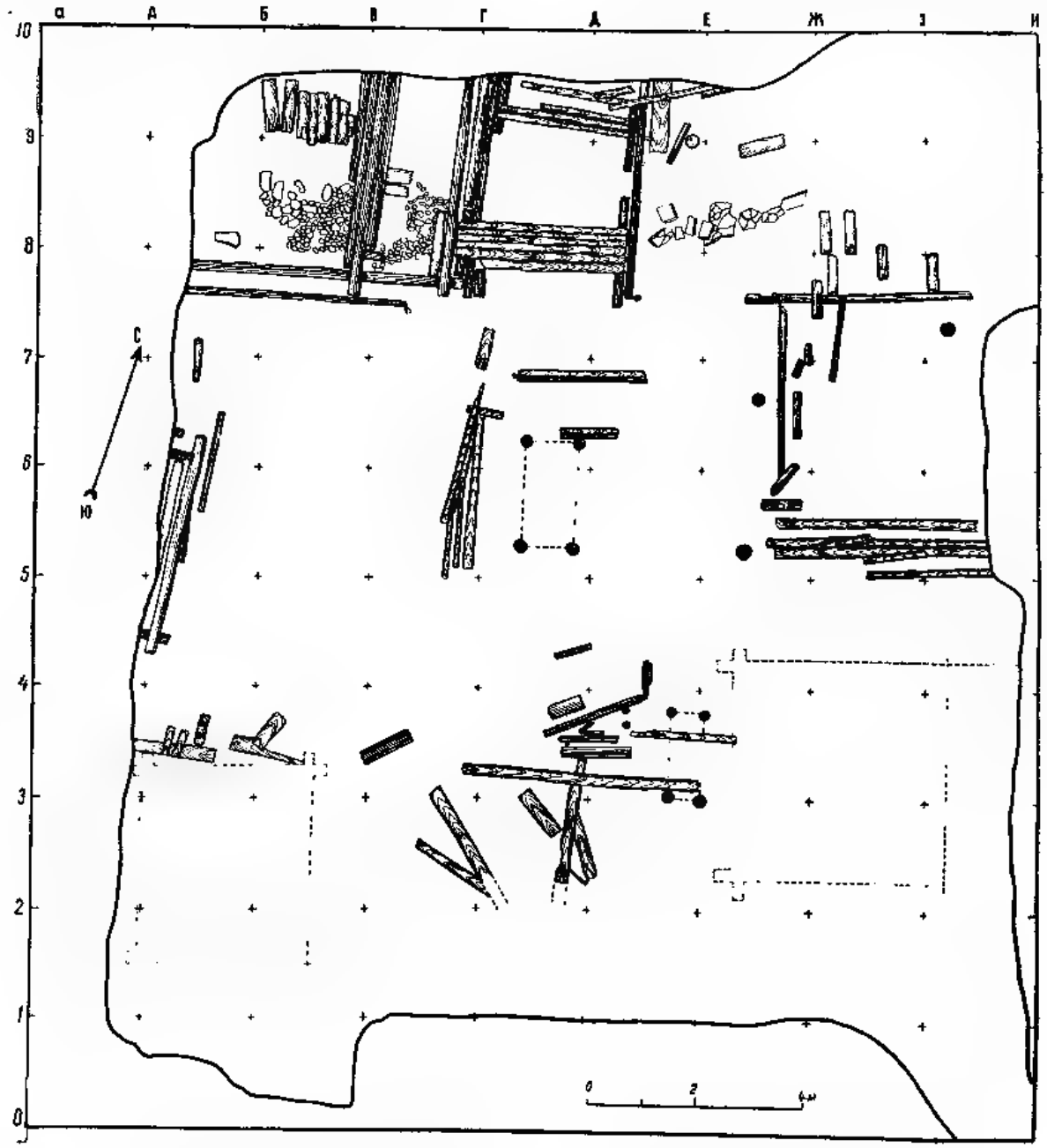

Рис. 41. План остатков оснований деревянных сооружений X -XI вв. (раскоп 1956 г.).

Возле постройки (кв. $Д_{4-5}$) найден расколотый обрубок дерева большого диаметра, вокруг забитый мелкими кольями и здесь же рядом с ним лежали доски. Назначение всего приспособления осталось неясным. На свободной площадке между упомянутыми постройками обнаружены отдельные вытесанные горбыли.

В северо-западной части раскопа обнаружен угол еще одной постройки, сохранившейся на 2 венца (кв. $АБ_{8-9}$). Нижние бревна лежали непосредственно на скале.

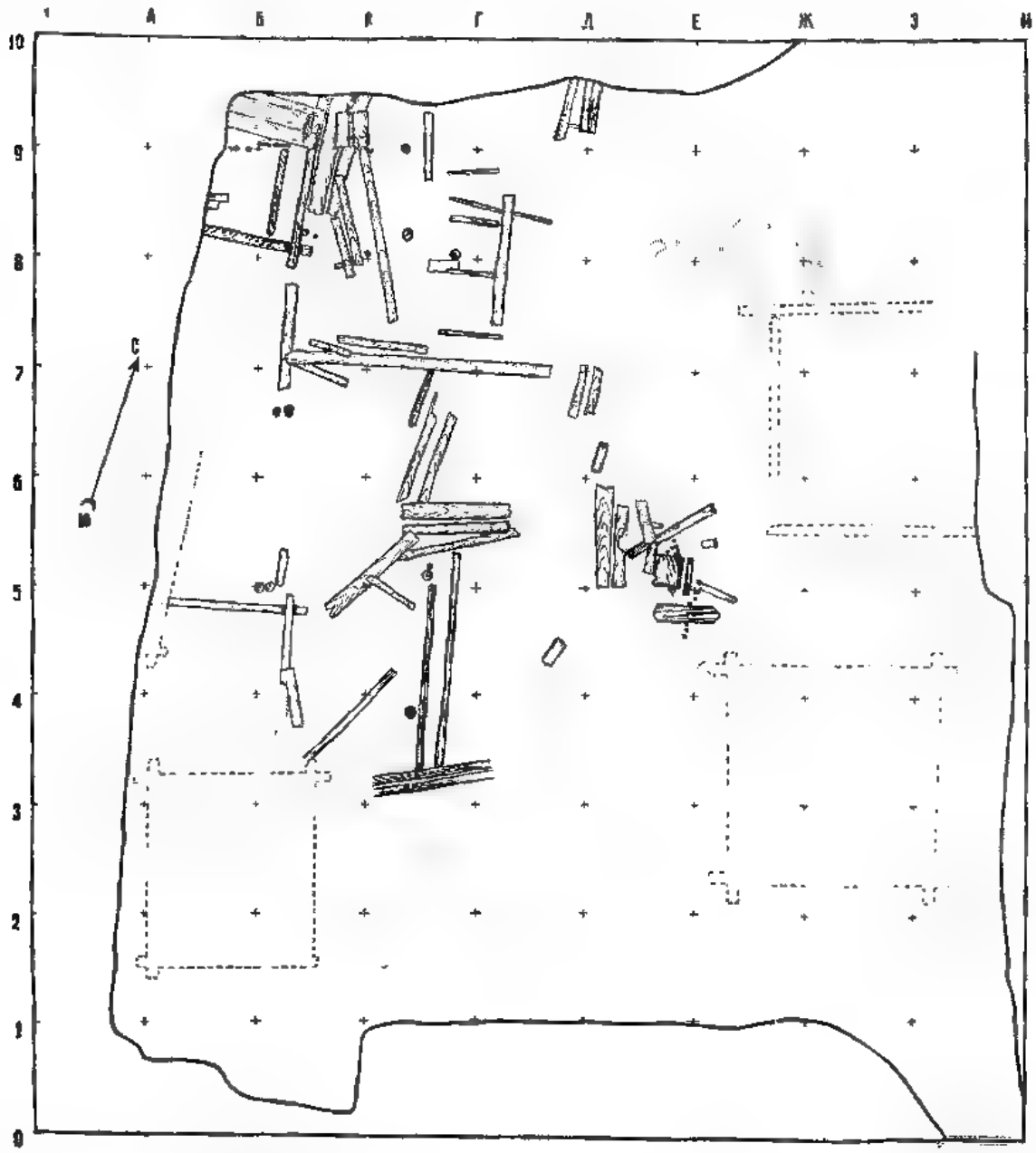

Рис. 42. План остатков оснований деревянных сооружений X—XI вв. (раскоп 1956 г.).

Два последних, описанных выше, строительных горизонта, вероятно, очень близки по времени, об этом можно судить по найденным в них вещам. На развале печи-

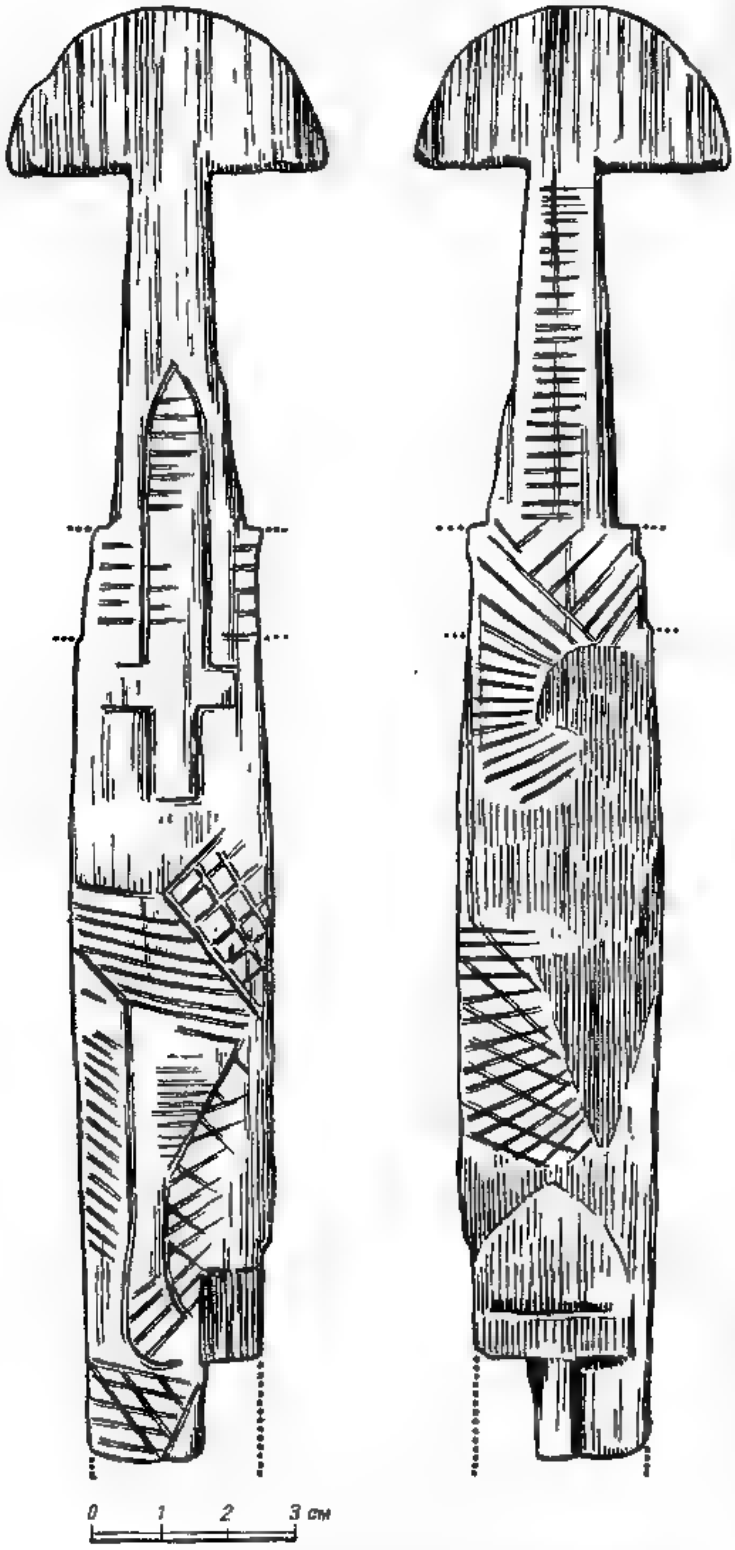

Рис. 43. Деревянный игрушечный меч с вырезанными на нем изображениями мечей. (Вид с обеих сторон). Найден в постройке X в. (раскоп 1956 г.)

каменки в постройке горизонта X—XI вв. (кв. $Б_8$) найден обломок деревянного игрушечного меча. Форма его близка железным мечам X—XI вв. На игрушке вырезаны изображения двух мечей древней формы (рис. 43).

Эта же датировка для рассматриваемых сооружений (горизонтов X—XI вв.) подтверждается многочисленными находками гончарных изделий. Глиняные горшки в основной массе делались с помощью гончарного круга. Поверхность их украшалась частыми волнистыми линиями и бороздками.

Рис. 44. Лепной горшок с налепными валиками X—XI вв. (раскоп 1956 г.).

В одной из построек (горизонта X—XI вв., кв. $ЕЖЗ_{5-7}$) найден большой раздавленный горшок, который дает наилучшее представление о форме и украшении керамики этого времени (рис. 44). Он имеет на тулове три пояса налепных валиков с насечками, поверхность между ними украшена волнистым орнаментом. Высота горшка 34 см, диаметр верхней части 34 см. Вместе с ним найдены обломки лепных горшков. В одном случае найдена нижняя часть горшка, а также обломки венчиков горшков без орнамента. Находки лепной керамики немногочисленны, но в сочетании с кружальной керамикой нам представляется вполне возможным датировать древнейший горизонт обнаруженных сооружений X—XI вв.

Для наглядности в таблице приводятся данные стратиграфии по трем раскопам в соответствии с условиями залегания строительных горизонтов.

Раскоп 1954 г.	Раскоп 1955 г.	Раскоп 1956 г.	Время
А. 0—0,60 до 1 м	То же	То же	Слой строительного мусора современного города
		1,20—1,40 м	XVI—XVII вв.
1,00—2,00 до 2,30 м	1,00—1,50 м	1,20—1,70 до 2,00 м	XV в.
Б. 2,30—2,50 м	1,50—1,80 до 2,00 м	2,00—2,30 м	XIII—XIV вв.
В. 2,50—3,05 м	1,80—2,08 м	2,30—2,80 м	XII—XIII вв.
Г. 3,05—3,20 до 3,40 м	2,08—2,50 м	2,80—3,10 м	XII в.
Д. 3,30—3,80 м	3,00—3,35 м	3,10—3,30 м	XI—XII вв.
Е. 3,80—4,50 м	3,35—3,55 м 3,55—4,00 до 4,5—4,80 м	3,20—3,70 м	XI в.
Ж. 4,50—4,57 до 5 м		3,70—4,00 до 4,50 м	X—XI вв.

Наибольшая мощность культурного слоя падает на горизонт X—XI вв. (от 0,50 м до 1,20—1,50 м). Можно предположить, что до первичного освоения и застройки этого древнего участка города, его поверхность была более или менее горизонтальной[34].

Слой XI—XII вв. имел толщину около 0,50—0,75 м, а самые верхние наслоения XII—XIV вв., несмотря на двухсотлетнюю продолжительность своего образования, достигали по толщине не более 0,55—0,80 м. Верхние наслоения содержат остатки деревянных сооружений значительно худшей сохранности, чем нижние; дерево в них подвергалось сильной деформации, утратив свой первоначальный объем, представляя иногда лишь тонкие прослойки, впрочем, достаточно ярко и четко сохранившие не только отдельные детали сооружений, но и полностью их планировку. Дерево в нижних наслоениях не сплющено и как правило сохраняет свой объем.

Раскоп 1956 г. не доведен до конца, так как строительные организации приступили к углублению котлована. Но все же мы получили достаточно ясное представление о содержавшихся под землей древних памятниках. Остатки открытых сооружений конечно фрагментарны, но вместе с тем они дают подлинную картину древнего градостроительства, а собранные многочисленные и разнообразные находки характеризуют в известной мере быт и хозяйственную деятельность населения X—XV вв.

В результате раскопок в Старом Застенье наметились направления некоторых улиц древнего города с прилегавшими к ним постройками[35].

Одна из древних улиц, открытая в 1955 г., возможно, являлась главной магистралью средневекового Пскова — Великая, или Большая улица — и вела в Довмонтов город. Другая улица, открытая в 1956 г., вероятно, шла от княжьих ворот и, огибая княжий двор, выходила также к Довмонтову городу. На плане показаны как древние, так и более поздние сооружения — пушечный двор XVII в. и прилегающие к нему строения того же времени (рис. 45). Точное положение пушечного двора приведено в деле поручика Нелединского, возбудившего хо-

[34] Отметки глубины обнаруженных сооружений в раскопе 1954 г. взяты от уровня поверхности современной мостовой; в раскопе же 1955 и 1956 гг. нулевая линия взята ниже современной поверхности на 0,60 м. В дальнейших раскопках отметки привязаны к постоянному государственному реперу № 66, находящемуся на восточной стене бывшего здания почты с отметкой 45,208. Наша нулевая линия в раскопках 1955—1958 и 1959 гг. находилась на отметке 45,357.

[35] Направление улиц подтвердилось дальнейшими раскопками, произведенными на участке перед зданием почты в 1958—1959 гг.

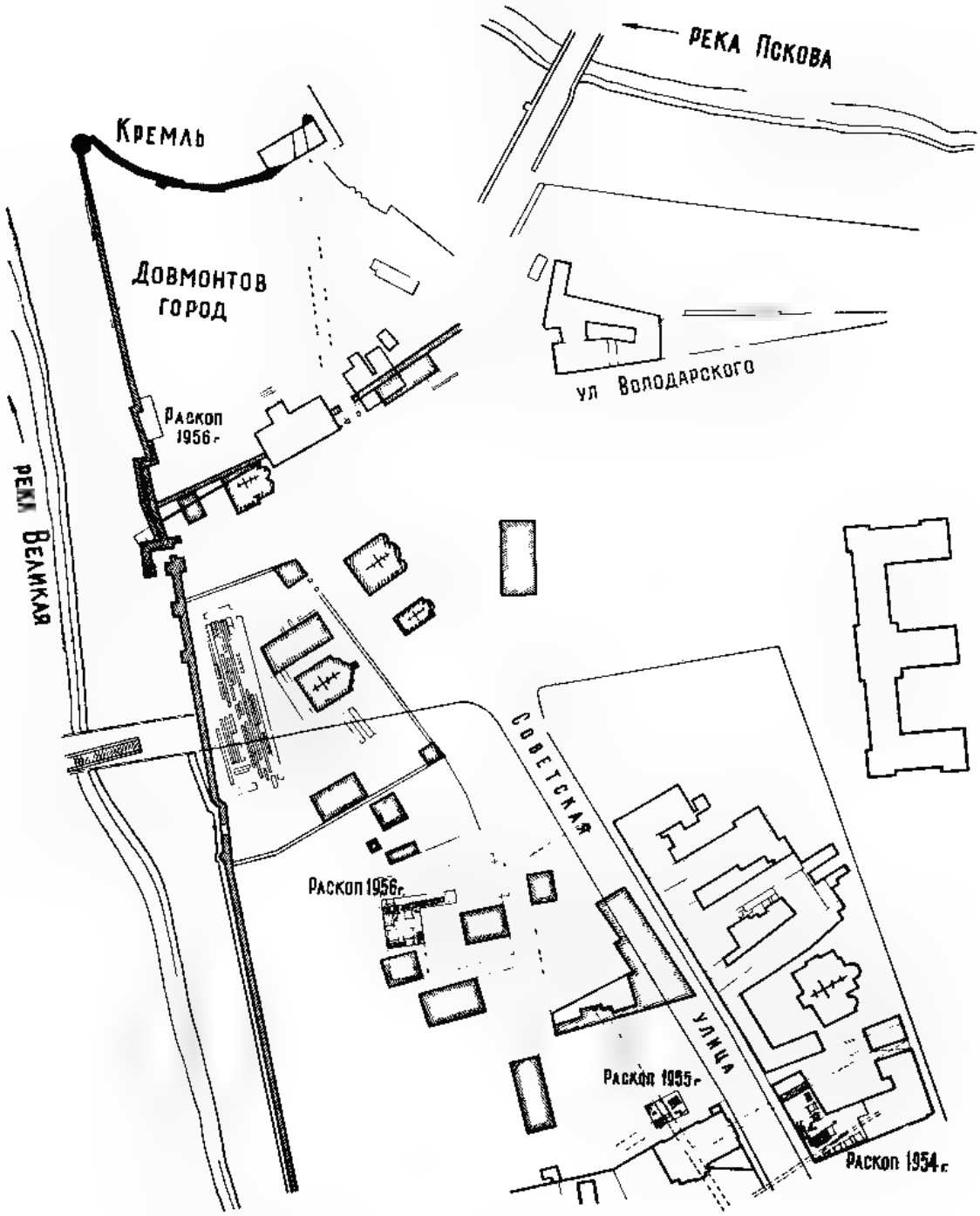

Рис. 45. План пушечного двора с прилегающими к нему строениями.

датайство в 1740 г. о переносе обывательских деревянных построек, расположенных на площади вблизи пушечного двора. На этом же плане им приводится расположение древних церквей, стоявших в то время возле пушечного двора. Одна из церквей, не существующих в настоящее время, являлась церковью Воздвижения на княжьем дворе. Письменные свидетельства говорят о том, что пушечный двор поставлен на ме-

сте княжьего двора. На этом участке в 1957 г. был вырыт большой котлован для здания кинотеатра. В обрезах стен котлована прослеживался черный культурный слой толщиной не менее 5 м. В нем находились остатки древних деревянных сооружений в таком же многоярусном залегании, как и на наших раскопках. Археологического изучения этого участка не производилось.

Многие остатки оснований жилищ, которые были открыты экспедицией за три года раскопок на разных участках древнего города, принадлежали исключительно рядовому населению. Они по площади невелики и относятся к типу наземных срубных жилищ, сооруженных из бревен. Даже самые древние из них, обнаруженные в основании культурного слоя на раскопе 1956 г., имели сруб, рубленный в обло. В большинстве случаев в жилищах наблюдались тесаные полы. Планировка жилищ и построек приспосабливалась к направлению улицы, границы отдельных усадебных участков не совпадали, будучи для каждого строительного горизонта различными. Следует отметить значительную плотность застройки; дома ставились возле настилов мостовых и настолько близко один возле другого, что проход между ними во многих случаях был невозможен. Перед входом в жилище обычно устраивался настил хозяйственного двора.

Наши раскопки, производившиеся в центре города, выявили безграничные возможности изучения средневекового Пскова.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПСКОВА В X—XV вв.

Культурные слои Пскова содержали наряду с основаниями жилищ, дворовыми настилами и хозяйственными сооружениями предметы, характеризующие быт и хозяйство псковичей на различных этапах жизни большого феодального города. Самая многочисленная группа находок представлена обломками керамики; кроме них, собраны изделия из железа, бронзы, дерева, кожи, камня, янтаря, ткани.

Железные шлаки и крицы, нередко встречавшиеся отдельными кусками и скоплениями в слоях с XI в., свидетельствуют о большом значении кузнечного дела, а найденные многочисленные изделия из железа характеризуют высокое и искусное мастерство городских ремесленников. Свои навыки они применяли при изготовлении простейших земледельческих орудий — сошников (рис. 46, *9*, *10*), серпов, кос-горбуш, лопат и многих предметов обихода, употреблявшихся в равной мере как деревенским, так и городским населением. Следует иметь в виду, что какая-то часть городского населения в том числе, вероятно, и ремесленники, несомненно, были связаны с сельским хозяйством. В этом нас убеждают не только находки земледельческих орудий, но и обнаруженные раскопками основания амбаров для хранения зерна, а также сохранившиеся в земле орудия обработки волокна льна (трепальные ножи) и отходы костры, использованные в качестве подстилки на скотных дворах, жернова, жомы для выдавливания растительного масла из зерен льна и конопли и другие предметы.

Из числа железных изделий выделяется группа предметов вооружения — наконечники копий и стрел, обрывок кольчуги и одна пластинка от панциря, найденная в 1956 г., шпоры, пряжки.

Наконечники копий представлены тремя экземплярами; один из них имеет листовидную форму с небольшой конической втулкой. Его длина 20,7 см. (рис. 49, *10*). Второй наконечник копья имеет острие в виде узкого листовидного пера с черенком (рис. 47, *8*). Его длина 23,5 см. К колющим же орудиям относятся два острия, состоящих из гладких стержней круглых в сечении, с зубцами по одному краю, несколько напоминающими острогу или гарпун. Длина их 21,5 и 15 см (рис. 47, *9*, *10*). Они найдены в слое XII в. Кроме перечисленных наконечников, следует отметить еще два штыковидных острия с коленчатым перегибом, переходящим в черенок (рис. 46, *1*, *2*,); по форме они подобны новгородским резцам[36]. К группе предметов вооружения относятся два втока (рис. 47, *1*).

Наконечники стрел найдены в количестве 6 экземпляров. Один из них с плоским листовидным пером имеет черенок в виде стержня (рис. 48, *9*), его длина 10 см. Два

[36] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Труды Новгородской экспедиции, т. II, МИА, № 65, М., 1959, стр. 46, рис. 30.

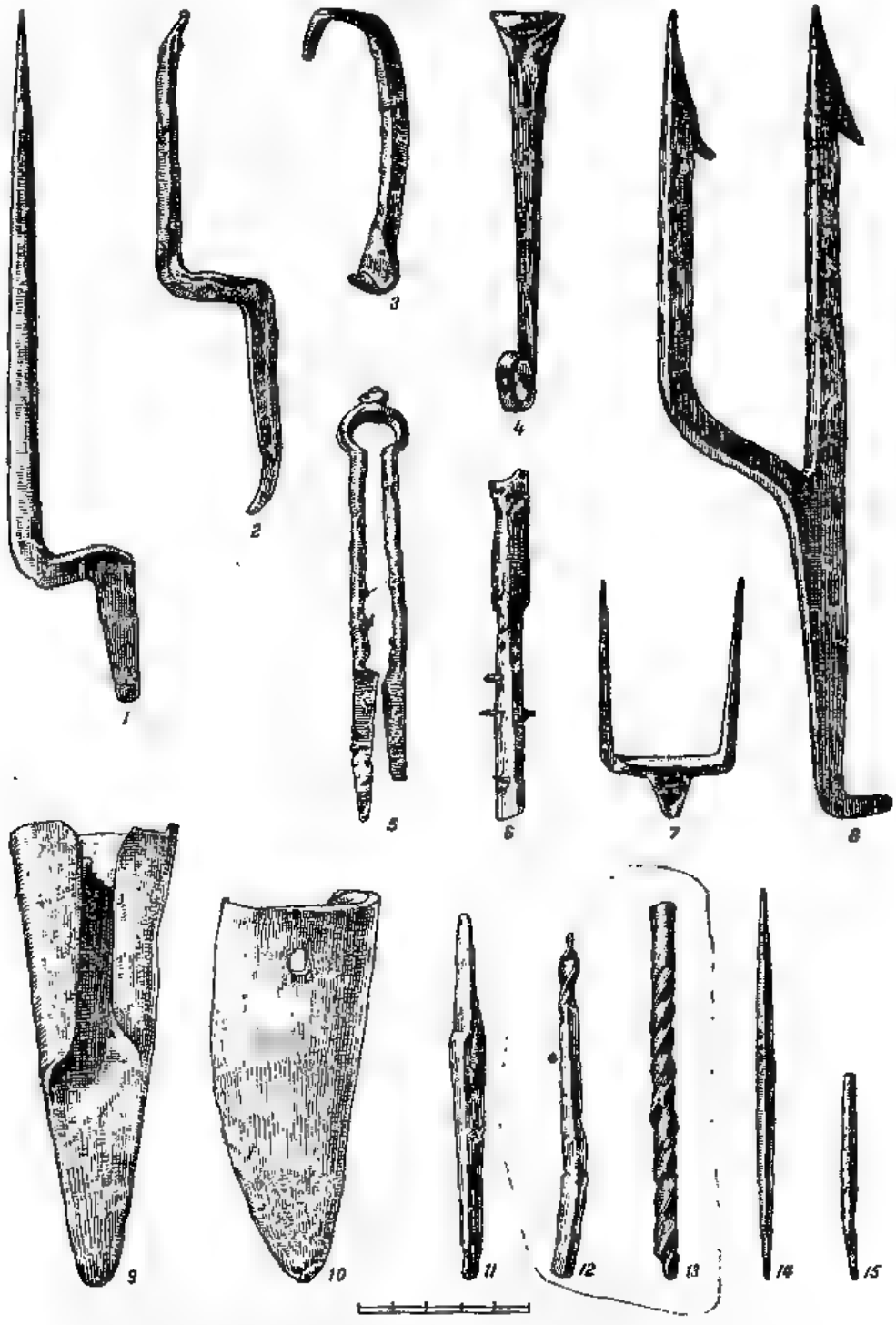

Рис. 46. Железные изделия XI—XV вв. (раскоп 1955 г.)

1, 2 — острия; *3* — ложкарь; *4* — долото; *5* — пружинные ножницы; *6* — нож; *7* — древолазный шип; *8* — острога; *9, 10* — сошники; *11* — напильник; *12—13* — сверла; *14, 15* — шилья.

обломка наконечников стрел с сохранившимися черенками, возможно, имели такую же форму, как и предыдущий (рис. 48, *8*). Три наконечника стрел с утолщенными короткими остриями, четырехгранными в сечении, принадлежат к типу бронебойных (рис. 49, *11*).

Небольшой обрывок кольчуги из проволочных уплощенных колечек найден на настиле уличной мостовой XII в., а одна же-

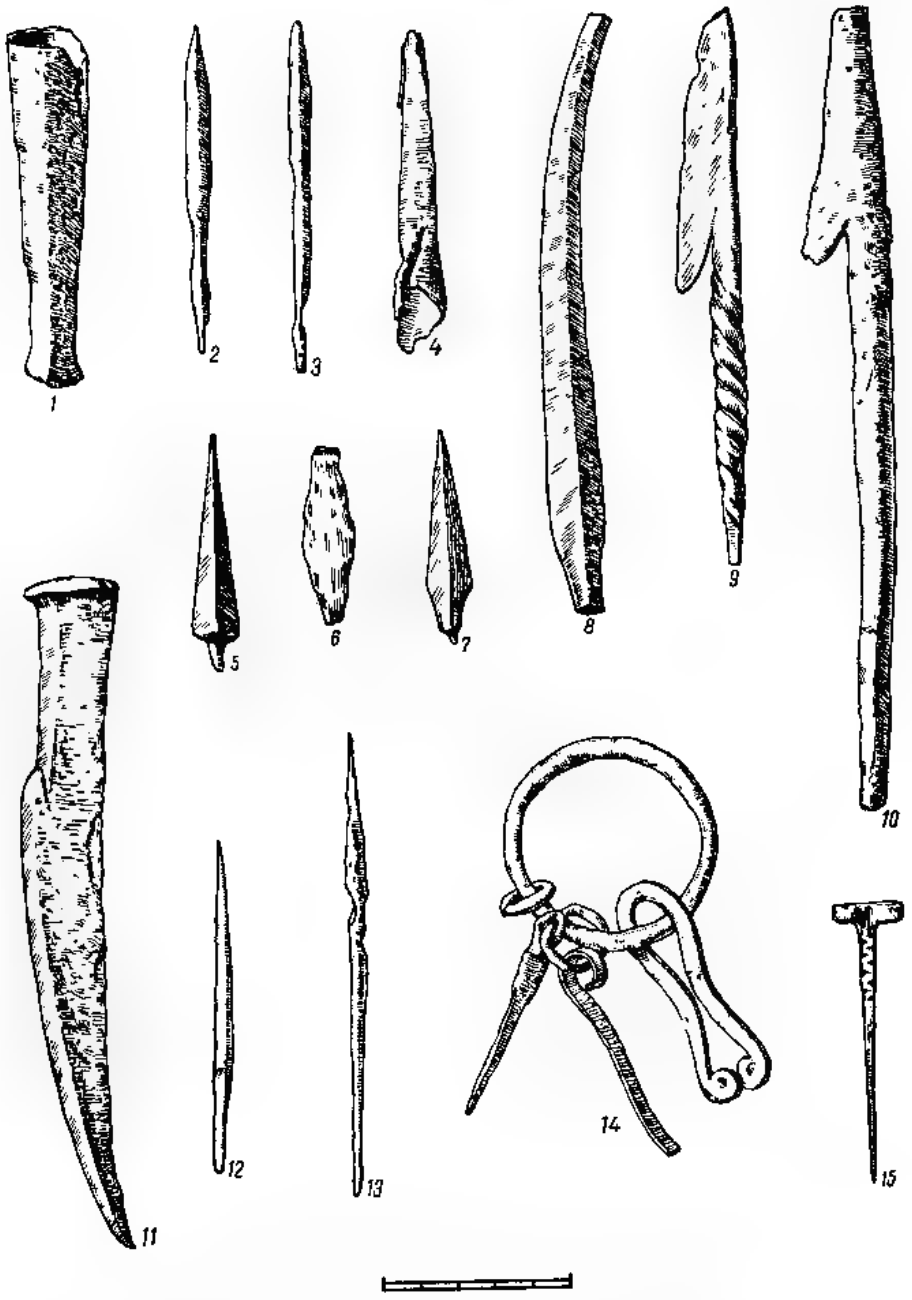

Рис. 47. Железные изделия XI—XIV вв. (раскоп 1956 г)

1 — вток; *2, 3, 12, 13* — шилья; *5* — наконечник шпоры; *6, 7* — наконечники стрел; *4, 8—10* — наконечники копий; *11* — долото; *14* — кольцо плетки; *15* — стиль, или писало

лезная пластинка от панциря с небольшими отверстиями по краям найдена в культурных наслоениях, относящихся по данным стратиграфии к XIV—XV вв.

Шпор найдено семь. Они обнаружены в слоях XI—XIV вв. Древней формой являются шпоры с шипом, сменившиеся позднее шпорами с репейкой и зубчатым колесом (рис. 48, *5, 6*; 50, *5, 6*). К предметам конского снаряжения относятся пряжки квадратной и прямоугольной формы, конские подковы (рис. 50, *4*), удила, кольцо с привесками от плетки, подобно тем, которые найдены в раскопках в Новгороде

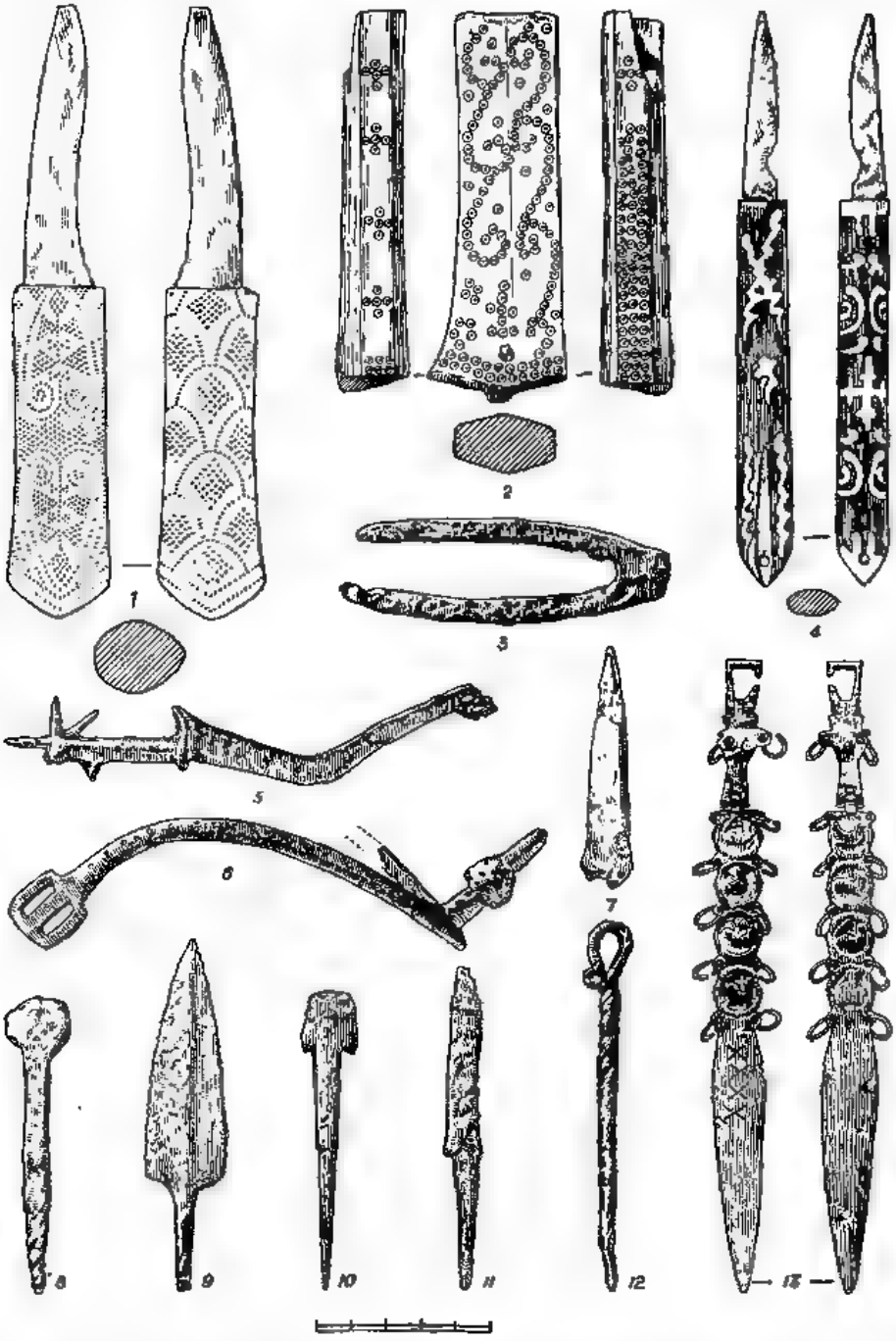

Рис. 48. Железные и костяные изделия XI—XV вв. (раскоп 1955 г.)

1, 4 — ножи с костяными рукоятями; *2* — костяная рукоять ножа; *3* — огниво; *5, 6* — шпоры; *7* — обломок ножниц; *8—10* — наконечники стрел; *11* — нож; *12* — булавка; *13* — бронзовый наконечник с эмалью.

(рис. 47, *14*) [37]. Из железных предметов весьма своеобразны крупные, слегка выпуклые пластинки округлых очертаний, возможно, являвшиеся деталями щита (умбон?). В центре на таких пластинках имеется небольшое прямоугольное отверстие.

Из инструментов следует отметить сверла (рис. 50, *7*; 46, *12*, *13*), напильники (рис.

[37] А. Ф. Медведов. Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, М., 1959, стр. 187, рис. 21, *3*.

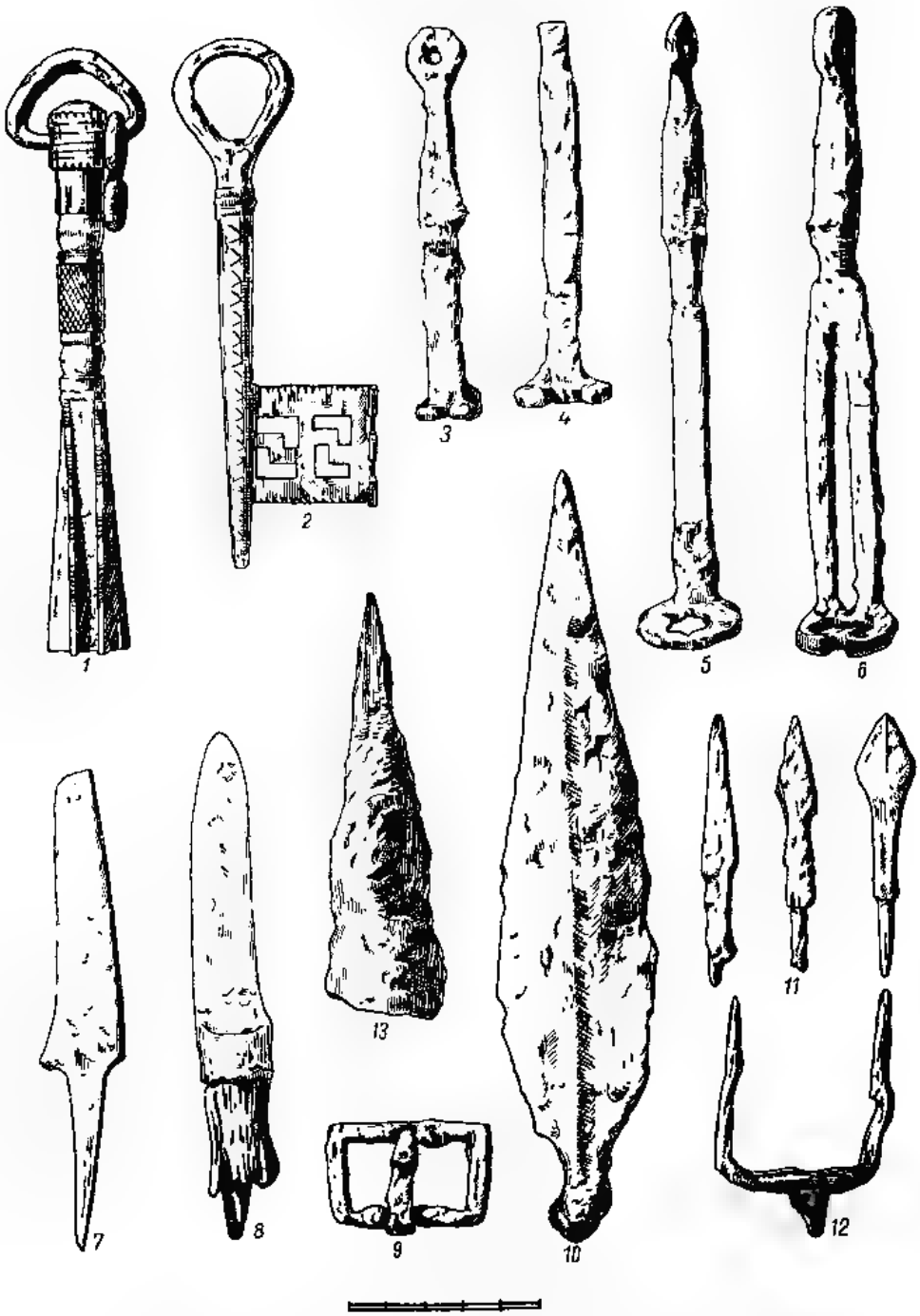

Рис. 49. Железные изделия XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.)

1—6 — ключи; *7, 8* — ножи; *9* — пряжка, *10, 13* — наконечники копий; *11* — наконечники стрел; *12* — древолазный шип.

46, *11*), клещи кричные (рис. 50, *8*), долота (рис. 47, *11*), пешня (рис. 50, *1*), шилья (рис. 47, *12*, *13*; 46, *14*, *15*), ложкарь (рис. 46, *3*). В слоях XI—XII вв. найдены так называемые древолазные шипы в количестве 15 штук (рис. 46, *7*; 49, *12*; 51, *19*). Из предметов хозяйственного назначения следует отметить ножницы пружинные и шарнирные (рис. 46, *5*; 51, *7*), железные дужки от ведер, дверные пробои с кольцами (рис. 51, *13*), огнива калачевидной формы, а также в виде пластинок прямоугольных

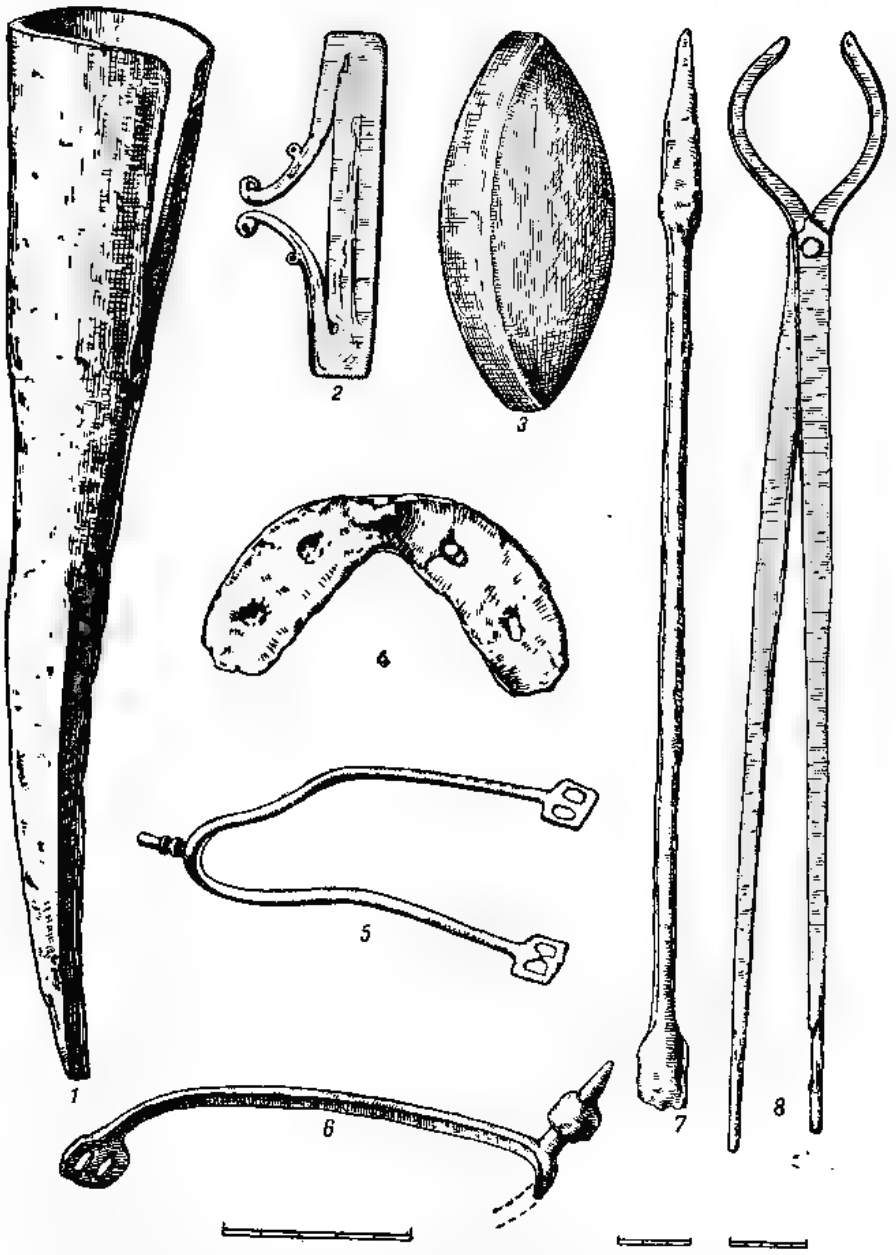

Рис. 50. Железные изделия XII XV вв (раскоп 1956 г)

1 — пешня; *2* огниво; *3* — блоковидное огниво; *4* — подкова; *5, 6* — шпоры; *7* — перовидное сверло; *8* кричные клещи.

очертаний с прорезью по середине (рис. 50 *2*; 48, *3*; 51, *9*), небольшой крюк с двумя ответвлениями (рис. 51, *5*), заклепки (рис. 51, *1*), кованые гвозди. Гвозди встречались во всех слоях. Их найдено за три года раскопок 324 штуки.

Особенно разнообразны железные ключи (рис. 49, *1—6*; 51, *4, 6, 8—12, 14, 16, 18*), цилиндрические замки с дужкой (рис. 51, *2, 3, 17, 20—21, 23*), при изготовлении которых проявлялась вся искусность мастера, нередко украшавшего их медными пластинками и проволокой, соединенными с железом специальной пайкой. Всего в трех раскопах собрано 25 штук ключей и 20 различных замков.

В большом количестве найдены здесь железные ножи, на части из которых

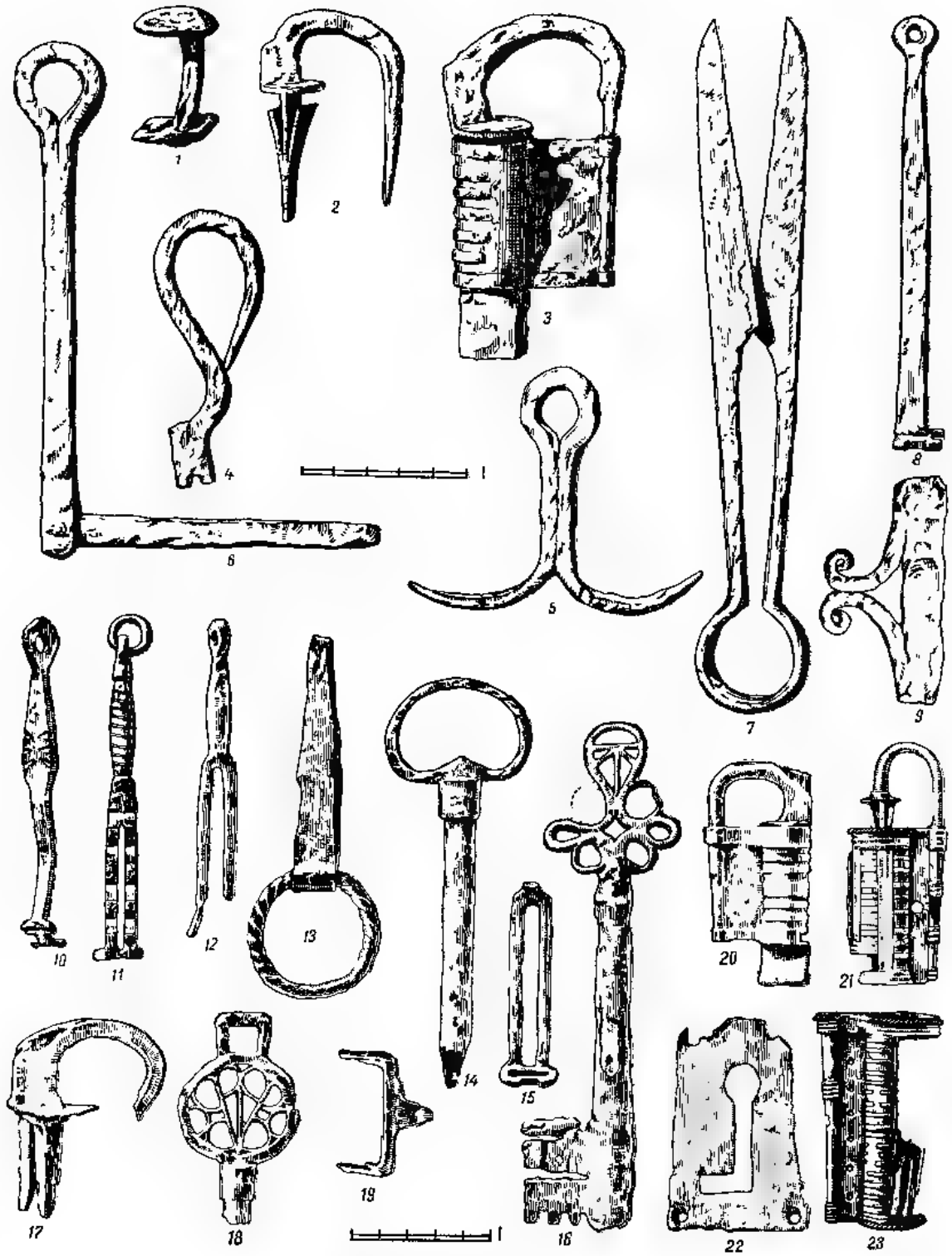

Рис. 51. Железные изделия XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.):

1 — болт-заклепка; *2, 3* — замки; *4, 6, 8* — ключи, *5* — крюк; *7* — ножницы, *9* — огниво.

Железные изделия XI—XV вв. (раскоп 1955 г.):

10—12, 14, 16, 18 — ключи; *13* — пробой; *19* — древолазный шип; *22* — замочная скважина; *17, 20, 21, 23* — замки.

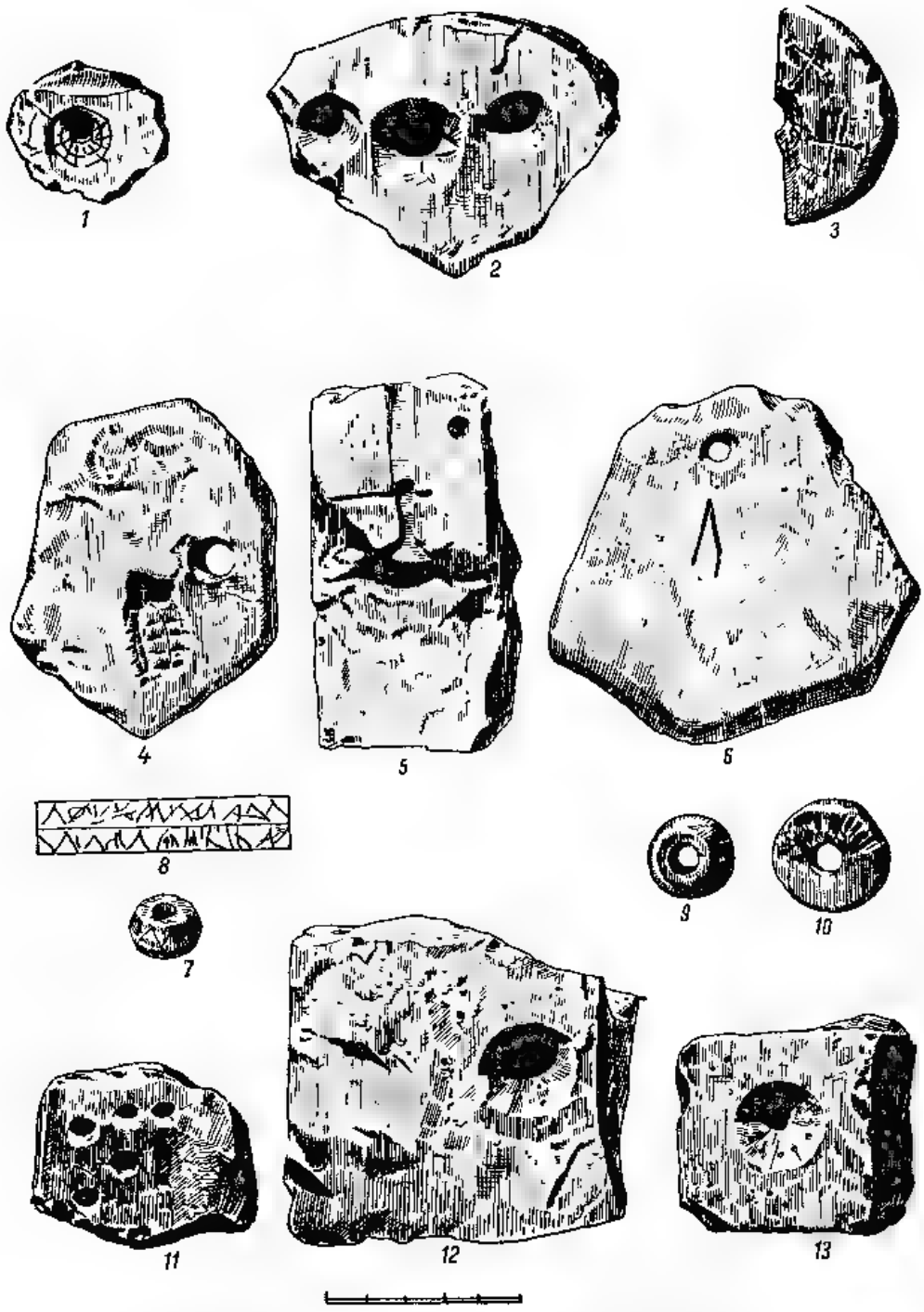

Рис. 52. Изделия из камня XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.):
1, 2, 4, 5, 11 13 — литейные формы; *3, 7, 8 10* — пряслa; *6* — грузило.

сохранились деревянные или костяные рукоятки, украшенные орнаментом Всего ножей найдено 120 штук, целыми и в обломках. Их лезвия в большинстве случаев сильно отточены.

Одна из костяных рукоятей ножа (рис. 48, *4*) имеет протравленный на коричневом фоне рисунок четырехконечного креста, с полукружиями и зигзагообразными перекрещивающимися линиями. Длина всего ножа 16,5 см, длина лезвия 5,4 см. На рукояти другого ножа орнамент состоит из мелких циркульных кружков (рис. 48, *2*). Наиболее оригинальным способом украше-

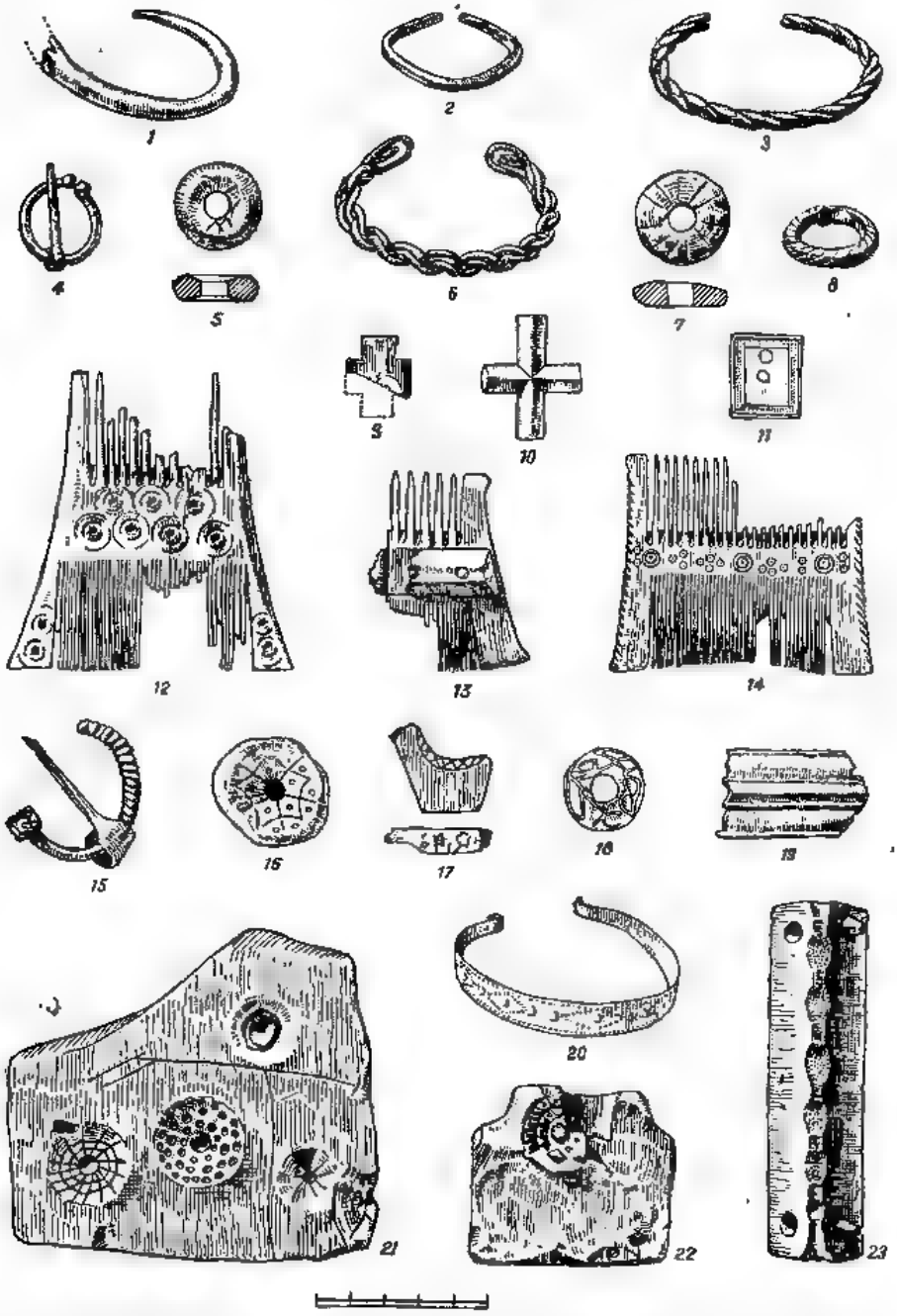

Рис. 53. Изделия из бронзы, кости, камня XI—XIII вв. (раскоп 1955 г.):

1—3, 6, 20 — браслеты; *4, 15* — застежки; *5, 7, 18* — пряслы; *8* — кольцо; *9* — янтарный крест; *10* — шиферный крест; *11, 19* — бляшки; *12—14* — гребни; *16, 17, 21—23* — литейные формы.

на костяная рукоять третьего ножа. На ее поверхности предварительно прорезаны легкие линии рисунка, покрывающие обе стороны, и в углублениях этих линий набиты короткие гвоздики без шляпок из тонкой бронзовой проволоки, своим плотным размещением несколько напоминающие причудливый узор зерни (рис. 48, *1*). Длина всего ножа 17,5 см, длина лезвия 7,9 см. Перечисленные ножи найдены в слоях XI—XII вв.

Ложно-зерневая техника особенно широко применялась псковскими мастерами при отливке разного рода мелких бронзовых украшений. Формы для литья изготовлялись чаще всего из бесформенных кусков

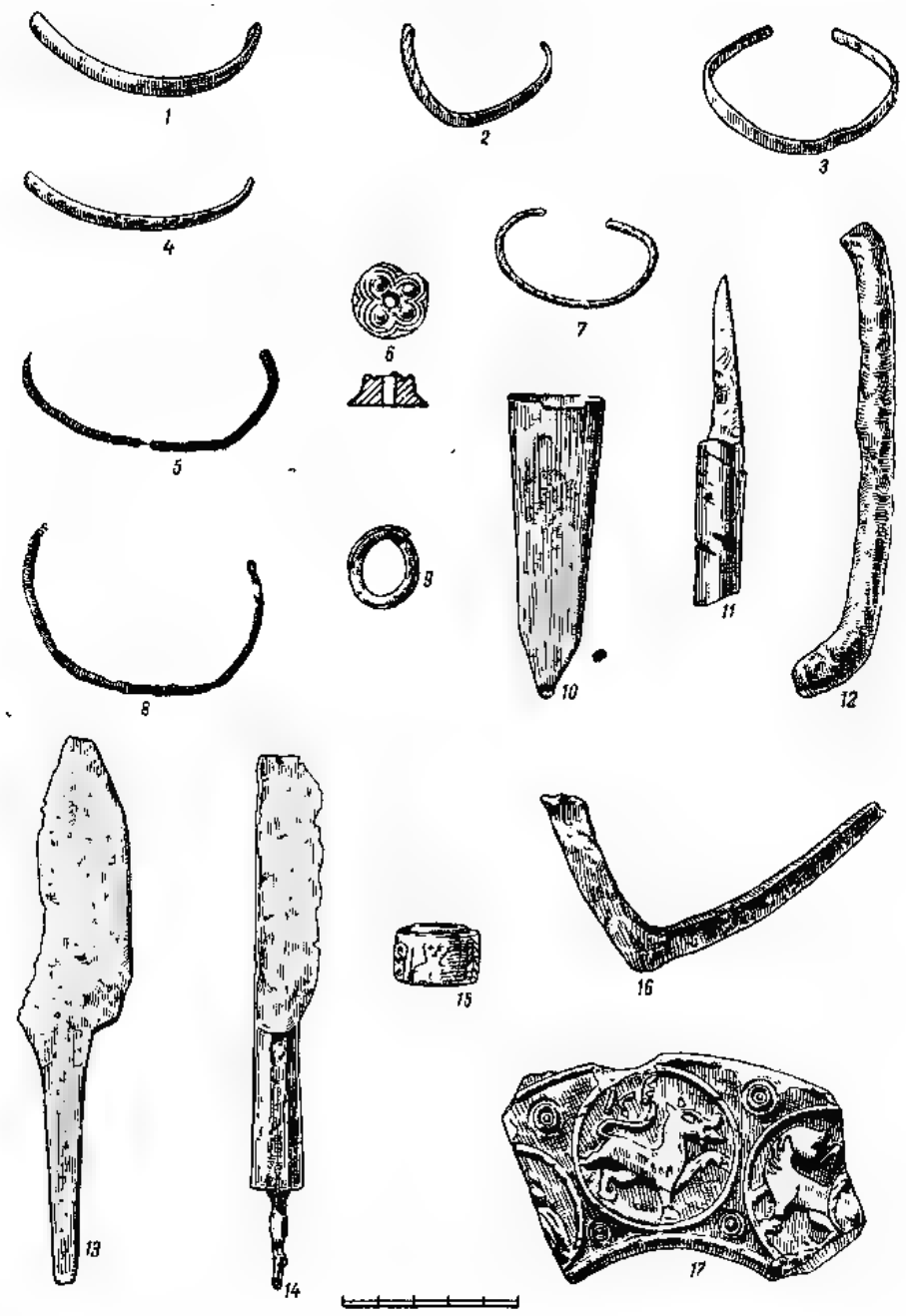

Рис. 54 Изделия из бронзы, железа, камня, глины XI—XV вв. (раскоп 1955 г.)

1, 5, 7, 8 — браслеты; *6* — бляшка; *9* — кольцо; *10* — наконечник ножен, *11* — нож с деревянной рукоятью, *12* — огниво; *13, 14* — ножи; *15* — пряслс с изображением человека, *16* — оковка; *17* — зеленая поливная плитка.

известняка. Формы могли употребляться для массовой отливки бус, бляшек и иногда крестиков (рис. 52, *1, 2, 4, 5, 11—13*; 53, *16, 17*). На некоторых из них сохранились углубления и штифты для скрепления отдельных частей разъемных двусторонних, а в одном случае четвертинки четырехчастной формы, служившей для отливки ложно-зерневого пятибусенного височного кольца. Последняя литейная форма найдена в постройке XII в. (рис. 53, *23*). Частые находки форм в культурных слоях древнего города свидетельствуют о массовом изготовлении подобного рода украше-

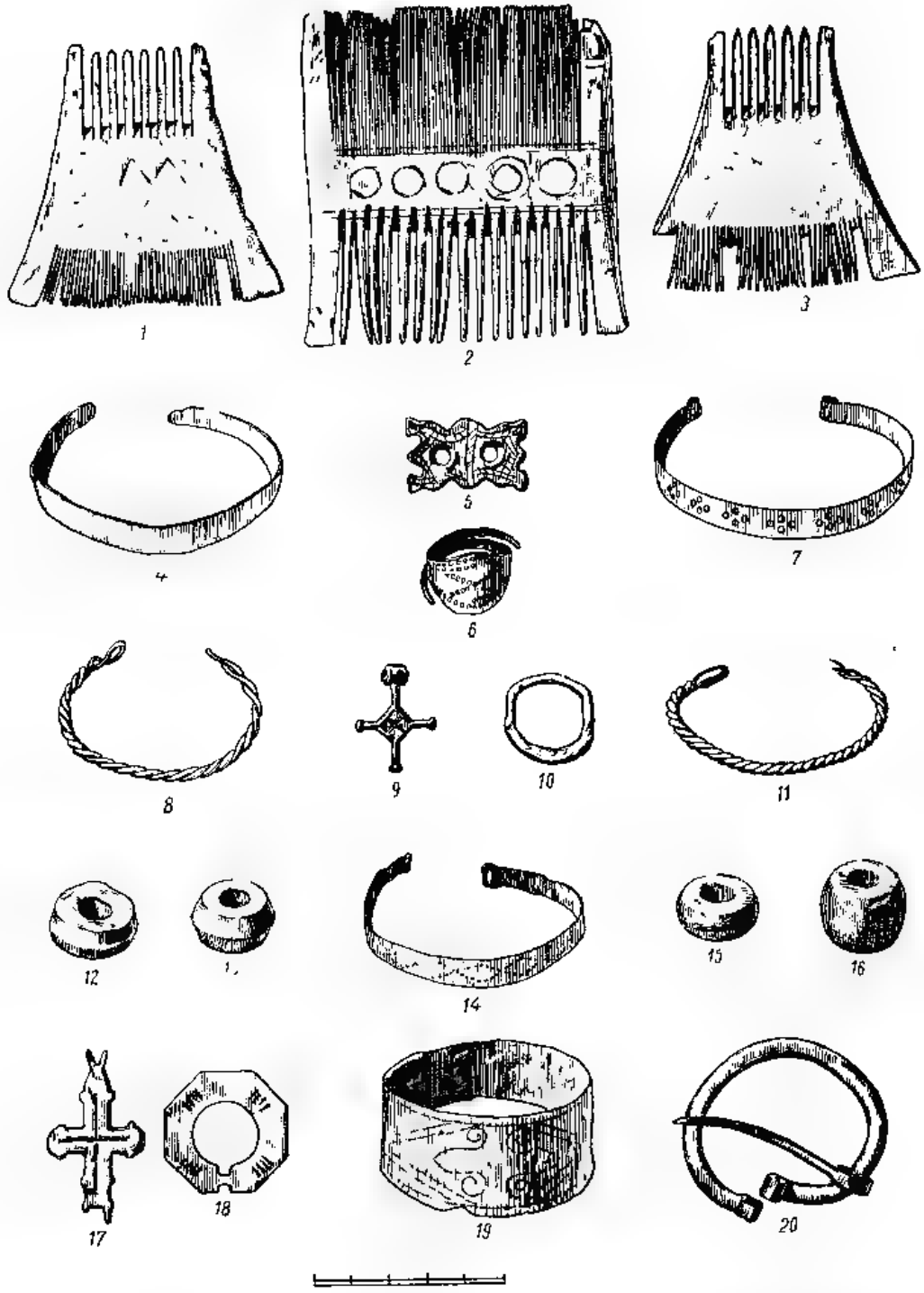

Рис. 55. Изделия из бронзы, кости, камня XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.):

1—3 гребни; *4, 7, 8, 11, 14, 19* — браслеты; *5* — фигурная пластинка из кости; *6* — перстень; *9* — крестик, *10* — кольцо; *12, 13, 15, 16* — шиферные пряслица; *17* — крест-складень; *18, 20* — застежки.

ний. На некоторых каменных формах можно наблюдать процарапанные рисунки и знаки, иногда напоминающие отдельные буквы.

Наиболее распространенными женскими украшениями являлись бронзовые, и реже серебряные, браслеты из витой проволоки с петлями на концах или с обрубленными концами. Найдены также плоские браслеты, украшенные чеканным узором из кружков и ромбов (рис. 53, *1—3, 6, 20*; 54, *1—5*; 55, *4, 7, 8, 11, 14, 19*). Всего в трех раскопах собрано 29 браслетов.

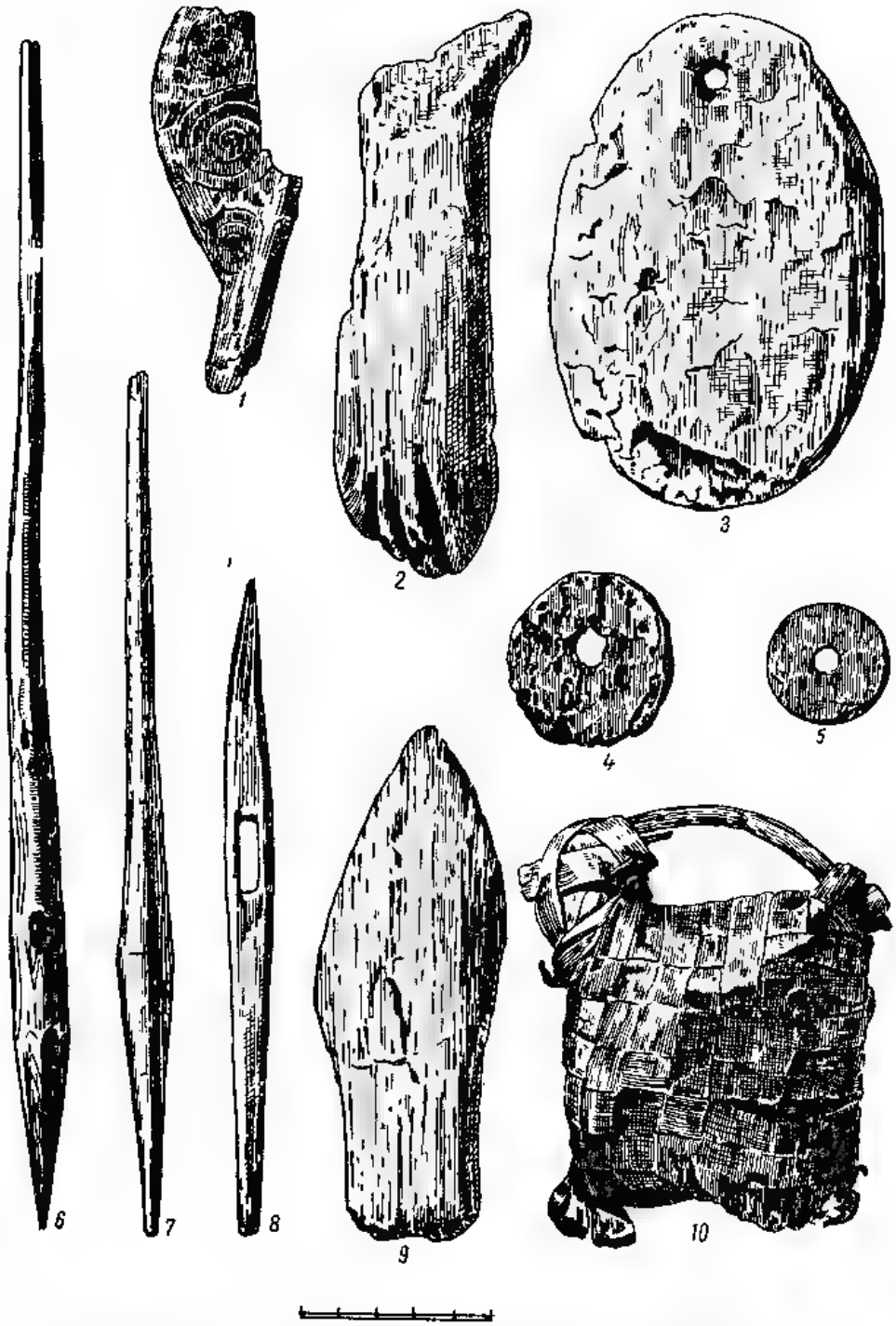

Рис. 56. Изделия из дерева, коры, бересты XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.):
1 ложка; *2* — ручка ковша; *3—5* — поплавки; *6—7* — веретена, *8* — челнок; *9* — сапожная колодка; *10* - грузило (камень с деревянной дужкой, оплетен берестой

К категории украшений относятся бронзовые застежки с подвижной иглой и завитыми в трубочку концами (рис. 53, *4*; 55, *20*), одна из них (рис. 53, *15*) имеет на конце гранчатую головку и перевитой дрот в средней части, другая же — сделана из фигурной пластинки с шестью гранями по внешнему краю (рис. 55, *18*); игла утрачена. В слоях XI—XIII вв. найдены трапециевидные привески, бубенчик, равноконечный крестик с ушком для подвешивания, крест-складень (рис. 55, *9*, *17*), бронзовые

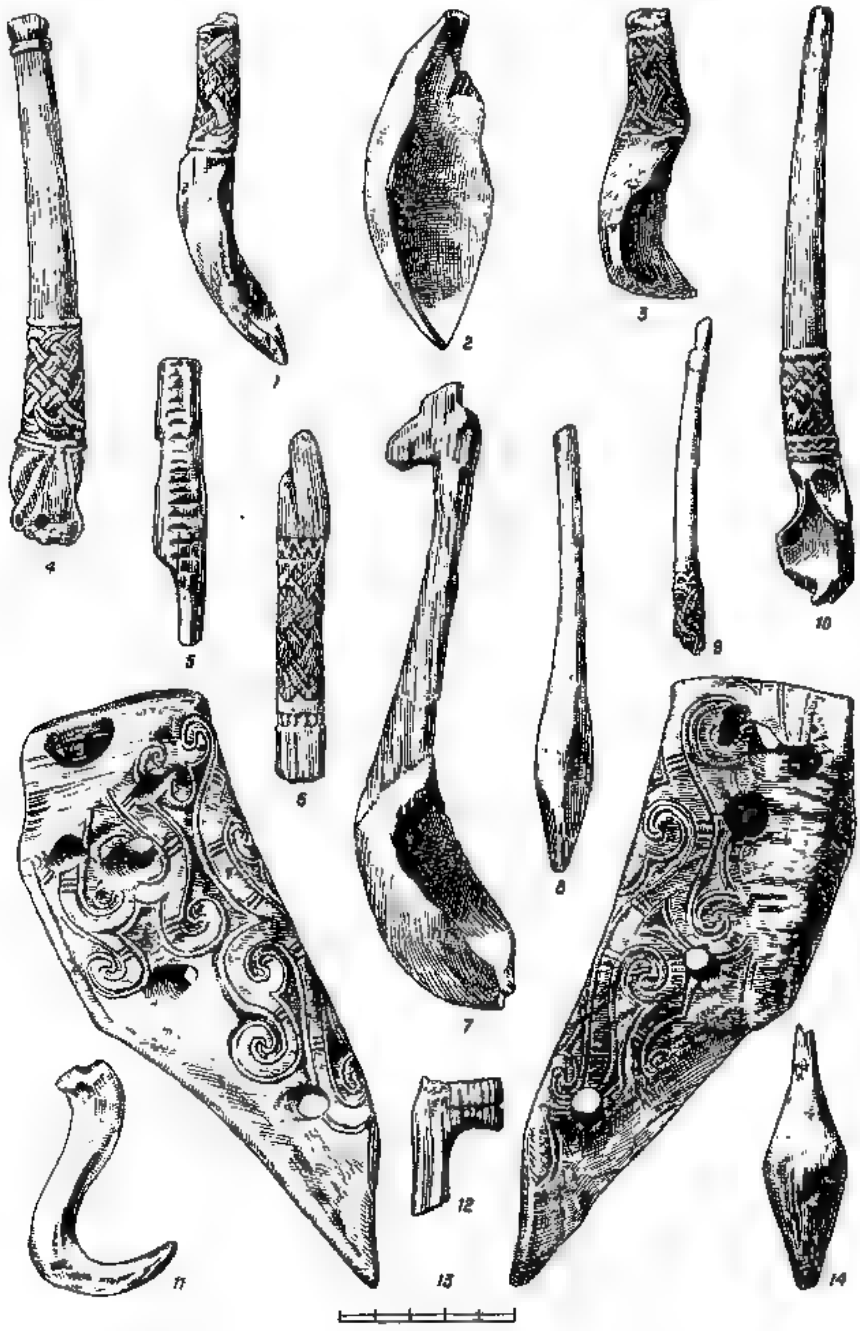

Рис. 57. Изделия из дерева XI—XII вв. (раскоп 1955 г.)

1—4, 6, 7, 9, 10 — ложки и черенки; *5* — счетная бирка; *8* — деревянная поделка; *11* — крюк; *12* — плоская фигурка коня; *13* — часть луки седла; *14* — обломок веретена.

кольца из гладкой проволоки, перстень с расширенным передним щитком и заходящими концами. Щиток орнаментирован (рис. 55, *6*, *10*). Бляшки ременного пояса представлены пластинками прямоугольной и круглой формы (рис. 53, *11*; 54, *6*).

В развале печи одной из жилых построек XIII в. обнаружен крупный тигелек, использовавшийся для плавки бронзы. Он выделяется из общеизвестных типов своим размером, достигающим в высоту 11,5 см, наибольший диаметр 9 см. Кроме

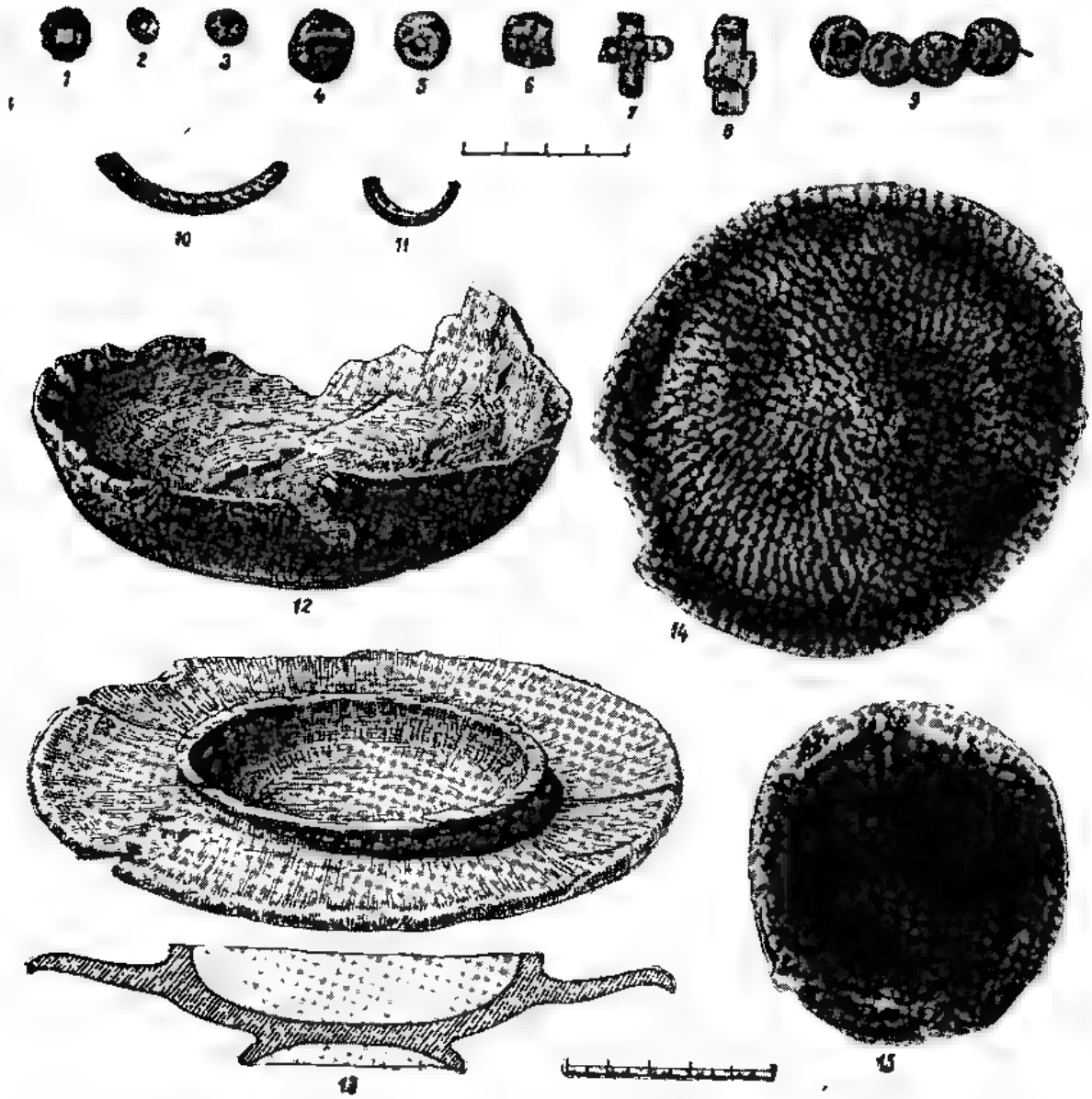

Рис. 58. Изделия из стекла, пасты, кости, янтаря, перламутра, дерева, бересты (раскопки 1954 г.):
1—6, 9 — бусы; *7, 8* — крестики; *10* — стеклянный браслет; *11* — стеклянное кольцо; *12, 13* — чаша и миска, *14* — крышка, плетенная из корней; *15* — берестяной поддон.

тигельков, в слое встречались в обломках льячки.

Весьма многочисленны и разнообразны по назначению предметы из дерева, ярко характеризующие хозяйственную сторону жизни городского населения. Среди них мы встретили остатки деталей саней (копылы), клепки и днища кадушек, ушатов и бочек, колотушки, детали граблей, вальки (пральники), весла, лопаты, мешалки, обломки деревянных ножей с зубчатым краем, служившим для обработки волокна льна, веретена (рис. 56, *6, 7*), части прялки, мутовки разной величины, небольшой лук с деревянными стрелами, детские игрушки (волчки, шары), счетные бирки (рис. 57, *5*), чаши и ковши-скобкари (рис. 58, *12, 13*; 56, *2*), обломки деревянных ложек (рис. 57, *1—4, 6, 7, 9, 10*; 56, *1*), деревянные крюки разных размеров (рис. 57, *11*), маленькие лопаточки, сапожные колодки (рис. 56, *9*), корыта, крышка, плетенная из кореньев (рис. 58, *14*), лодочные весла, шпангоут и другие предметы.

Наряду с чашами, выточенными на токарном станке, мастера деревянных изделий с помощью ножа и ложкаря достигали большого совершенства при вырезании простых ложек, украшая их тонкой резной плетенкой (рис. 57, *1, 3, 4, 6, 7, 9, 10*; 56, *1*). Резьба по дереву, вероятно, применялась и на других предметах, как, например, можно видеть на обломке луки седла (рис. 57, *13*), представляющей массивный слегка изогнутый трехгранный в сечении деревянный брус с отверстиями, в которых сохранились остатки тонких ремешков. На обломке ковша или, может быть, чаши по краю с внешней стороны сохранились следы орнамента, нанесенного разными цветами минеральной краски. По мере высыхания рисунок на этом предмете пропал.

Изделия из бересты представлены главным образом донцами туесов различного диаметра (рис. 58, *15*). Часто встречались берестяные поплавки. Берестой тщательно оплетались рыболовные грузила (рис. 56, *10*). Из толстой сосновой коры изготовлялись поплавки для рыболовных сетей. Они имеют различную форму и размеры (рис. 56, *3—5*). Нередко на каменных грузилах с отверстиями имеются процарапанные знаки, являющиеся, вероятно, знаками собственности. Для вязания сетей использовались деревянные челночки и иглы (рис. 56, *8*). На настиле скотного двора XII в. найден раздавленный рыболовный снаряд-кувшин, сплетенный из прутьев. Видимо, псковичи часто употребляли рыбу в пищу, что подтверждается также изобильными прослойками чешуи и многочисленными рыбьими костями, встречавшимися в толще культурных отложений. При земляных работах на Советской площади была найдена двухзубая железная острога XII в

Костерезные изделия представлены обычными предметами, имевшими широкое употребление у городского населения Древней Руси Среди них наиболее распространенными являлись двухсторонние гребни стандартного типа, бытовавшего в XI—XIII вв. Наряду с гладкими гребнями встречаются украшенные мелкими «циркульными кружками», а на одном из них по боковым краям нанесены нарезки (рис. 53, *14*; 55, *1—3*). В Пскове найдены, подобно новгородским находкам, гребни, сделанные из самшита (рис. 55, *2*)

Весьма часто находятся костяные коньки с тщательно отшлифованной нижней поверхностью и срезанными концами. На некоторых из них имеются на концах отверстия для прикрепления.

Среди псковских ремесленников важную роль играли кожевники и сапожники, о чем свидетельствуют те многочисленные находки обрезков кожи и изношенной обуви, которые экспедицией собраны во время раскопок. Сложность процесса обработки кожи требовала специальных ремесленных навыков, а обилие ее в древних слоях города явно указывает на громадный спрос.

Основная масса изделий из кожи представлена образцами рабочей обуви типа поршней или туфель, а также сапогами с высоким голенищем. Простейшая обувь кроилась из одного куска кожи и путем стягивания и сшивания его на месте носка и пятки придавалась необходимая форма низкого поршня. Более усложненными образцами являлись туфли с мягкой подошвой, вырезавшейся с учетом правой и левой ноги. В некоторых случаях подошва выкраивалась с таким расчетом, чтобы один ее острый конец загибался на пятке и вшивался в задник туфли. Верхний край туфли снабжался отворотом, под которым прорезались мелкие отверстия для продевания сыромятного ремешка, завязывавшегося спереди.

Наряду с обувью для взрослых неоднократно встречалась и детская обувь Судя по размерам, обладателями такой обуви были дети от 1,5—2-летнего возраста. В одном случае нами найдены два детских сапожка с высокими голенищами и с продетыми через прорези ремешками для завязывания спереди. Обувь обычно как детская, так и для взрослых, расшивалась шерстяными нитками. Рисунок вышивки весьма разнообразен[38].

В большинстве случаев кожа встречается лишь в обрывках и мелких обрезках, но вместе с тем, детали дают достаточно яркое представление о подлинных образцах обуви XI XIII вв. Аналогиями псковской обуви могут служить образцы кожаных изделий, найденные в Новгороде, Ладоге, Гродно и других городах. Кроме обуви, в наших

[38] Изделиям из кожи, найденным в Пскове, посвящена статья Е И. Оятевой, напечатанная в настоящем сборнике

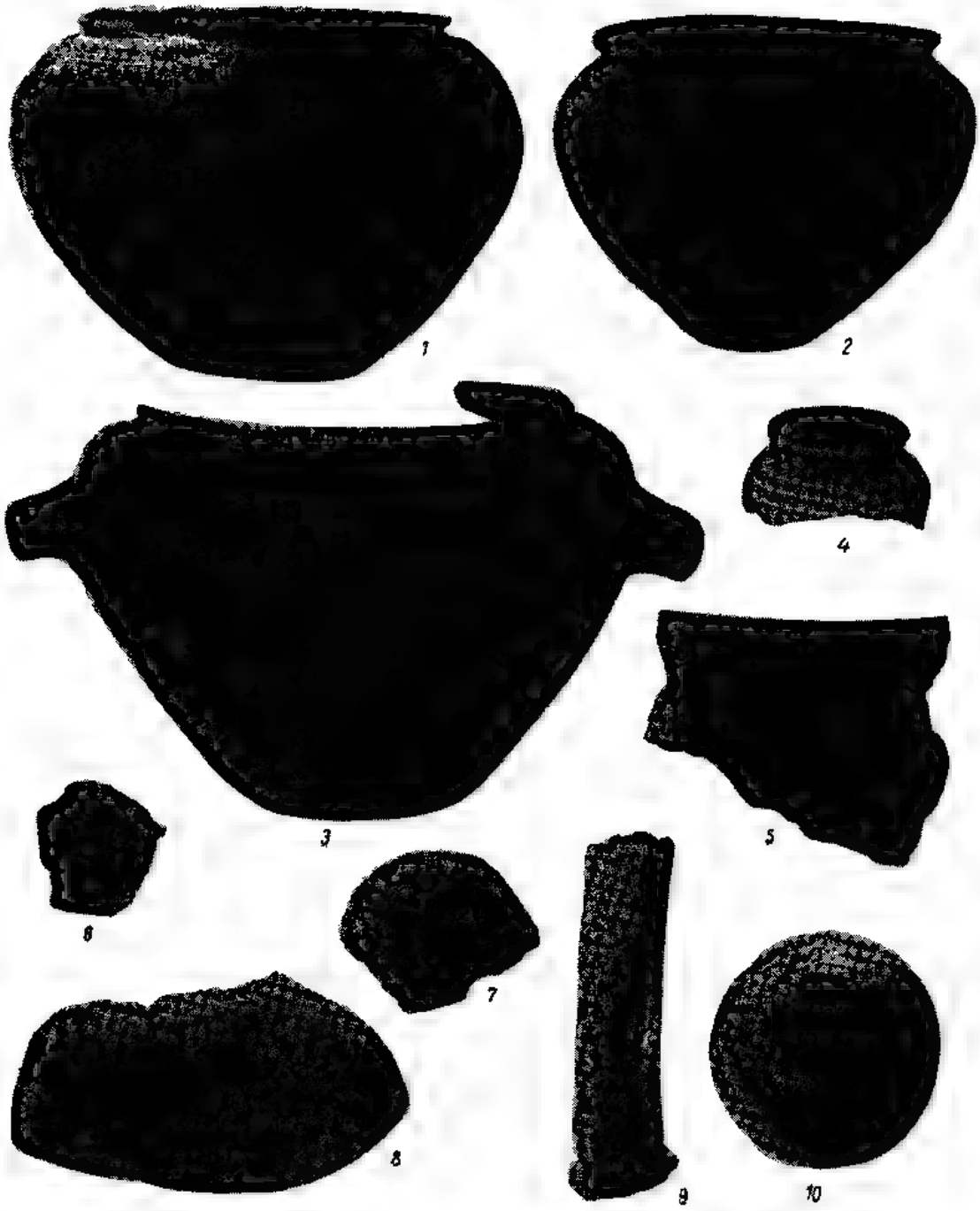

Рис. 59 Глиняная посуда XI—XIV вв. (раскопы 1954—1956 гг.):

1 горшок из колодца XII в., *2* горшок XI в; *3* горшок из колодца XIII—XIV вв; *4* — верхняя часть горшка XI в.; *5* — обломок горшка, *6, 7* днища с клеймом XI—XII вв.; *8, 9* — обломки амфор XI—XII вв; *10* — чашечка с клеймом XI в.

раскопках встречались кожаные чехлы для ножей, мешочки, кошельки, мячи и другие предметы.

Изделия из стекла немногочисленны. Стеклянные браслеты за три года раскопок найдены лишь в 6 обломках (рис. 58, *10*). Очевидно, их производства на месте не было, и поэтому широкого употребления среди псковичей они не имели. Найдены в 4 экземплярах обломки стеклянных колец (рис. 58, *11*) и бусы (рис. 58, *1—4, 9*), среди которых имеются позолоченные боченковидной формы, темно-синие, желтые лимонки, иногда двухчастные и темные бусы

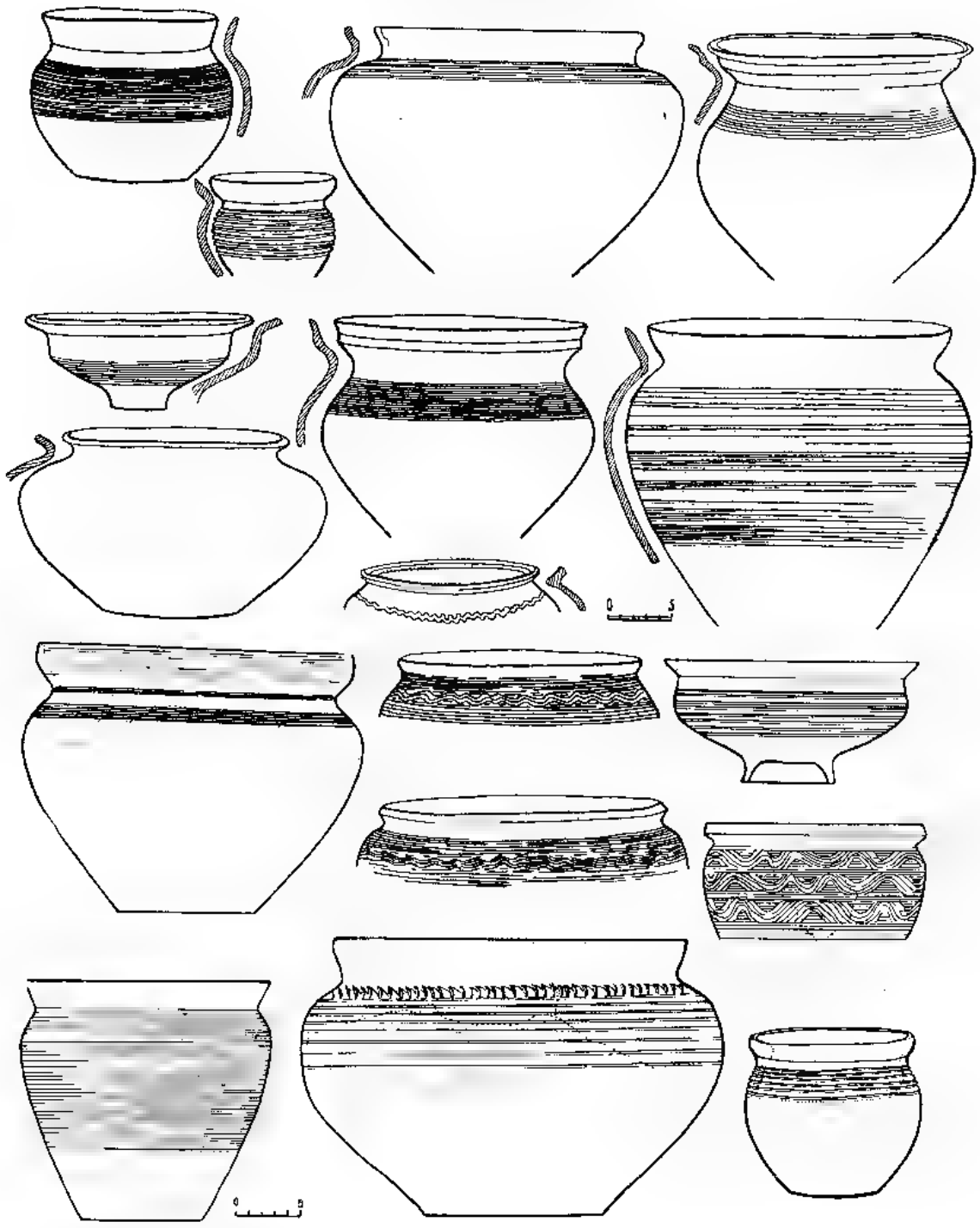

Рис. 60. Формы глиняной посуды XI–XIV вв. (реконструкция по обломкам, найденным в раскопе 1955 г.)

с белыми и желтыми разводами (рис. 58, *9*) Кроме изделий из стекла, найдены также бусы и крестики из янтаря (рис. 53, *9*, 58, *8*) и шифера (рис. 53, *10*).

Наиболее частыми находками являются пряслица из розового шифера (рис. 52, *7*, *9*, *10*; 53, *5*, *7*). Их найдено 150 штук. Наличие их в слоях XI–XIII вв. свидетельствует

о связях Пскова с южнорусскими городами. На ряде пряслиц имеются процарапанные линии (рис. 52, *7, 8*), иногда образующие орнаментальные пояски, напоминающие по своему облику буквенные знаки, но, к сожалению, не поддающиеся прочтению. На одном из пряслиц процарапано изображение головы человека (рис. 54, *15*), на другом, кроме разделительных плюсовых знаков можно опознать буквы, расположенные в два столбца по граням пряслица, из которых составлено слово «сеевате»[39].

К числу привозных предметов относятся амфоры, попадавшиеся в обломках в культурных отложениях XI—XII вв. Посуда этого типа по технике обработки и по составу глины резко отличается от керамики, изготовлявшейся местными гончарами. Амфоры по всему тулову украшались частым горизонтальным рифлением, а на некоторых обломках имеются желобки (рис. 59, *8, 9*).

Местная керамика представлена в основной массе широкогорлыми горшками с выпуклыми стенками, плавно сужающимися в диаметре у дна. Размеры горшков различны (рис. 59, 60).

Глиняная посуда по форме однообразна, изменения происходили лишь за счет моделирования верхнего края и в способе нанесения орнамента: горшки XIII в. украшались бороздками лишь в верхней части, преимущественно на плечиках, а более древняя керамика покрывалась бороздками по всему тулову от плечиков почти до дна и наряду с ними значительно чаще применялся волнистый орнамент (рис. 59, 60).

Кроме горшков, псковские гончары изготовляли низкие миски, небольшие блюдечки, крышки и глиняные черпаки. На днищах горшков в ряде случаев имеются ремесленные клейма (рис. 59, *6, 7, 10*).

В слоях XI—XII вв. найдены обрывки войлока, шерстяной и холщовой ткани, а также обрывки веревочной сетки и рукавиц.

Любопытной находкой является плита с процарапанными изображениями трех вписанных друг в друга квадратов, стороны которых посредине прочерчены короткими поперечными линиями. Плита плоская, гладко отесанная, толщиной 6,5 см имеет трапециевидную форму размером 16 × 24 см. Стороны процарапанного большого квадрата равны 14,0—15,5 см, среднего квадрата — 9,2—10,4 см и меньшего — 5,2—6,9 см. Плита найдена в жилой постройке XII в.

Подобного рода изображения известны на могильных плитах в Изборске на Труворовом городище, на тверском камне, найденном близ села Кузнецова[40] и на одной из длинных досок, найденной в Старой Ладоге. Назначение таких изображений остается загадочным, за исключением одной значительной группы, расшифрованной Б. А. Рыбаковым[41], но плита, найденная в Пскове, возможно, могла служить для детской игры.

Среди находок, собранных из средневековых слоев Пскова, имеются единичные предметы, относящиеся к эпохе камня — шлифованные топоры, наконечник кремневого дротика, а также каменные блоковидные огнива V—VI вв. (рис. 50, *3*). Попадание их в культурные слои средневекового города, несомненно, чисто случайное, так как псковичи их принесли с более древних поселений, находящихся где-то поблизости от древнего города.

Такова краткая характеристика находок из раскопок в Старом Застенье в 1954—1955 гг. Состав их не представляет ничего необычного. Подобного рода предметы уже достаточно хорошо известны из раскопок многих древнерусских городов: Новгорода, Ладоги, Белозерска, Белой Вежи, Чернигова и других, и на этом основании может быть определено время бытования найденных предметов в Пскове. Правильное чередование культурных слоев и сохранившиеся основания деревянных сооружений позволили экспедиции впервые характеризовать материальную культуру и облик ремесленного города XI—XIV вв. Археологические исследования древнего Пскова продолжаются.

---

[39] Надпись впервые прочтена В. Н. Даниленко, которому я и выражаю свою благодарность.

[40] А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. Записки отделения Русской и Славянской археологии, т. V, в. 1, 1903, стр. 229, рис. 378 и 381.

[41] Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, № 1, стр. 83

Е. И. ОЯТЕВА

ОБУВЬ И ДРУГИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНЕГО ПСКОВА

Коллекция древних изделий из кожи собрана в результате пятилетних работ Псковской археологической экспедиции в районе Старого Застенья и насчитывает около тысячи трехсот единиц[1].

Наибольшее количество изделий из кожи происходят из культурных напластований раскопа 1954 г. на строительной площадке Дома связи и раскопов 1955, 1958, 1959 гг. у здания старой почты на Советской улице. По характеру находок выделяется раскоп 1954 г., где, кроме остатков изделий, прослежены большие скопления обрезков кожи — отходов от раскроя. На этом же раскопе открыта постройка XII — XIII вв., в которой обнаружены обрезки кожи, изношенная обувь и другие изделия, а также деревянные сапожные колодки и доска для раскроя на ней обуви. Дом этот принадлежал сапожнику и служил одновременно жильем и мастерской[2].

Остатки древних кожаных изделий из раскопов 1954, 1955, 1958, 1959 гг. составляют, если не считать керамику, примерно третью часть всех находок. В раскопе же 1956 г. (у моста Советской Армии) их собрано мало, причем почти полностью отсутствуют отходы от раскроя (*таблица № 1*).

ТАБЛИЦА № 1

№№ пп.	Наименование изделий	Количество находок по годам					Всего
		1954	1955	1956	1958	1959	
1	Поршни	9	16	6	9	4	44
2	Туфли	38	78	24	49	22	211
3	Сапоги	2	4	1	—	—	7
4	Головки	30	27	5	42	10	114
5	Задники	17	23	7	38	9	94
6	Голенища	9	8	—	10	8	35
7	Подошвы	75	80	35	107	29	326
8	Заплаты	4	10	4	15	—	33
9	Разные изделия	25	24	4	23	14	90
10	Отходы от раскроя и неизвестные изделия	105	69	41	79	11	305
	Итого	314	339	127	372	107	1259

Все остатки кожаных изделий и отходов кожевенного производства найдены в культурных напластованиях, верхние слои которых (XVII—XV вв.; глубины от 0 до 1,5—2 м), как правило, нарушены не только древними, но и современными перекопами, связанными со строительными работами или с работами по благоустройству города. Поэтому точная датировка отдельных находок из верхних горизонтов по стратиграфическим данным представляет значительные затруднения; в каждом случае она требует учета всех условий залегания вещи, а также привлечения сравнительного материала.

---

[1] Хранятся в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Несколько вещей находятся в экспозиции Историко-художественного музея в Пскове и один предмет передан в Военно-медицинский музей г. Ленинграда.

[2] Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова в 1954 г. СГЭ, VIII, Л., 1955, стр. 48.

Хронологическая последовательность нижних слоев (XIV—XI вв.; глубины от 1,5—2 м до 4—6 м), только изредка нарушенных мусорными или строительными ямами и колодцами, контролируется остатками деревянных сооружений и хорошо расчленяется на последовательные строительные горизонты. Датировка отдельных находок из этих слоев, благодаря четкой их стратиграфии и наличию в них большого количества хорошо датированных вещей (керамика, шиферные прясла, стеклянные браслеты, свинцовые печати, бусы и др.), определяется вполне точно. В большинстве случаев для определения возраста той или иной вещи из нижнего слоя достаточно знать лишь глубину ее залегания.

Степень сохранности кожаных изделий и вещей из других легко разрушающихся материалов в большинстве случаев также находится в прямой зависимости от глубины залегания. В верхних слоях нет того постоянного режима температуры и повышенной влажности, которые характерны для нижних горизонтов. Но даже в нижних слоях, где сохраняются постоянная температура и повышенная влажность, благоприятствующие консервации органических материалов, сохранность кожи неодинакова: в строительной щепе и навозе, например, кожа сохраняется лучше. Определенное влияние на степень сохранности оказывает также качество обработки кожи.

Большинство кожаных изделий после того как они вынуты из культурного слоя теряют свою эластичность и становятся ломкими[3].

Большие коллекции древних кожаных изделий, помимо Пскова, собраны при раскопках Гродно, Старой Ладоги, Белоозера, Новгорода, Москвы и других городов. Научная обработка этого материала еще не закончена. Наиболее полно изучена Новгородская коллекция[4].

Публикация древних псковских кожаных изделий преследует цель ввести в научный обиход новые ценные материалы, связанные с проблемой развития одной из отраслей древнерусского городского ремесла и освещающие ряд бытовых черт жизни древнерусского города.

Сырьем для изготовления изделий из кожи в Пскове XI—XIV вв. служила дубленая кожа, полученная из коровьих и козьих шкур[5]. Характер обработки шкур в Пскове, по мнению профессора Ю. П. Зыбина, ничем не отличался от обработки их в Новгороде и Москве.

Самую многочисленную часть коллекции (1169 единиц) составляет кожаная обувь; менее значительную (90 единиц), но более разнообразную — другие изделия из кожи.

ОБУВЬ

Основную часть Псковской коллекции кожаной обуви составляют вещи из нижних горизонтов. Богатство и разнообразие состава этой части коллекции позволяет проследить изменения в приемах кроя и пошива, а также ассортимент типов и видов кожаной обуви Пскова XI—XIV вв. Тогда как незначительное количество находок из верхних горизонтов, их случайность и невозможность точной датировки, не позволяют составить четкое представление об изменениях кроя и пошива обуви в XV—XVII вв.

В Псковской коллекции имеются три типа обуви: поршни, туфли и сапоги.

Поршни. Для Пскова XI—XIII вв. характерен так называемый «резной» вид поршней (рис. 1, *1*)[6]. Такие поршни изготовлялись из цельного куска дубленой кожи в один слой. Заготовка вырезалась в форме неправильного шестиугольника (рис. 1, *3*).

[3] В целях первичной консервации кожаные изделия после тщательной промывки их в теплой воде обильно пропитывались химически чистым касторовым маслом (oleum ricini). В результате такой обработки они в течение долгого времени сохраняют эластичность.

[4] Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947; С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. МИА, № 65, М., 1959.

[5] Массовое определение сделано преподавателем Института легкой промышленности в Киеве В. П. Свариком.

[6] П-173, 559, 662, 910, 929, 930, 973, 993, 1311; ПС-398, 549, 588, 661, 831, 852, 906, 1009, 1143, 1144, 1151, 1409; ПСК-177, 309, 322, 363, 743; ПК-608, 658, 908, 976, 994, 1047, 1112, 1160, ПВ-366, 589, 598.

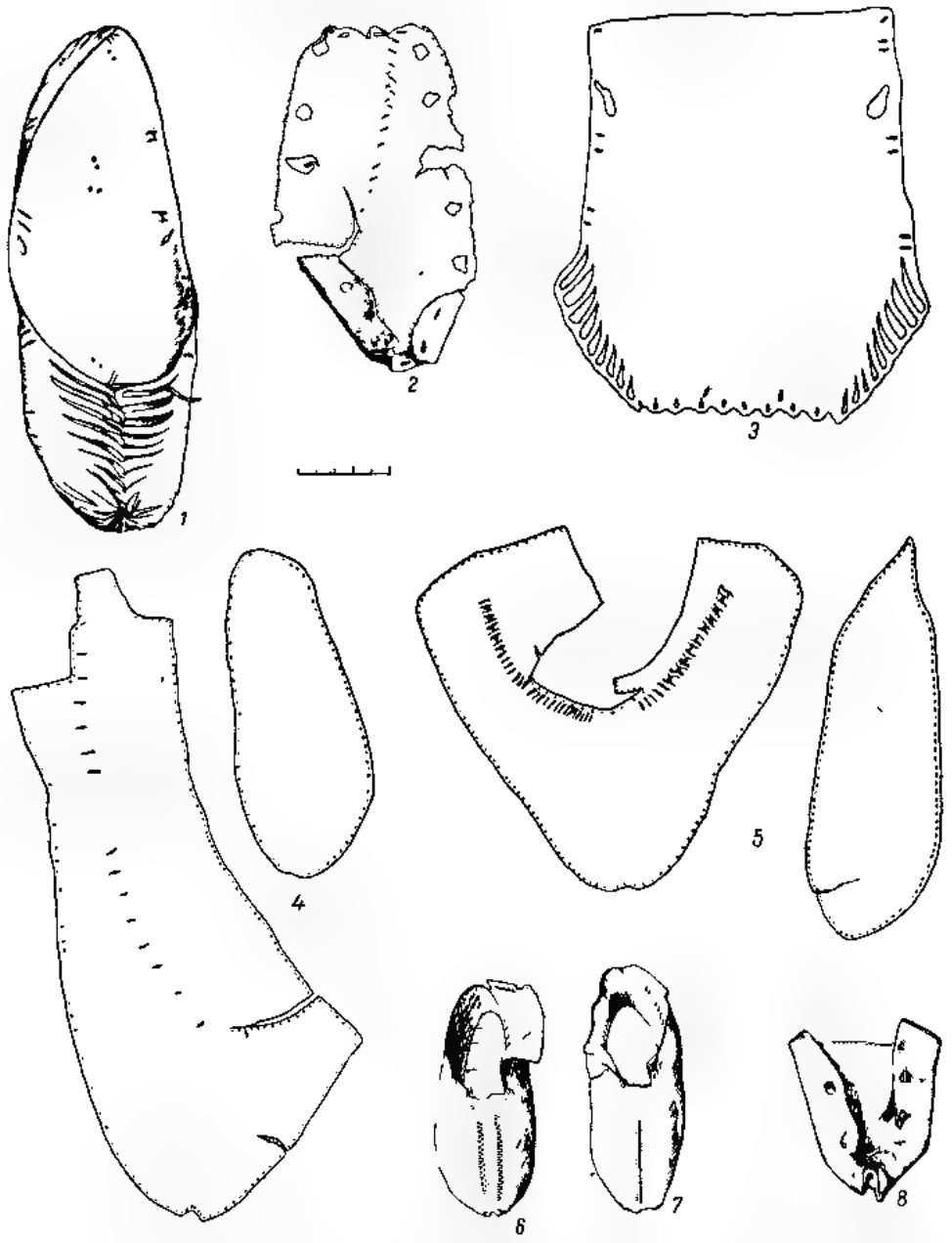

Рис. 1. Поршни и туфли.

1 — резной поршень (ПС-831); *2* — простейший поршень (ПК-1267); *3* — заготовка резного поршня (ПС-831); *4* — крой туфли второго варианта (П 949—950); *5* — крой туфли первого варианта (ПС-1365); *6* — детская туфелька (ПС-1258); *7* — верх детской туфельки (ПК-1246); *8* — носок детского башмачка (ПС-1046).

По краю носка и пятки делались прорези для затяжки. Вдоль подъема носка располагались диагональные вырезы для шнуровки. На боковых сторонах обычно имеются сдвоенные прорези. Крепление поршня производилось при помощи узкого кожаного ремешка. Вначале аккуратно стягивались носок и пятка, затем шнуровался носок в подъеме; длинные концы ремешка пропускались через прорези по бокам поршня и завязывались сзади. Эта ременная продержка для укрепления поршня на ноге позднее получила название «оборы».

Форма заготовок псковских резных поршней постепенно стандартизируется, что свидетельствует о применении определенных

выкроек — шаблонов. По своей форме псковские поршни домонгольского времени более всего похожи на новгородские[7].

Сложность и продуманность приемов кроя и пошива псковских резных поршней свидетельствует о том, что им предшествовали более простые формы. Простейший вид поршней мог сохраниться лишь в изделиях домашнего производства, куда новые формы проникают значительно медленнее. И действительно, удалось обнаружить одновременные резным две пары и два поршня от разных пар, изготовленные домашним способом[8]. Эти поршни сделаны из кожи от старой обуви (куски голенищ, заготовки вышитых туфель). Покрой их примитивен. они изготовлены из четырехугольных кусков кожи путем простого стягивания края носка и пятки лыковым шнурком, пропущенным затем через одиночные прорези на бортах (рис. 1, *2*). Все приемы кроя и формования простейших поршней (четырехугольная форма заготовки, затяжка носка и пятки лыковым шнурком, пропущенным затем через одиночные прорези на бортах) повторяются, но в более продуманной, усложненной форме в резных поршнях (шестиугольная форма заготовки, носок углублен шнуровкой, ремешок пропущен через аккуратные сдвоенные прорези). Простейшие псковские поршни сходны с гродненскими[9].

Усовершенствование в крое и формовании поршней в Пскове с XIV в. и позже из-за недостаточности материалов, как сказано, пока проследить не удается. Но новгородские, московские и староладожские поршни XIV—XVI вв. знакомят нас с новыми более совершенными приемами в крое и формовании этого типа обуви. Форма заготовки меняется незначительно, носок и пятка уже не затягиваются ремешком, а зашиваются нитками, вначале частично, затем полностью; кроме того ременная продёржка окончательно принимает тот вид, который называют ременной оборой[10]. Опираясь на новгородские и другие параллели, можно отнести два псковских обрывка от поршней (ПС-549, 588) со шнуровкой на носке в виде короткого «плетешка» к XIV в., а поршень с ременной оборой и зашитым нитками носком (ПВ-374) к XV в. В XVII—XVIII вв. простые в изготовлении, мягкие и удобные поршни являлись обычной обувью сельского населения. Они отличаются от поршней XI—XIV вв. не только по форме, но и по материалу, который на них шел. Для изготовления поршней и другой обуви в XI—XIV вв. использовалась дубленая кожа, а в XVII—XVIII вв. поршни «гнули» из сыромятной кожи. Такие гнутые из сыромятины поршни были в ходу еще в XIX в.

Туфли. Для Пскова XI—XIV вв. характерны мягкие, облегающие ногу туфли[11]. Составные части этого типа обуви следующие: верх с отгибающимся воротничком и отдельно выкроенная подошва. Под воротничком имеются прорези, через которые пропускался узкий ремешок для закрепления туфли на ноге. Для пошива туфель использовалась дубленая кожа, причем чаще всего (но не постоянно) на заготовку верха шла кожа более тонкая и мягкая, а на подошву более толстая и жесткая. Наличие в коллекции заготовок одинаковой формы свидетельствует о стандартизации кроя и о применении специальных выкроек — шаблонов.

Можно выделить два варианта кроя: первый — цельнокроенная заготовка верха со швом сзади, в который конструктивно входит удлиненная пяточная часть подошвы (рис. 1, *5*) и второй — цельнокроен-

---

[7] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 201, рис. 3, *9б*

[8] ПС-434, 435, 555; ПСК 402; ПВ-1267 (пара).

[9] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 61, рис. 29, *3*, *4*

[10] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 201, рис. 3, *9а*; стр. 212, рис. 8, *6*; М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы. КСИИМК, вып. 57, М., 1955, стр. 81, рис. 27, *1*, раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге в 1958 г. (коллекция хранится в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа).

[11] П 90, 163, 181, 289, 369, 380, 391, 404, 523, 561, 606, 616, 629, 754, 755, 786, 793, 818, 839, 858, 859, 947—950, 966, 989, 994, 1083, 1084, 1095, 1132, 1152, 1166, 1188, 1292, 1302, ПС-311, 349, 391, 399, 409, 417, 421, 436, 438, 439, 453, 454, 513, 514, 521, 534, 541 543, 550, 571, 581, 583, 591, 595, 608, 625, 634, 659, 660, 661, 679, 711, 712, 736, 743, 749, 768, 814, 815, 828, 832, 833, 850, 851, 869, 908, 910, 913, 914, 981, 983, 1029, 1065, 1139, 1141, 1258, 1293, 1327, 1328, 1340 1342, 1363—1365, 1379, 1390, 1391, 1393, 1410, 1414, 1424, 1455, 1473, 1475, 1507; ПСК-163, 184, 279, 317, 326, 327, 359, 365, 418, 429, 449, 453, 456, 461, 499, 511, 550, 557, 571, 658, 696, 728, 766, 881; ПК-294, 442, 478, 529, 567, 662, 664, 706, 707, 711, 772, 786, 799, 823, 826, 908, 956, 983, 994, 996, 1016, 1031, 1037, 1050, 1060, 1099, 1101, 1115, 1121, 1126, 1128, 1136, 1145, 1160, 1163, 1193, 1195, 1202, 1212, 1216, 1219, 1225, 1236, 1238, 1246, 1267; ПВ 144, 149, 183, 185, 236, 241, 357, 366, 405, 414, 420, 433, 446, 448, 449, 460, 473, 480, 536, 556, 572.

ная заготовка верха со швом сбоку, подошва с закругленными носком и пяткой (рис. 1, *4*) [12].

Детали туфель сшивались нитками, вероятно, растительного происхождения. О типах швов можно судить лишь по проколам и отпечаткам нитей. Основные швы, скрепляющие верх с подошвой, — простые выворотные. Толстую кожу подошв в большинстве случаев прокалывали не насквозь, а через толщу кожи. Детали заготовки верха (из-за недостатка материала заготовку кроили из нескольких кусков кожи) соединялись тачным швом, который не дает толстого рубца. Для плотности в основные швы прокладывалась кожаная полоска. Воротничок туфли подшивался или обшивался полоской кожи или закреплялся швом через край.

Формовка туфель определялась контурами заготовки верха с вытачкой (1,5—2 см) против большого пальца, так как верх скреплялся с подошвой без предварительной затяжки. Затяжечная операция — значительно более позднее достижение в технологии сапожного производства (не ранее XVI в.).

Сколько-нибудь заметных изменений в приемах кроя и шитья туфель за период с XI по XIV вв. на имеющихся материалах проследить пока не удается. Можно лишь отметить, что все туфли XIV в. не имеют вышивки и отличаются от более древних отработанными стандартными приемами изготовления.

Судя по размерам, туфли носили и взрослые и дети. Мужские туфли простые, чаще из толстой кожи, обычно без вышивки. Большинство же вышитых туфель из более мягкой кожи соответствуют современным размерам 34—36, это преимущественно женская обувь. Туфельки для детей 1,5—2 лет и старше повторяют покрой и отделку туфель для взрослых (рис. 1, *6—7*).

Особо выделяется носок от детского башмачка похожего на поршень (ПС-1046). Четырехугольный кусок кожи, край которого стянут лыковым шнурком, на подъеме частично зашит, частично зашнурован лыковым же шнурком (рис. 1, *8*). Как выглядел башмачок в целом виде, сказать трудно. Может быть, он похож на райковецкий [13].

Большинство псковских туфель XI—XIII вв. было украшено вышивкой. Чаще всего сохранились только следы вышивки — проколы, деформированные натяжением нитей и их переплетениями, наиболее четко сохранившимися на оборотной стороне. В отдельных случаях, кроме проколов и отпечатков, сохранились единичные — стежки нитей или даже целые элементы композиций вышивки. В момент разборки культурного слоя раскопа 1954 г. на заготовке верха туфли видна была первичная окраска нитей вышивки: на кружках — красного цвета, на завитках — зеленого. На свежем воздухе кружки приобрели коричневато бурую окраску, а нити на завитках распались [14]. При просматривании сохранившихся элементов вышивки под бинокулярной лупой при нижней подсветке на тончайших волосках шерстяной нити видны следы красной краски. Вполне возможно, что, кроме красных и зеленых, использовались также белые, коричневые и черные шерстяные нити естественной окраски.

Псковский материал дает представление о двух типах вышивальных швов: 1) шов «назад иглой» или «веревочкой» и 2) шитье «гусем». Швом первого типа выполнялся контурный рисунок, а второго — сплошной, ковровый. Определенным элементам рисунка вышивки соответствует определенный шов. Кружки или розетки, от которых сохранились проколы по окружности и один в центре, вышивали «веревочкой» (рис. 2, *5, 6*). Этим же швом расшивались завитки (рис. 2, *3*), плетенка (рис. 2, *4*) и композиции со сложными переплетениями завитков. Прямоугольники (прошвы), треугольники и ромбы (в настоящее время они представляют собой параллельные ряды проколов, где каждый последующий ряд имеет на один прокол больше или меньше предыдущего) расшивались сплошным ковровым шитьем «гусем» (рис. 2, *1, 2*).

Кроме вышивки применялся также еще один элемент украшения кожаных туфель—

[12] Туфли, выкроенные по первому варианту кроя (ПС-1365; ПК-823, 1267; ПСК-728), найдены в слое XI в. Подошв с удлиненной пяточной частью (также XI в.) в Псковской коллекции больше, чем верхов, но не все они от туфель. Большинство туфель Псковской коллекции выкроены по второму варианту кроя.

[13] В. К Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 126, табл. XXX, 8.

[14] Остатки туфель с сохранившимися расшитыми элементами вышивки П-380; ПС-712; ПК 956.

продёржка, когда через ряды узких поперечных прорезов продергивались или проплетались узкие ремешки или крученые нити (рис. 2, *7*).

Вышивалась, естественно, заготовка, а не готовая туфля. Прямым свидетельством такой последовательности операций является то, что швы вышивок часто перекрыты основным швом. Такое наблюдение сделано элементов и новых композиций, состоящих из кругов с вписанными в них шестиконечными звездами и сердцевидных пальметок — так называемых «кринов», — творчески переработанных более древних орнаментов (рис. 3, *6, 8, 9*; 4, *1—8*) [16].

Изменения характера рисунка вышивки прослеживаются во времени. Вышивки туфель XI в. простые, более богатыми, раз-

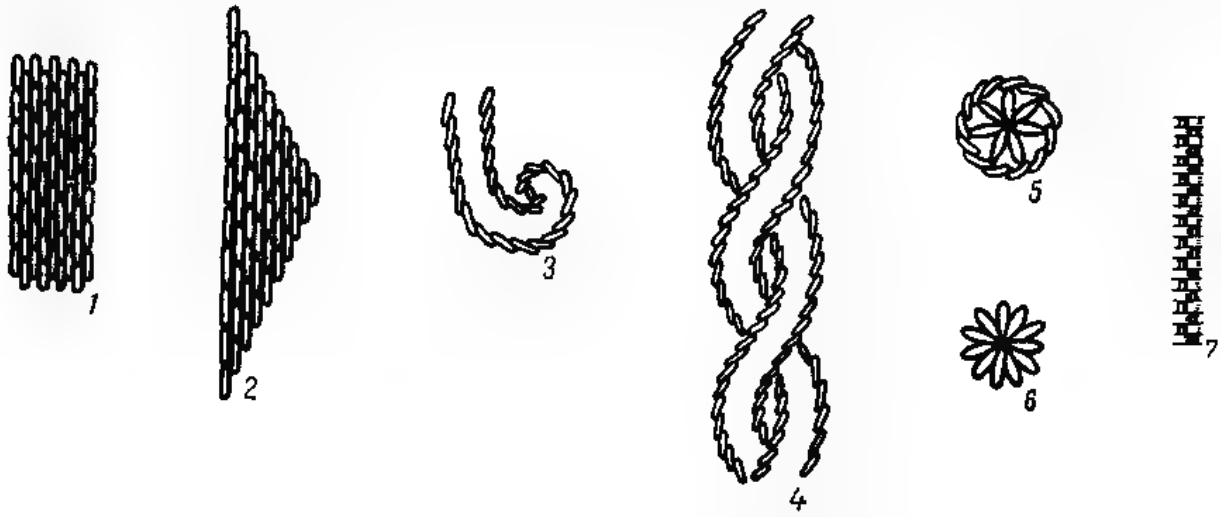

Рис. 2. Элементы вышивок

1 четырехугольник (прошва); *2* — треугольник; *3* завиток; *4* плетёнка, *5*, *6* кружок и розетка; *7* — продёржка.

также В. Голубовичем при изучении вышитых туфель из Ополя и Г. Виклаком при изучении вышитых туфель из Гданьска [15].

Проколы делались шилом, что хорошо видно по их форме (круг, ромб), соответствующей сечению шила.

Туфли украшались вышивкой по-разному. Наиболее казовой частью является носок туфли, который весь расшивался простыми или сложными композициями. Эти орнаментальные композиции составлялись из завитков, кружков, плетенки, четырехугольников (прошв), треугольников и ромбов. Простые вышивки состоят из одного-двух элементов, как например продёржки или прошвы, заканчивающихся в верхней части парой симметрично расположенных завитков (рис. 3, *2*). Усложнение вышивок идет за счет неоднократного повторения одного элемента (чаще всего завитков; рис. 3, *1, 3—5, 7*), или использования нескольких нообразными и сложными узорами расшивались туфли XII—XIII вв. Особенно богатыми вышивками украшались туфли в XII в. Круги и крины, дополненные переплетениями завитков, покрывают причудливыми легкими узорами не только носок туфли, но и ее боковые стороны и задник (рис. 4, *3*).

По-видимому, не случайно центральное место в композициях часто занимают кружки — солярные знаки, — расшитые к тому же красными нитками, или прошвы, изображающие дорогу, или зеленые завитки — символ жизни [17].

Вышитые туфли из Новгородской коллекции аналогичны псковским не только по

[15] W. Hołubowicz. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, стр. 324; H. Wiklak. Obuwie Gdańskie w X—XIII wieku. Gdańsk wczesnosredniowieczny T. III, Gdańsk, 1960, стр. 28.

[16] История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям. М., 1870; Л. И. Якунина. О трех курганных тканях. Тр. ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 158.

[17] В XI—XIII вв. рисунок еще в полной мере насыщен смыслом. Вполне возможно, что дальнейшее изучение вышивок на обуви позволит в ряде случаев определить ее назначение, например, выделить свадебные туфли и др. (В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. СА, 1960, № 4, стр. 56).

форме заготовок, но и по рисункам и типам вышивальных швов В Риге, Гродно и Москве также были найдены мягкие туфли с вышивкой, от которой сохранились лишь проколы [18]. Очень близки к псковским, новгородским, гродненским и московским туфлям буты из польских городов Ополя и Гданьска [19]. Хронологически более раннюю группу обуви своеобразных форм представляют мягкие туфли из Старой Ладоги, Гнезно и Эзеберга [20].

Сапоги. Изучение этого типа обуви сильно осложнено тем обстоятельством, что крепкие детали изношенных сапог часто использовались вторично. Поэтому до нас дошли главным образом лишь мелкие детали — головки, задники, подошвы и очень редко

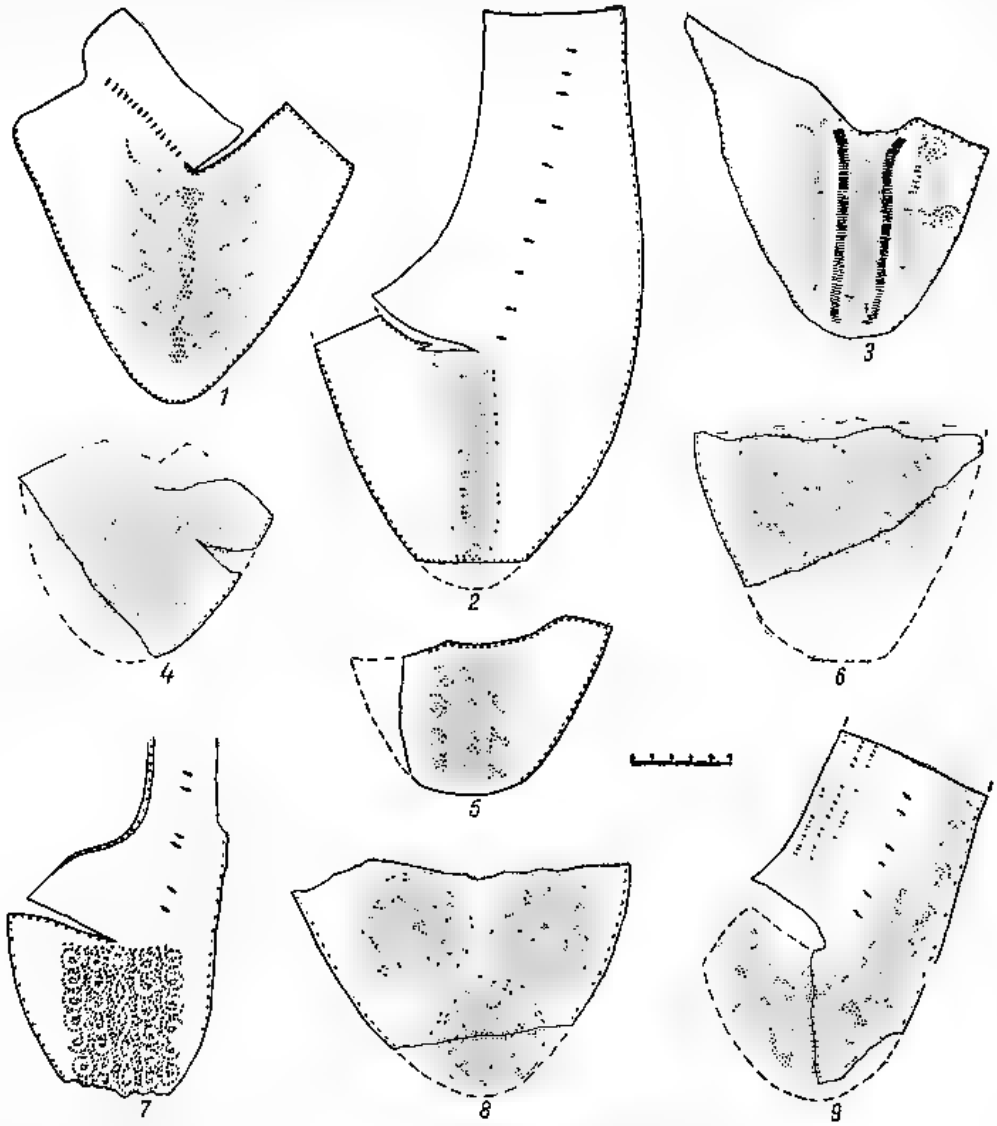

Рис. 3. Детали вышитых туфель

1 — ПС-1328; *2* — ПС-541, *3* — ПСК-638; *4* — ПСК-418; *5* — П-360; *6* — П-391; *7* — П-616; *8* — П-561; *9* — П-606.

[18] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 204, рис. 4, *1, 6, 8, 13*, стр. 197, табл. 2; М. Р. Вильсоне. Археологические раскопки в г. Риге. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 127, рис. 43. П. Н. Воронин, ук. соч., стр. 61, рис. 26, *1—2*; М. Г. Рабинович, ук. соч., стр. 78.

[19] W. Hołubowicz, ук. соч., стр. 134, рис. 50, *1, 2, 7*, рис. 118, *а, б*; рис. 142, *2—9*, рис. 143, рис. 144, рис. 145. H. Wiklak, ук. соч., стр. 1—104.

[20] Государственный Эрмитаж, коллекция 2082/569 и раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге в 1959 г.; J. Kostrzewski. Gniezno pogańskie i wczesnohistoryczne w świetle ostatnich wykopalisk. Dawna sztuka. Rocznik I, zeszyt I. Lwów, 1938, стр. 12, рис. 18; Norges oldtid. Kristiania, 1906, стр. 116, рис. 500.

обрывки или обрезки голенищ. Естественно, что эти остатки могут дать лишь весьма общее представление о формах сапог, об изменениях в их крое и шитье

из 3 частей: половины голенища, захватывающей часть головки, другой половины голенища, выкроенной вместе с задником, и части головки. Высота сапога 16 см; голе-

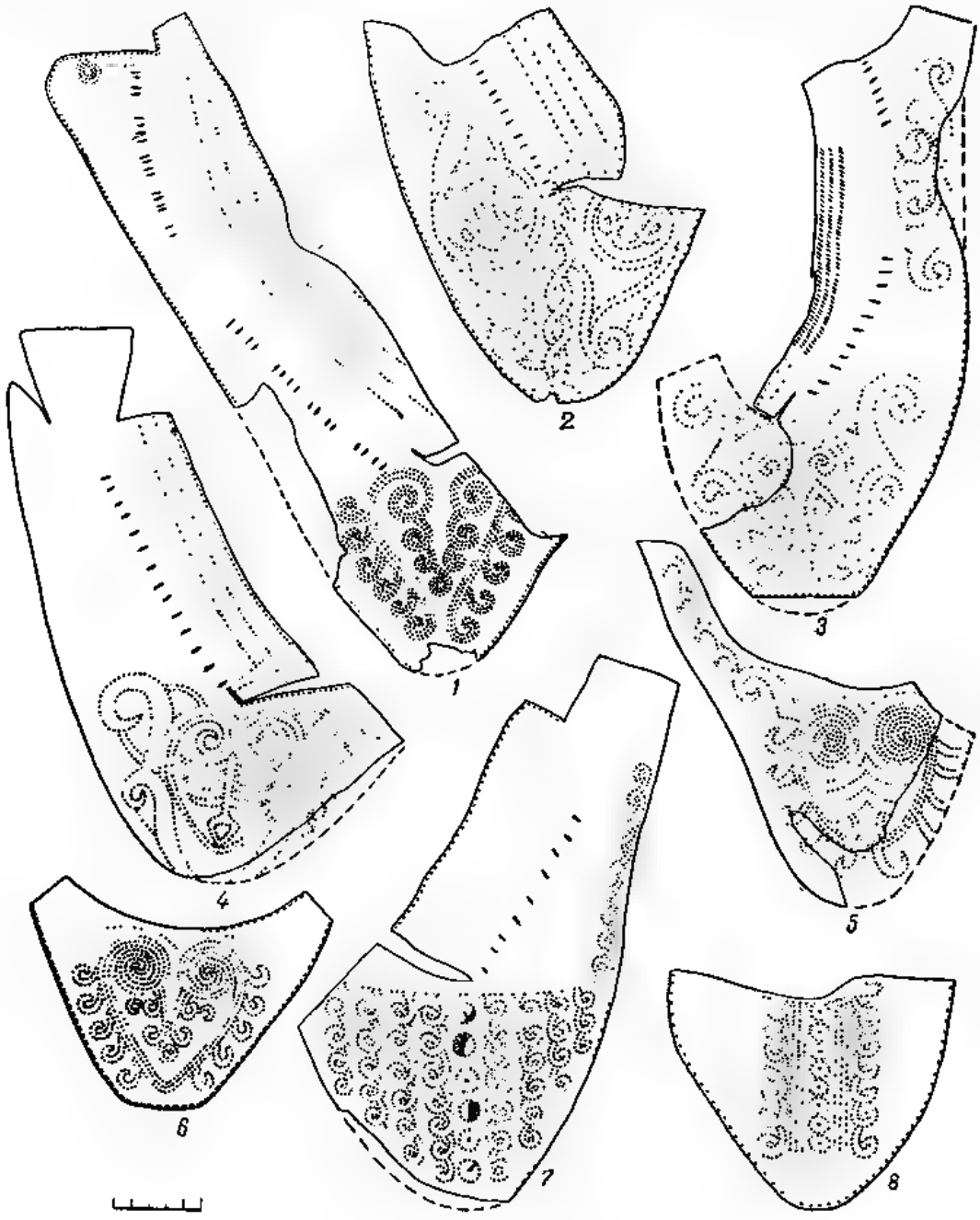

Рис. 4. Детали вышитых туфель:

1 – ПК-1212; *2* – ПС 1029; *3* – ПК-1128, *4* – ПС-913; *5* – П-581; *6* – П-369; *7* – ПК-906; *8* – ПС-625.

Сапог, детали которого были найдены в слое XII в. (ПС 411, 412, 414, 415), дает материал для характеристики покроя сапог первого вида (рис. 5, *1* – *2*). Верх его состоит

нище легким раструбом; верхний его край срезан прямо. Вокруг щиколотки имеются прорези для продёржки ремешка. Верх сшит тачным швом; подошва пришивалась

выворотным. Судя по размерам (длина по следу 16—17 см), сапог принадлежал подростку.

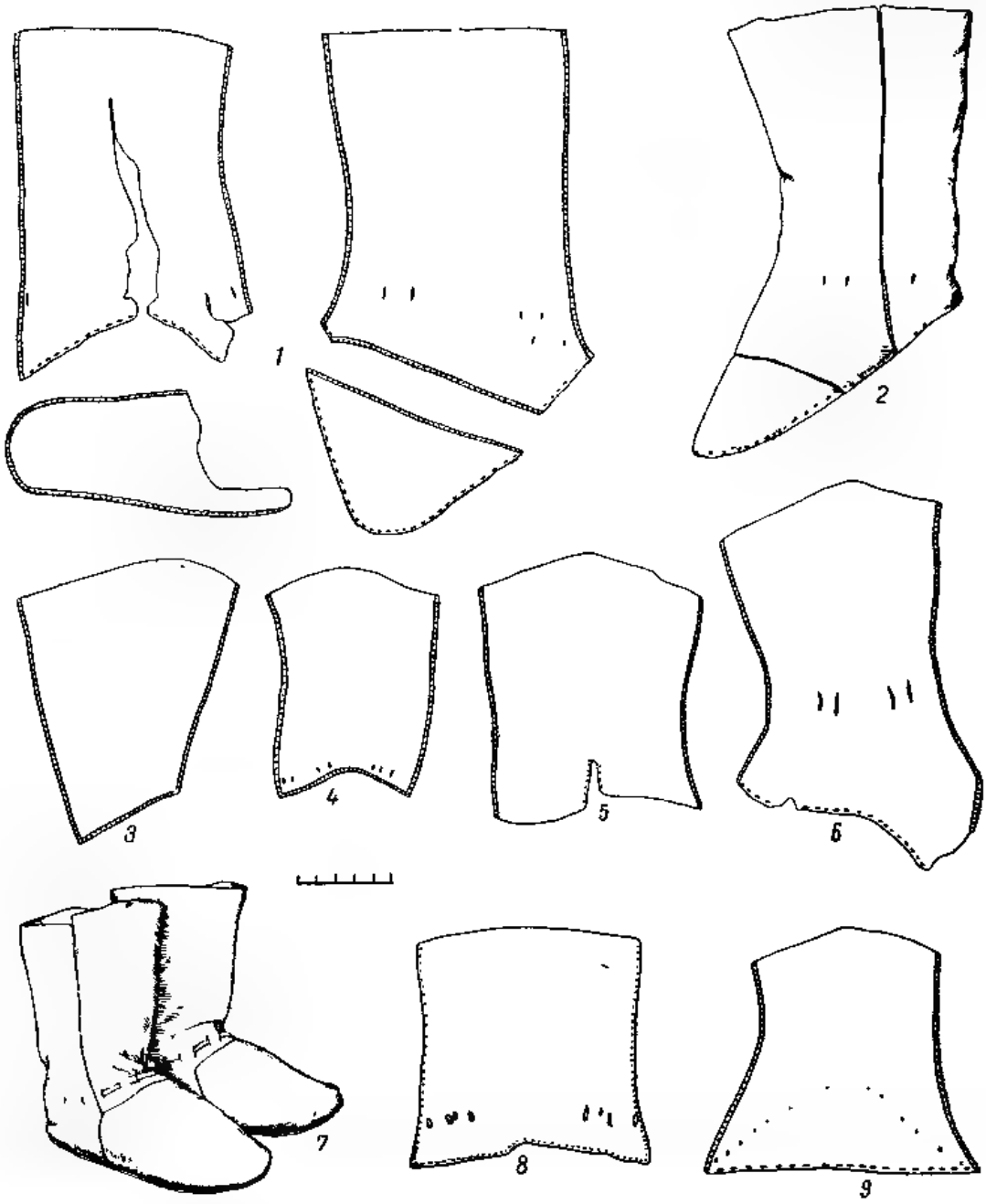

Рис 5. Сапоги первого вида:

1 крой сапога (ПС 411 412, 414, 415); 2 общий вид его же; 3 6, 8 9 — детали сапожков (ПС-684, 423, П 1363, ПК 823, 846. П 789), 7 — детские сапожки (ПС-817).

К первому же виду относится также пара детских (длина подошв 12 см) сапожков из постройки XII в. (ПС 817) Верх их состоит из 2 частей: одношовного голенища вместе с задником и головки. Подошвы с закругленными носками и пятками Высота сапожков 13 см; голенище раструбом; вокруг щиколотки прорези для продёржки ремешка. Детали верха стачаны; шов на голенище сбоку. Подошва пришита выворотным швом, для плотности которого проложены узкие кожаные прокладки (рис. 5, 7). В коллекции имеется также несколько

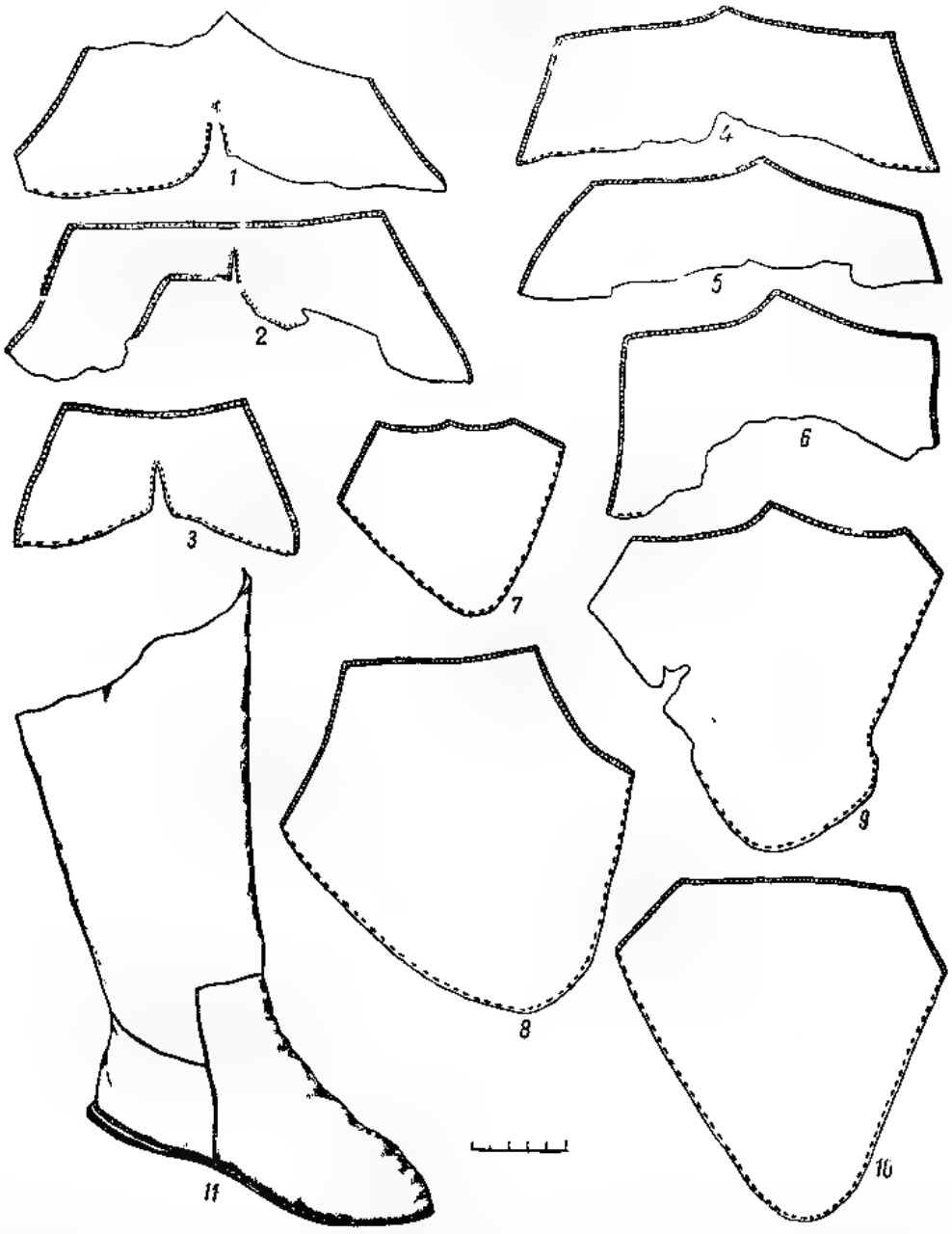

Рис. 6. Сапоги второго вида.

1—3 — мягкие задники с вырезом (П-1230, ПСК 267, ПС-1518); *4—6* — плотные трапецевидные задники (ПС-1140, П-664, 614); *7—10* — головки (П-697, 422, ПС-1138, П-1012); *11* — сапог (П-412).

разрозненных деталей от аналогичных сапожков XI—XII вв. (рис. 5, *3—6*, *8*, *9*)[21]. Основные особенности кроя сапог первого вида: крупнодетальность и отсутствие задников.

В Новгороде найдены не только детали, но и целый сапожок с цельнотянутым верхом, который, по видимому, является ранней формой этого вида обуви[22].

Для сапог второго вида характерно прежде всего наличие задников и окончательная детализация кроя. Этот вид представлен в Пскове двумя вариантами покроя задников. Задники с вырезом для удлинен-

[21] П-789, 851, 1363, ПС-423, 584, 1031; ПК-823, 846, 912.

[22] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 2.2, рис. 8, *7*.

ной пяточной части подошвы чаще всего из мягкой кожи (рис. 6, *1—3*). Они как бы повторяют покрой туфель первого варианта[23].

Каковы были головки и голенища у этого вида сапог сказать нельзя, т. к. ни в одном случае не сохранились головки вместе с голенищами и задниками. Следы швов на мягких задниках с вырезом позволяют восстановить характер крепления деталей верха тачным швом, а крепление подошвы с верхом — выворотным. Мягкие задники с вырезом встречались во Пскове только в слоях XI в. Аналогичные задники из мягкой кожи были найдены также в Новгороде; С. А. Изюмова считает их деталями «полусапожек»[24].

Другой вариант второго вида — сапоги с задниками трапециевидной формы без выреза, обычно из плотной кожи с прокладками — представлен в Псковской коллекции сапожком П-412 из слоя XII в. (рис. 6, *4—11*). Трапециевидной форме задника соответствовала глубокая головка с прямоугольным верхним срезом. Голенище высотой 20 см одношовное из мягкой кожи, узкое с косо срезанным верхним краем; обрез нижнего края голенища рассчитан на треугольный обрез задника и прямоугольный выступ края головки. Детали верха стачаны. Задник для плотности снабжен тремя прокладками. Подошва двухслойна в следу и с двумя дополнительными прослойками под пяткой; скреплена с верхом сандальным швом. Такие прослойки под пяточной частью подошвы — это зарождение каблука.

В развитии псковских сапог с XI по XIV вв. наблюдается определенная последовательность: сапоги первого вида с цельнокроеным верхом предшествуют появлению сапог второго вида с окончательно выработанными формами основных деталей. И несмотря на то, что в XI—XII вв. оба эти вида сосуществуют, естественно, что сапоги жестких форм, более прочные, вытесняют в XIII—XIV вв. менее прочные мягкие сапожки как первого вида (с цельнотянутым или цельнокроеным верхом), так и с мягкими задниками с вырезом, которые бытуют только в XI в. и в своем развитии не дают какой-либо новой формы.

Сапоги второго вида с жесткими задниками составляют основу, на характерные особенности кроя и шитья которой наслаиваются новые особенности в изготовлении сапог в последующие столетия вплоть до наших дней.

В XIII—XIV вв. новые наслоения на приемы изготовления и формы сапог выражаются: в изменениях контуров задников (они становятся ниже и уже); в систематическом применении укрепляющих деталей не только для задников, а и для головок — поднаряды (рис. 7, *4—6*); и — наиболее существенное — оформление к XIV в. кожаного наборного каблука.

Развитие псковских сапог в XV—XVII вв., которое шло по линии изменения их формы, покроя и приемов шитья, можно проследить только на случайных находках обуви этого времени. В 1954 г. в колодце был найден опорок узконосого сапога из мягкой кожи (П-1421, 1423—1425). Головка его снабжена поднарядом из плотной кожи, пришитым через край. Задник сложный: он имел внутреннюю лубяную прокладку. Подошва многослойная, из мягкой кожи, с широким в три слоя кожаным каблуком, подбитым железными гвоздями. От подошвы сохранились только внутренние слои. Детали верха стачаны; верх с подошвой скреплен сандальным швом. Формовка сапога простая, без затяжки (рис. 7, *8*). Псковский, как и новгородский узконосый сапог из мягкой кожи, относится, видимо, также к первой половине XV в.[25]

В 1956 г. в яме XV—XVI вв. найден еще один опорок сапожка небольших размеров (ПСК-392). Верх его выкроен из двух неравных кусков плотной кожи (подкрой). По краю верха видны следы выворотного шва; поднаряд отсутствует; задник укреплен внутренней прокладкой и небольшой кожаной обоймой. Верх прикреплен к подошве рантовым швом. Широкий кожаный каблук, помещенный между стелькой и подошвой, прибит железными гвоздями. При формовке сапожка применялась затяжка (рис. 7, *7*).

К XV—XVII вв. относятся также головки сапог из плотной кожи с тиснением на подъеме[26]. Следов прикрепления поднарядов нет. Плотность кожи обеспечивала прочность головки. Тиснение сделано для того, чтобы придать коже гибкость на подъеме. Техника тиснения на головках

[23] П-1230, ПС-1518, ПСК-276, ПК-1081, 1224, 1267.

[24] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 206, рис. 5, *2, 4*

[25] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 209, рис. 7, *4*; стр. 208, рис. 6, *1, 2, 4, 10*.

[26] П 1031, ПС-110, 1683, ПСК-304.

различная. На одних это штамповка, линии непрерывные, глубокие (рис. 7, *2, 3*); на других, видимо, линование, т. к. линии прерывистые, смещенные на стыках, неглубокие (рис. 7, *1*).

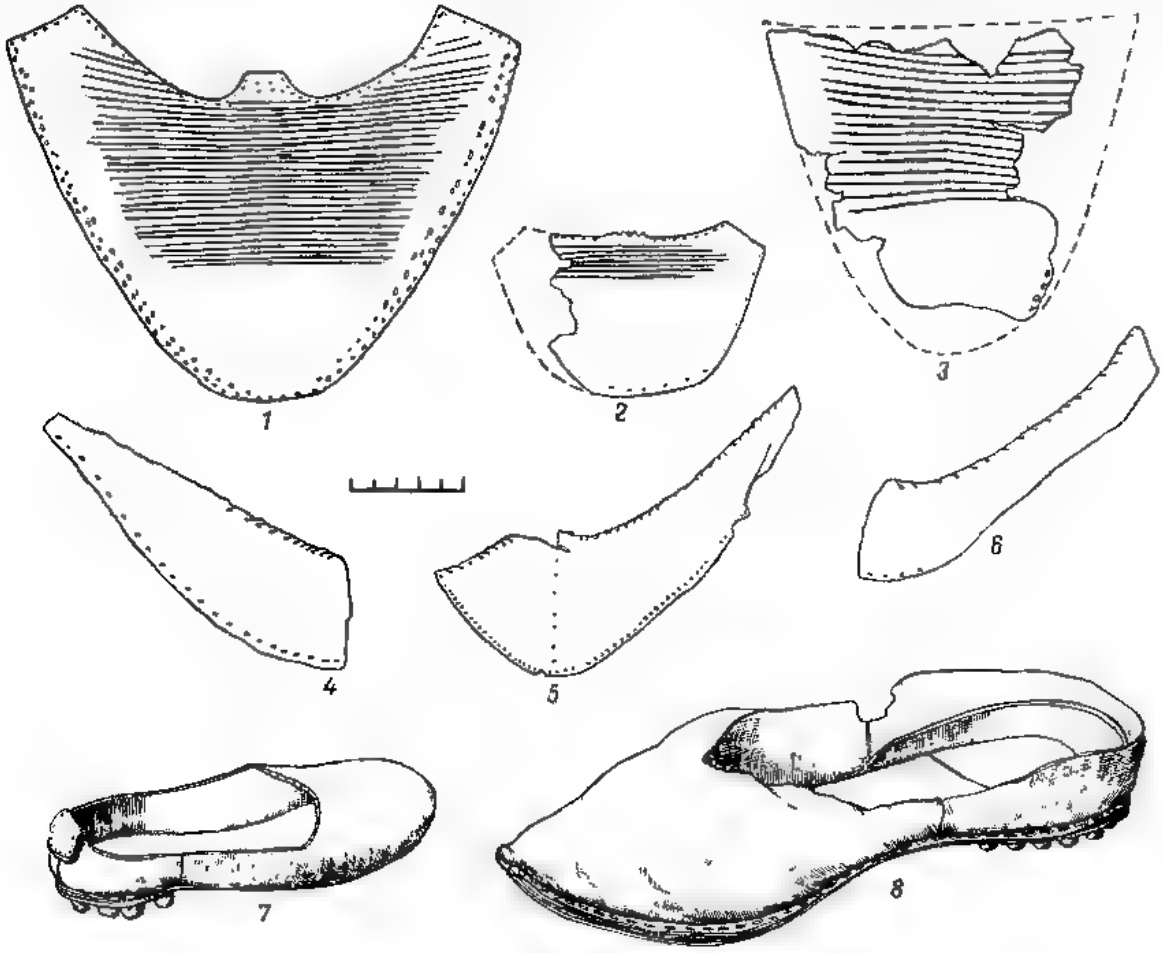

Рис. 7. Детали обуви XV—XVII вв.:

1—3 — головки с тиснением (П-1031, ПСК-304, ПС-1683); 4—6 — подпаряды (ПС-631, 630, 657); 7 — опорок детского сапожка (ПСК-392); 8 — опорок узконосого сапога (П-1421—1425).

Плотные тисненые головки от сапог найдены также в Москве и в Новгороде в слоях XV—XVII вв.[27]

В Псковской коллекции имеется задник из крашеной кожи (ПС-1683). Он найден в выбросе из котлована под фундамент Педагогического института, расположенного на месте Старого Торга. Кожа, из которой скроен задник, плотная, вишневого цвета; следы прикрепления внутренних прокладок не прослеживаются. Аккуратные, мелкие ромбовидные проколы показывают, что швы были выворотные.

О цветной обуви домонгольской Руси мы знаем по иконам, миниатюрам и литературным свидетельствам. Отдельные представители русской знати, изображенные в стиле «монументального историзма», как его называет Д. И. Лихачев, всегда одеты в парадную одежду и цветную обувь[28]. По мнению Н. П. Кондакова, красные, оранжевые и зеленые кожаные сапоги являлись необходимым атрибутом одежды лиц, об-

[27] М. Г. Рабинович, ук. соч., стр. 81, рис. 27, *4, 5*; А. Ф. Дубынин, Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) КСИИМК, вып. 77, М., 1959, стр. 95, рис. 41, *8*; стр. 97; С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 209, рис. 7, *5*.

[28] Д. И. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Л., 1955, стр. 27.

леченных властью[29]. Цветная обувь бытует на Руси и в послемонгольское время.

Подошвы составляют самую многочисленную часть коллекции. Они одинаковые у обуви разных типов. Развитие подошв шло по линии изменения формы, плотности кожи и характера швов. В начале эволюционного ряда стоят мягкие подошвы с недостаточно четко выраженной (даже для бескаблучной обуви) геленочной частью. Пришивались они выворотным швом. Крой подошв этого типа имеет два варианта соответственно двум вариантам кроя туфель и сапог. Контуры подошв первого варианта имеют закругленный носок и удлиненную ляточную часть (рис. 8, *1—2*); у подошв второго варианта кроя носок и пятка

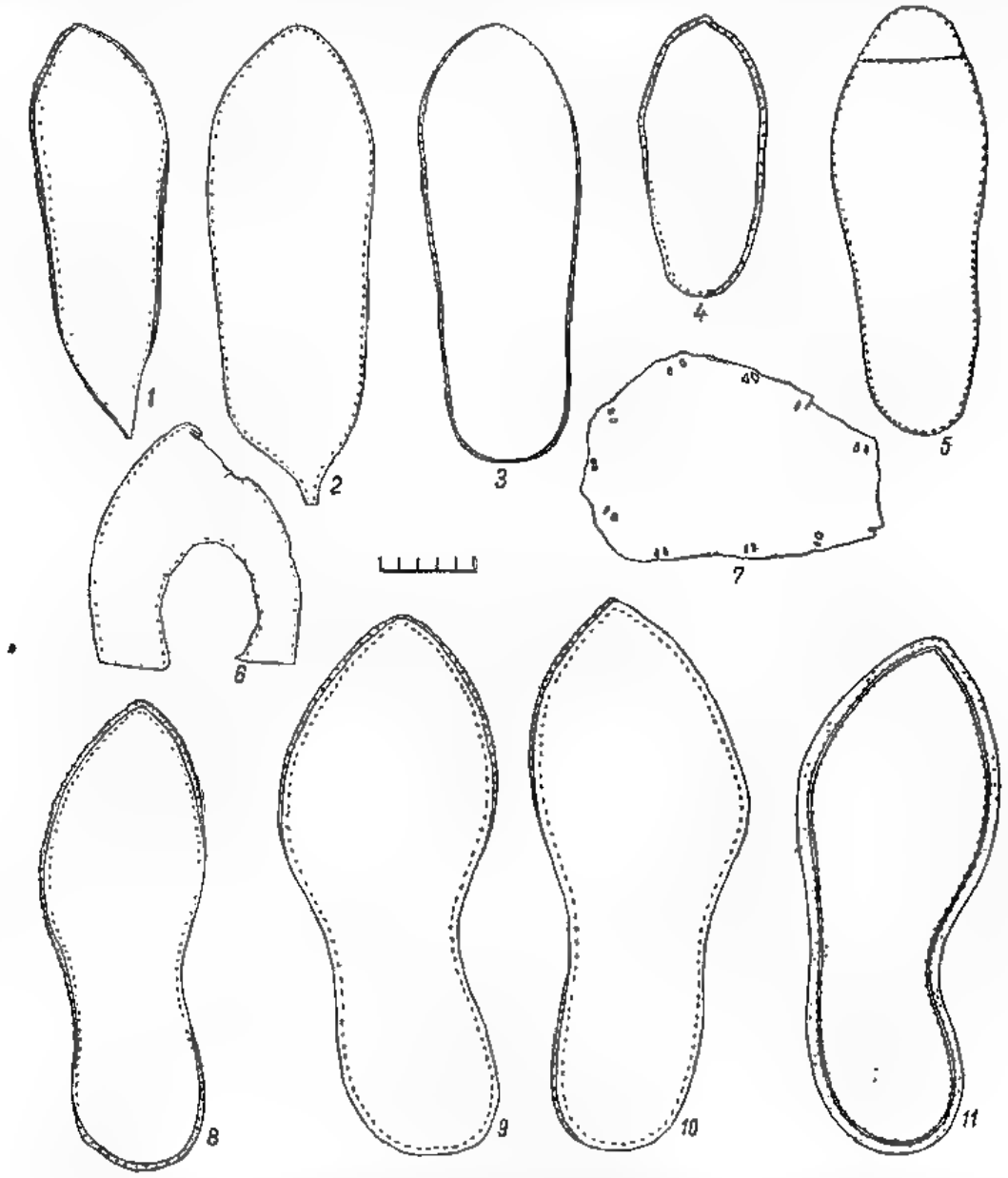

Рис. 8. Подошвы.

1—2 — первого варианта кроя (ПС-1190, 1-65); *3—5* — второго варианта кроя (ПС-1068, ПСК-695, ПС-1292); *6* — заплата (П-946); *7* — часть подошвы со следами починки (ПСК 364); *8—10* — подошвы второго варианта кроя (ПС-369); *11* — подошва со швом «в подгиб» (П 781).

[29] Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, стр. 34, 56, 104, табл. VI.

закругленные (рис. 8, *3—5, 8—11*). Вначале не было различия подошв на правую и на левую ногу, а форма их была примитивна. В конце XI — начале XII в. контуры подошв приобретают правильные очертания (рис. 8, *8*). К XIII в. подошвы приобретают форму почти ничем не отличающуюся от современной для бескаблучной обуви. Использование для подошв жесткой кожи начинается с XII в. Шов остается выворотным, но характер его изменяется. Для пришивки жестких подошв шов делался не насквозь, а в толще кожи. Характер шва зависел также и от плотности кожи, из которой выкроен верх: наличие жестких головок и задников у сапог второго вида XII в. обусловило применение не выворотного, а сандального шва.

Мягкая обувь XI—XIII вв. не была особенно долговечной. Следы починки подошв видны отчетливо: в одних случаях это кожаные заплаты, нашитые ремешками или лыковыми шнурками (рис. 8, *6*); в других — изношенные участки подошв вырезаны и на их место вшиты аккуратно подкроенные кусочки кожи (рис. 8, *7*). Починку верха проследить трудно, так как часто подкрой можно принять за след ремонта.

В XIV—XVII вв. развитие подошв шло по линии применения более прочной, жесткой кожи, введения в обиход сложных швов рантового и «в подтай» и удлинения геленочной и пяточной части подошв в связи с изменением форм каблука. Каблук, как мы уже отмечали, зарождается еще в XII в. в виде нескольких кожаных прослоек под пяточную часть подошвы. Постепенно количество прослоек увеличивается, но каблук по-прежнему остается внутренним (ПК-1228). В XIV в. каблук укрепляли железными гвоздями и подковками. Форма подковок соответствует широкому каблуку. В XVII в. высокий каблук остается кожаным наборным[30]. И только в XVIII в. появляются деревянные каблуки[31].

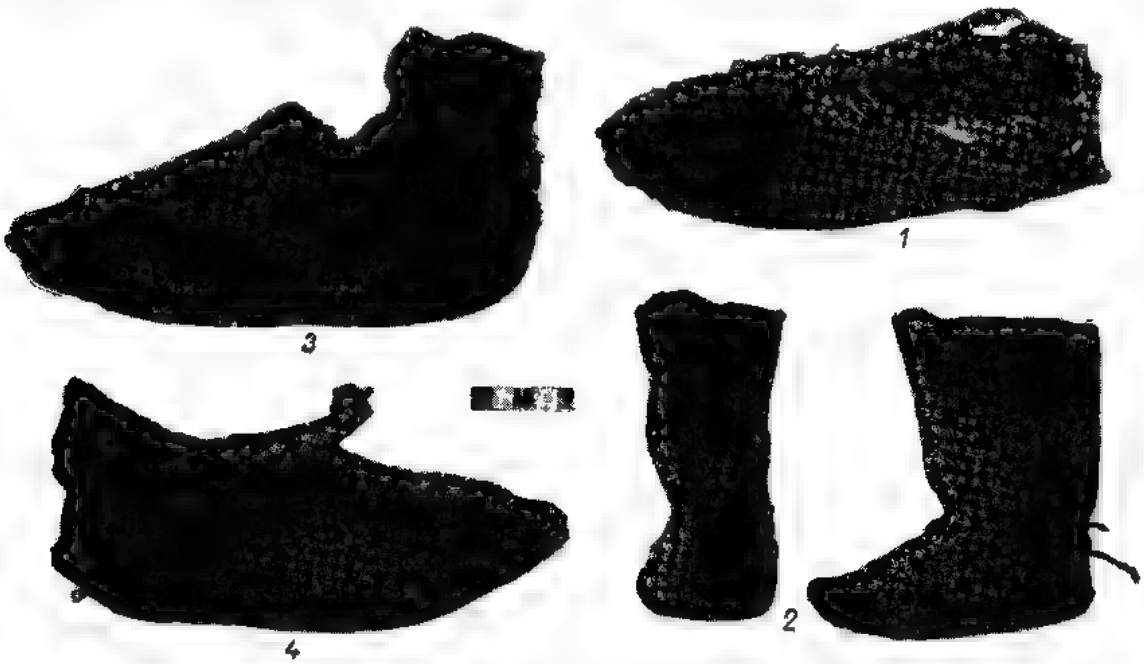

Рис. 9. Типы псковской кожаной обуви XI—XIII вв.

1 — поршень (ПС-831); *2* — детские сапожки (ПС-817); *3—4* — туфли (ПС-1365, 550, 476).

Таким образом, в XI—XIV вв. у псковичей в ходу была кожаная обувь трех типов: поршни, туфли и сапоги (рис. 9).

В XI в. бытуют резные поршни, мягкие туфли первого варианта кроя без вышивки, туфли второго варианта кроя с простой вышивкой, сапоги первого вида с цельнокроенным верхом, сапоги второго вида с задниками с вырезом. Характерными чертами обуви XI в. являются: цельнокроен-

[30] В. А. Оборин. Орел городок. СА, 1957, № 4, стр. 141, рис. 5, *5*.

[31] А. Д. Грач. Археологические раскопки в Ленинграде. М. — Л., 1957, стр. 21, табл. XXV, *3*.

ность деталей, покрой без учета на правую и левую ногу и применение выворотного и тачного швов. Вся обувь мягкая, из тонкой (толщина 1—1,5 мм) кожи, плотно облегающая ногу.

В XII в. бытуют резные поршни того же вида, как и в XI в., мягкие туфли второго варианта кроя, отличающиеся от туфель XI в. богатыми узорными вышивками, сапоги первого вида с цельнокроенным верхом, аналогичные сапогам XI в., и сапоги второго вида с жесткими задниками (их появление относится к концу XI в.). В XII в. сосуществуют формы обуви, характерные для XI в., и формы, отличающиеся новыми качествами. Эти новые качества нашли свое выражение в детализации кроя сапог второго вида с жесткими задниками, когда окончательно формируются основные их детали, остающиеся неизменными в своей основе до наших дней. Общими для всей обуви XII в. чертами являются: покрой с учетом правой и левой ноги; швы: выворотный, тачной и сандальный. В это время верх обуви кроили из тонкой мягкой кожи, а подошвы из более плотной (толщина 1,5—2 мм). Форма обуви разнообразна: мягкая, облегающая ногу, и жесткая.

В XIII в. бытуют резные поршни того же вида как и в XI—XII вв., мягкие туфли второго варианта кроя как и в XII в. с богатыми узорными вышивками и сапоги второго вида с жесткими задниками, но более низкими и узкими, чем в XI—XII вв. Заготовки обуви XIII в. отличаются от заготовок XII в. более стандартными формами.

В XIV в. бытуют поршни с носками, частично защитыми нитками, и шнуровкой в виде «плетешка», мягкие туфли второго варианта кроя без вышивки и сапоги второго вида с подпарядами и жесткими прокладками для задника, с внутренним наборным кожаным каблуком, укрепленным гвоздями и подковками. В это время пользуются швами: выворотным, тачным, сандальным и впервые вводится в обиход сложный шов «в подтай». Подошвы для обуви XIV в. кроили из толстой (толщина 3—4 мм) жесткой кожи, верха — из более мягкой. Стандартизация в формах заготовок, в приемах кроя и шитья получает свое выражение в деталях туфель и сапог в особенности.

ДРУГИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Различные кожаные изделия имели у славян широкое распространение. Древние иконы, миниатюры и письменные источники знакомят нас большей частью с деталями парадного костюма русской знати и редко с повседневной одеждой простых людей[32]. Псковская коллекция, насчитывающая в своем составе около 90 мелких деталей костюма простого, «черного» люда, представляет поэтому особую ценность. В ней имеются нашивки на одежду и обувь, часть шапки, рукавицы, пояса и всевозможные футляры, кошельки и ножны, а также кожаные мячи и изделия шорного производства. Основная часть таких кожаных изделий происходит из слоев XI—XIV вв.

Нашивки. Узкие полоски тонкой кожи (шириной 0,7—1,0 см) со следами швов по краям. Они нашивались, вероятно, на одежду то в виде волны (ПК-1099, 1195), то просто прямой полосой. Некоторые из них согнуты пополам по длине; по-видимому, они отгибали край (ПС-1079, 1153) одежды или обуви. Подобного же рода нашивки были встречены при раскопках в Ополе[33].

Шапка. Кусок кожи в форме сдвоенного треугольника со следами тачного шва по краям (ширина основания 20 см, высота 15 см), является частью шапки (ПК-912) типа «клобука». Аналогичные находки в других местах пока не известны. На рельефах же Дмитриевского собора во Владимире (1197 г.) имеются изображения шапок подобного рода[34].

Рукавицы представлены почти исключительно обрывками[35]. Кроились они из двух частей (исключая подкроенные детали), но по-разному — с отдельным пальцем или из двух половин вместе с пальцем. Основные

[32] Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 153

[33] W. Hołubowicz, ук. соч., стр 138

[34] Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. КСИИМК, вып. XLVII, М., 1952, стр. 37, рис 11б, 9, стр. 39.

[35] П-699, 1180, 1271; ПС-348, 373, 375, 376, 546, 570, 573, 627; ПК 333, 713, 772, 826, 1136, 1230; ПВ 488.

части рукавицы сшивались выворотным швом, а подкроенные тачным. Встречаются следы заплат чаще всего на пальце и на ладоне. Размеры рукавиц (по длине) 20—22 см (рис. 10, *1*).

кие, ременные[38]. Мягкие выкроены из двух нешироких полосок кожи. Лицевая полоска (шириной около 2 см) накладывалась и нашивалась прямым швом на внутреннюю (шириной 2—3 см), края которой подгиба-

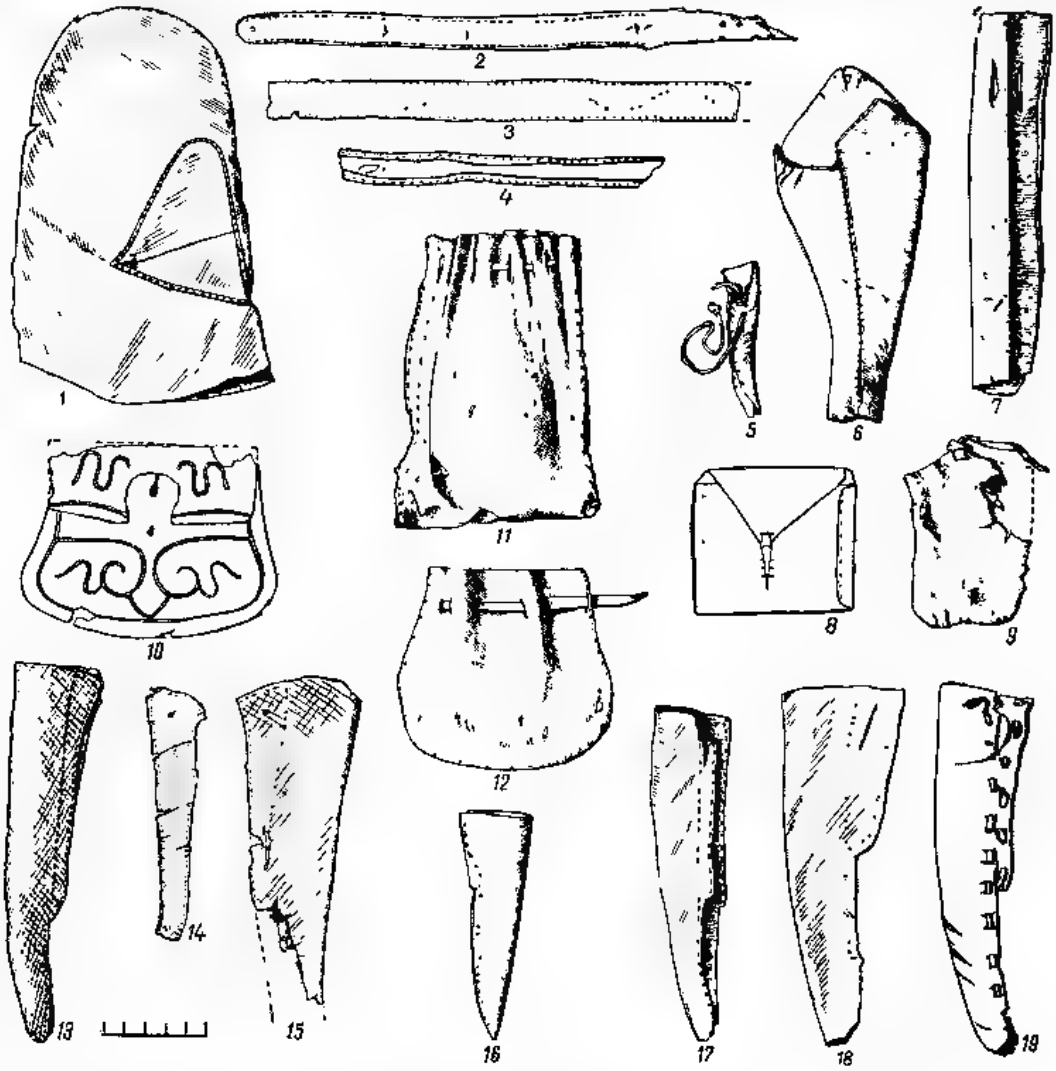

Рис. 10. Кожаные изделия

1 — рукавица (П-1180); *2*—*4* — пояса (ПК-1230, ПС-585, 1122); *5*—*9* — футляры (ПС-683, 4/5, П-887, ПК-1127, П-697); *10*—*12* — кошельки (ПК-1064, ПС-400, 628); *13*, *15*—*19* — ножны (ПС-1347, 1225, 511, П-717, 1365, ПК-457); *14* — берестяная прокладка от ножен (ПС-1225);

Рукавицы, аналогичные псковским, найдены в Новгороде и Москве[36]. В Старой Ладоге найдена зимняя меховая рукавица[37].

Пояса. Кожаные пояса в Псковской коллекции имеются мягкие сшивные и жест-

лись с обеих сторон (рис. 10, *4*). Имеются остатки вышитых поясов. Вышивка обычно простая, в виде продольного волнистого шва «веревочкой» (рис. 10, *3*). Ременные пояса также неширокие (шириной 2—3 см); на концах иногда видны следы наконечников или пряжек (рис. 10, *2*).

[36] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 220, рис. 12, *3*. М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур». Древняя Русь. М., 1953, стр. 150.

[37] Раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге в 1959 г.

[38] П 555, 663, 668, 737, 1013, 1033, 1037, 1155, 1257, 1373, 1386, ПС 585, 770, 982, 915, 1079, 1551; ПСК-146, 333, 530, ПК 1195, 1212, 1236, 1267.

Пояса как мягкие (в нескольких случаях с вышивкой), так и плотные ременные, аналогичные псковским, найдены в Новгороде, Ополе, Гнезно[39].

К поясам прикреплялись кошельки, ножны и кожаные футляры.

Футляры. В Псковской коллекции имеется семь различных футляров[40]. Небольшой (длина 7,5 см) клиновидный футлярчик из сложенного вдвое куска кожи с закрывающим его сверху клапаном. Сшит сбоку через край. Узкий ремешок, прикрепленный к краю клапана, пропущен через две прорези. В таком футляре могли хранить шило или иглы (рис. 10, *5*).

Второй футлярчик в форме неправильного пятиугольника выкроен из двух одинаковых половин (размером 5 × 8 см). Верхний край имеет форму треугольника, к вершине которого прикреплен ремешок (рис. 10, *9*). Обе половины сшиты выворотным швом.

Два других футляра четырехугольной формы с закрывающимися клапанами выкроены из одной полосы кожи. Боковые швы прямые, снабжены кожаными обшивками (рис. 10, *8*). Такие футляры могли служить для хранения в них двухсторонних костяных гребешков[41].

Три других футляра по форме напоминают ножны. Один из них представляет собой согнутую пополам (длина 19 см) полосу плотной кожи. Верхний край срезан прямо; немного отступя от края — три выреза (рис. 10, *7*).

Другой конусовидной формы (верхняя часть 8 см, нижняя 2,5 см, длина 18 см). Выкроен он из одного куска кожи. Шов сзади, по центру, выворотный. Верхняя часть в форме треугольника, на вершине которого след от петли, нижний край срезан прямо и не сшит (рис. 10, *6*). Футляр из Новгородской коллекции повторяет форму и размеры псковского клиновидного футляра[42].

Третий футляр имеет удлиненную клиновидную форму. Выкроен он из одного куска кожи; сшит сзади прямым наружным швом. По форме и размерам (длина 24 см) этот футляр напоминает ножны для длинного ножа-стилета.

Кошельки. В Псковской коллекции имеются остатки восьми кошельков[43]. Один кошелек, четырехугольный, сделан из сложенной вдвое полосы мягкой кожи (размером 10 × 15 см). С одной стороны сшит через край, с другой — в две строчки. У верхнего края продёржка (рис. 10, *11*).

Пять других кошельков имеют грушевидную форму (размером 6 × 4 см; 10 × × 11 см) и выкроены из двух одинаковых кусков сшитых выворотным швом; по верхнему краю продёржка (рис. 10, *12*). Грушевидной формы кошельки, кроме Пскова, найдены также в Новгороде и Москве[44].

Два кошелька сложной формы, выкроенные из цельного куска мягкой тонкой кожи, имеют клапаны. Эти кошельки сшиты выворотным швом и украшены тисненым узором по всей поверхности. На клапане и на самом кошельке в месте прикрепления замочков сохранилась железная ржавчина (рис. 10, *10*).

Ножны. В Псковской коллекции имеются остатки 19 ножен[45]. Среди них — короткие клиновидные ножны из плотной кожи без отделки и длинные, большей частью, из мягкой кожи тоже клиновидной формы ножны с тщательной отделкой и богатыми украшениями.

Короткие (длина 11—12 см) ножны выкроены из цельного куска плотной кожи, который перегибался и сшивался сбоку прямым швом (рис. 10, *16*). Такие ножны надевали на лезвие.

Длинные ножны (длина 17,5—19 см) расширяются к рукоятке четким уступом или плавно. Кроились они из цельного куска кожи. Шов не только скреплял ножны, но и украшал его. Поэтому у одних он простой, нитяной, у других проплетен кожаным ремешком, у третьих скреплен медными

---

[39] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 221; W. Hołubowicz, ук. соч., стр. 139—140, рис. 54; J. Kostrzewski, ук. соч., стр. 12.

[40] П-697, 889; ПС-475, 683, ПК-1127, 1230, ПВ-366.

[41] Аналогичные футляры встречаются среди новгородских находок. С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 219, рис. 11, *7—9, 11*.

[42] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 217, рис. 10, *2а 2б*.

[43] П-435, 615; ПС-400, 628; ПК-1004; ПВ-275, 383, 542.

[44] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 218, рис. 11, *10*. А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. КСИИМК, вып. 79, М., 1960, стр. 78, рис. 36, *8*.

[45] П-717, 726, 1285, 1365; ПС-511, 512, 1225, 1316, 1347; ПК-800, 947, 1067; ПВ-236, 353, 379, 390, 397, 433 (2 экз.).

заклепками (рис. 10, *17—19*). Более тщательная отделка характерна для ножен из тонкой кожи, покрытых тисненым узором в виде косых клеток и с вышивкой на боковом шве. Для плотности в шов прокладывалась береста (рис. 10, *13—15*).

В Новгородской коллекции имеются ножны как короткие без отделки, так и длинные с богатой отделкой [46]. В Рязани найдены ножны короткие, сшитые кожаным ремешком [47].

Мячи. Они сшиты из двух кружков и полоски [48]. Для набивки употреблялась овечья шерсть. Псковские мячи аналогичны новгородским [49].

Шорные изделия. Предметы конской упряжи (седла, уздечки и др.) изготовлялись из плотной кожи; пришедшие в негодность использовались для починки других изделий. Шорные изделия, найденные в Пскове, представляют собой бесформенные кожаные полосы и ремни разной ширины, скрепленные между собой ремешками или толстыми нитями (П-434, 663; ПС-629, 1163). Имеется также часть плетки, сплетенной из узких ремешков (ПС-629). Аналогичные вещи были найдены в Переяславле-Рязанском и Ополе [50].

Большинство кожаных изделий Псковской коллекции имеет прямое отношение к костюму горожан. Наряду с обувью, шапками, рукавицами непременной деталью древнерусского костюма является поясной набор, в который входил пояс с прикрепленными к нему ножнами, кошельками и футлярами для хранения в них шильев, иголок, гребешков и др.

Приемы изготовления и украшения кожаных изделий XI—XIV вв. те же, что и для обуви: та же крупнодетальность в покрое, те же швы (прямые, выворотные, тачные, через край), вышивка швом «веревочкой» и др. Вероятнее всего, в XI—XII вв. еще не было мастеров, специализирующихся на изготовлении какого-либо одного вида мелких кожаных изделий, что, — как это известно по писцовым книгам, — имело место в XV—XVI вв., а все мелкие кожаные изделия изготовлялись сапожниками.

Кроме самих кожаных изделий XI—XIV вв., в Пскове найдены инструменты, с помощью которых их изготовляли. При расчистке избы сапожника XII—XIII вв. была найдена деревянная доска (П-1429) для раскроя на ней кожи. Она неправильных очертаний (37,5 × 35 × 2 см); поверхность ее испещрена перекрещивающимися во всех направлениях глубокими порезами. По форме и размерам эта сапожная доска соответствует тем, которые употребляли ремесленники-кустари в недавнем прошлом. При работе сапожник клал доску себе на колени. При таком способе раскроя необходимы были широколезвийные ножи торцового резания, известные из находок в Новгороде [51]. В Пскове широкие ножи пока не найдены.

В слоях XI—XIII вв. найдены прямые железные овальные, ромбовидные и прямоугольные в сечении шилья (ПС-335, 337; ПСК-86).

Сапожные колодки XII—XIV вв. очень примитивны. Такие колодки-правила годились только для изготовления обуви, формующейся простым способом, без затяжки.

Наличие большого количества отходов от раскроя в раскопе 1954 г., у Дома связи на Советской площади, в раскопах 1955, 1958, 1959 гг. у здания старой почты на Советской улице, и в котлованах на углу Пушкинской и Октябрьской улиц, а также на улице Ленина, позволяют высказать предположение, что в XI—XIV вв. сапожники жили главным образом в Старом Застенье.

В это время в условиях увеличения запросов растущего населения города и его окрестностей сапожное дело в Пскове становится самостоятельной отраслью городского ремесла, что находит отражение в массовости продукции, в постепенной стандартизации форм и в единстве приемов кроя и пошива обуви. Все эти явления характерны для развития сапожного ремесла не только в Пскове, но также в Новгороде, Гродно, Москве, Белоозере, Вологде и других городах древней Руси.

[46] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 216, рис. 10, *3—8*.

[47] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 177, рис. 66.

[48] ПК-351 (целый); П-258, 473, 1172; ПС-425; ПСК 333; ПВ-272, 386.

[49] С. А. Изюмова, ук. соч., стр. 216, рис. 9.

[50] А. Л. Монгайт, ук. соч., стр. 176—177, рис. 65—66; W. Hołubowicz, ук. соч., стр. 138.

[51] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, М., 1959, стр. 55—56, рис. 43, *Б*.

О. К. ДАВИДАН

ГРЕБНИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Среди древних предметов, найденных при раскопках Староладожского городища, значительное место занимают изделия из кости и рога, связанные со строительными горизонтами с VII—VIII вв. по XVI - XVII вв.[1]

Наиболее яркую и многочисленную группу костерезных изделий составляют гребни из рога лося: их в коллекции 125 целых или в обломках[2]. Они не одинаковы по форме, конструкции и характеру орнаментации.

Выделяются две группы: гребни односторонние и двусторонние.

Односторонние гребни имеются наборные (89 экз.) и цельные (4 экз.). *Наборные гребенки* составлены из 6—8 пластин с зубьями, соединенных посредством металлических штифтов с двумя дугообразными накладками. Лицевая сторона накладок орнаментирована. Односторонние наборные гребенки по размерам, пропорциям, форме накладки, орнаменту и некоторым приемам изготовления можно разделить на две группы

К первой группе относятся большие нарядные гребенки с широкими накладками, украшенными кружками и плетенкой (рис. 1—2, 3, *1—3*). Гребенок первой группы насчитывается 58; из них 21 целая или в крупных обломках, позволяющих восстановить форму, орнамент и размеры всего изделия.

Основные размеры односторонних гребенок первой группы различны (табл. 1).

Наиболее часто встречаются гребенки длиной 19—21 см. Ширина накладок в большинстве случаев равна 2—2,5 см, толщина 4 мм.

Основными элементами орнамента являются кружки с точкой в центре и глубокие бороздки. Сочетания кружков образуют треугольники, кресты и изящный S-образный узор. Очень часто встречается орнамент из поперечных бороздок, чередующихся с вертикальными рядами кружков. Как правило, накладки оконтурены по краю двойными бороздками. Пластины с зубьями соединены с накладками железными штифтами.

Все гребенки первой группы найдены в нижних слоях городища. Четыре гребенки обнаружены в горизонте e_3. Одна из них (ЛДГ-507, рис. 1, *2*) в осушительной яме,

---

[1] В настоящей статье принимается стратиграфическая схема В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова, по которой культурные напластования делятся на горизонты *а* и *б* (верхний слой), *в* (XVI—XVII вв.), *г* (XI—XV вв.), *д* (IX—X вв.) и *е* (VII IX вв) Горизонт *е* делится, в свою очередь, на e_1, e_2, e_3, где самым древним является e_3 (VII—VIII вв.). В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, М. — Л., 1949, он же. Старая Ладога, часть II, СА, XII, М. — Л., 1950; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV, М. — Л., 1950.

[2] В статье использованы материалы Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР 1938—1940, 1945, 1947—1950, 1957—1959 гг. под руководством В. И. Равдоникаса. Материалы хранятся в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа — описи: 12 и 13 (раскопки 1938 г.), 16 (1939 г.), 17 (1940 г.), 18 (1945 г.), Л (1947 г.), СЛ (1948 г), ЛА (1949 г.), ЛС (1950 г.), ЛГ (1957 г.), ЛД (1958 г.), ЛДГ (1959 г.).

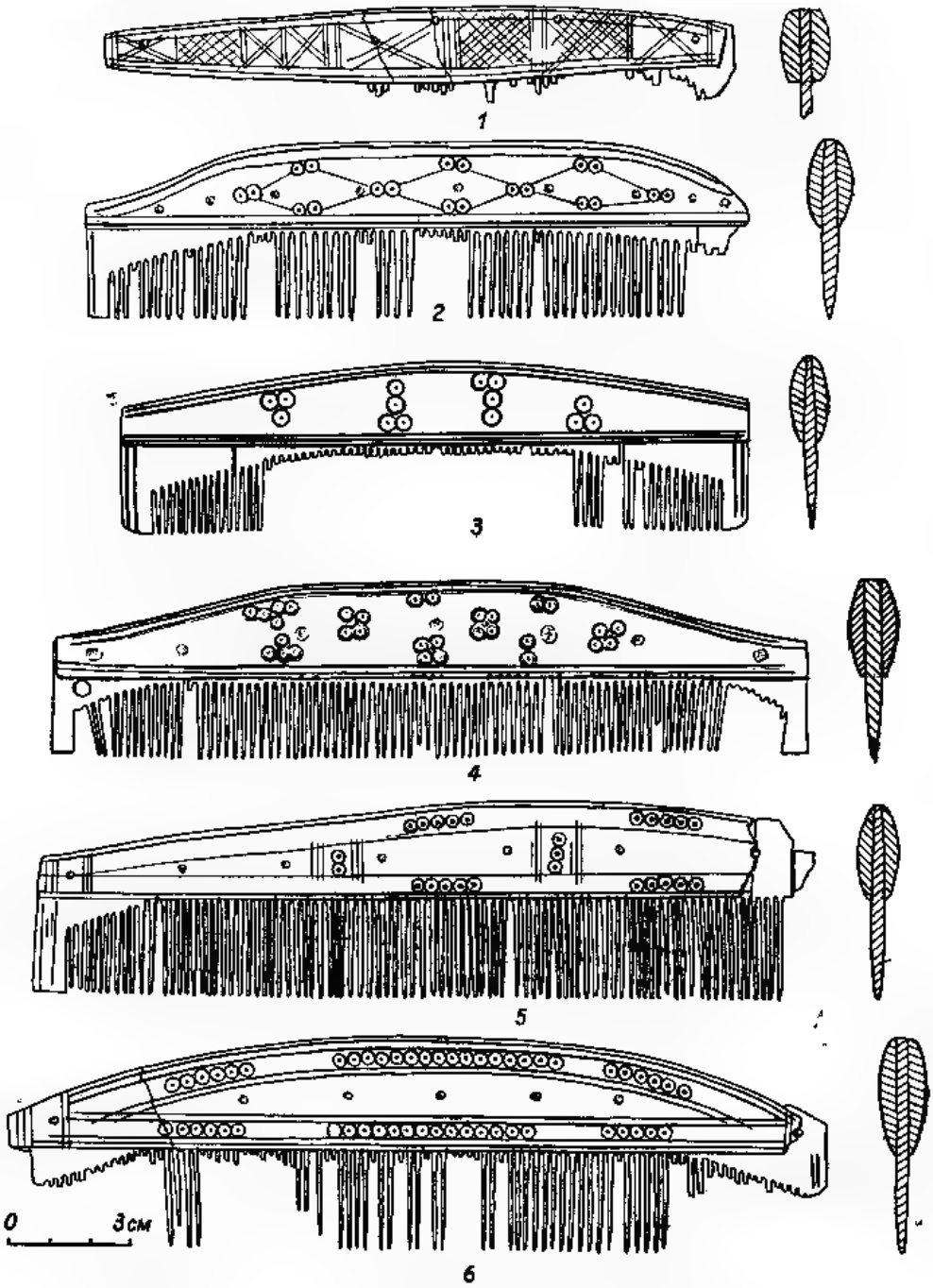

Рис. 1 Односторонние составные гребенки из горизонта e_3 и e_2.

вырытой в материке, на глубине свыше 2 м.[3] Накладка этой гребенки украшена ромбами из тонких линий с парными кружками по углам; скрепляющие штифты расположены дугообразно по середине накладки. Остальные три гребенки (ЛС-1918, ЛС-1915,

[3] Все глубины даны от постоянного репера — плиты в восточной стенке раскопа, находящегося на 0,60 м ниже современной поверхности. Яма сверху была перекрыта слоем лавоза с включением щепы, характерным для всей площади раскопа на нижнем горизонте, выше этого слоя, на глубине — 1,24 1,29 *м* зафиксирован горелый слой, прослеженный на всей площади горизонта e_2. Таким образом, данные стратиграфии подтверждают принадлежность гребенки к нижнему горизонту и исключают вероятность попадания ее из вышележащих слоев.

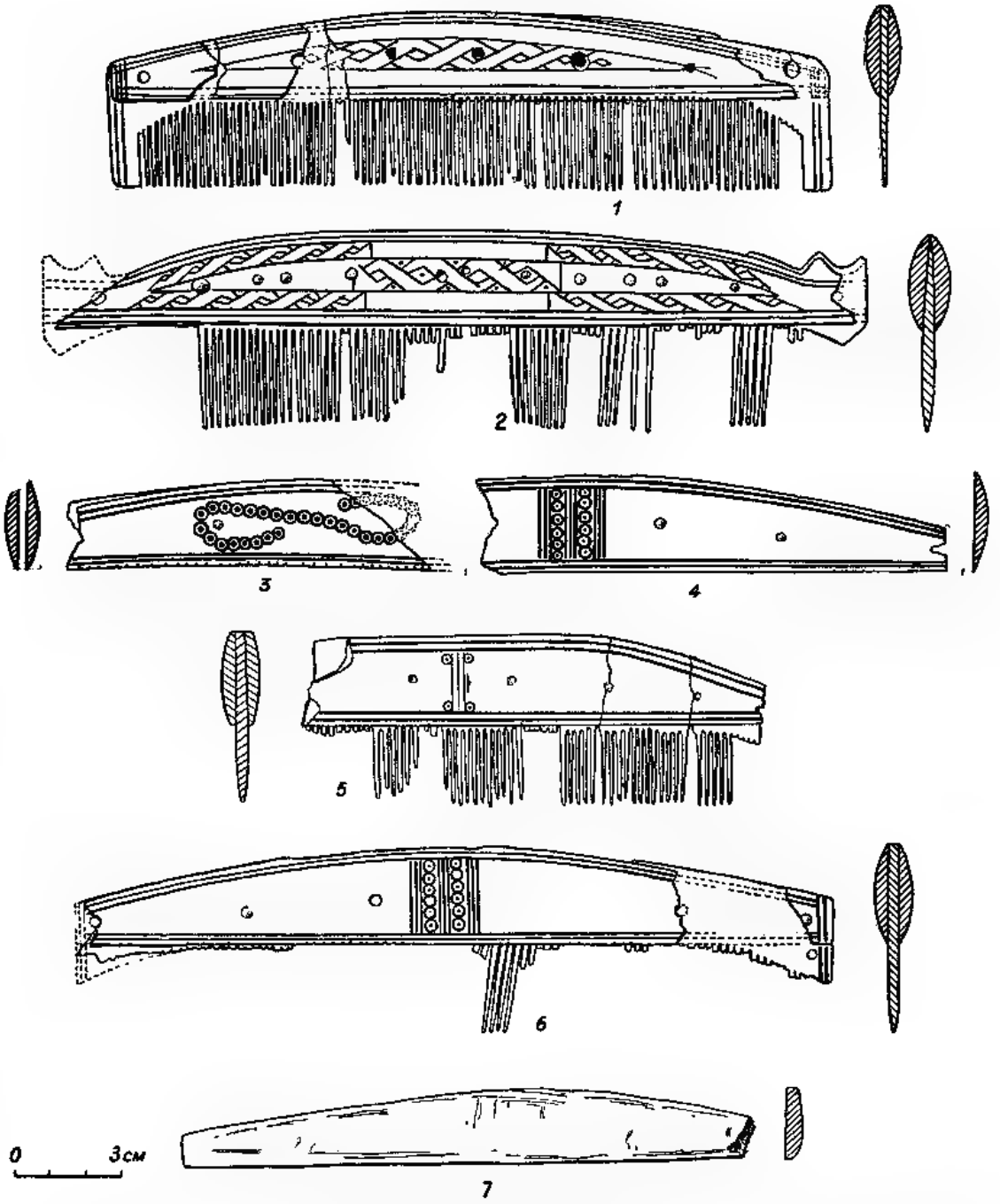

Рис. 2. *1—6* — односторонние составные гребенки из горизонта e_1 и д; *7* — заготовка накладки гребенки из горизонта e_2.

ЛС-1984 рис. 1, *3—4*), горизонта e_3[4] украшены узором из кружков с точкой и двойными бороздками. Узор на разных сторонах не одинаков и в двух случаях асимметричен. Кроме указанных выше четырех гребенок, в постройке на материке была найдена еще одна совершенно своеобразная гребенка (ЛДГ-413, кв. $Р_{XI}$, глубина 2,18 м;

[4] Гребенка ЛС-1918 (кв. $Т_9$, глубина 1,45—1,60 м) найдена на 20—30 см ниже остатков строительных сооружений горизонта e_2, ЛС-1915 (кв. $Т_{10}$, глубина 1,60—1,71 м) — на 30—40 см ниже настила постройки e_2, ЛС-1984 (кв. $П_{10}$, глубина 2 м) — в основании культурных напластований

ТАБЛИЦА 1

Длина гребенок первой группы, см	Ширина гребенок, см	Ширина накладок, см	Толщина накладок, мм	Количество
15—15,5	4—4,4	1,9—2,3	4—4,5	4
16,5—17	4—4,2	1,8	2,5	1
		2,1 и 2,2	4	2
19—19,5	4,5—5	2—2,5	2,5 и 3	2
			3,5	1
			4	5
20—21	5—5,3	2,5—2,8	4	2
			4,5	1
22,5	5,4	2,7	5	1
23	5,5	2,4	4	1
25,5	4,8	2,4	4	1
				21

рис. 1, *1*), близкая к ним по размерам (длина 15,5 см, ширина накладки 1,9 см, толщина накладки 4,5 мм), но отличающаяся по форме накладки и по орнаменту. Накладка дугообразная как с верхнего, так и с нижнего края. Украшена необычным для гребенок этого времени геометрическим орнаментом в виде сетки и косых крестов. Орнамент не одинаков с разных сторон гребенки и асимметричен с каждой стороны. Гребенка выделяется среди других грубостью отделки. В постройке вместе с этой гребенкой была найдена скандинавская скорлупообразная фибула ранней формы, по-видимому, VII в. (ЛДГ-403), что датирует весь комплекс, в который входит эта гребенка, временем не позднее VIII в.[5]

Две гребенки и обломок перегоревшей накладки найдены в горизонте e_2. Одна из этих гребенок (ЛДГ-279, кв. $Н_{XI}$, глубина 1,42 м, рис. 1, *6*) — в постройке, расположенной ниже горелого слоя горизонта e_2, вторая (ЛДГ 361, кв. $С_{XIII}$, глубина 1,63 м) и обломок третьей (ЛДГ-230, кв. $Р_{XIII}$, глубина 1,48—1,54 м) — в горелом слое. Все гребенки украшены обычным орнаментом из кружков и бороздок. В горизонте e_1 найдена одна целая гребенка (ЛДГ-52, кв. $Н_{XII}$, глубина 1,30—1,45 м, рис. 2,*5*) и две срединных пластинки с зубьями (ЛДГ-50, СЛ 1194). Около сорока гребенок первой группы найдено в горизонте *д* и в постройках X—XI вв. Гребенки горизонта *д* отличаются от ранних образцов тем, что орнамент на них четкий, симметричный и выполнен более совершенно. Узор чаще всего занимает только центральную часть накладки и состоит из вертикальных бороздок и кружков, расположенных вертикальными рядами (11 экз.); встречается также S-образный узор из кружков (3 экз.) и орнамент в виде плетенки (4 экз.). Некоторые гребенки украшены группами кружков (4 экз.). В двух случаях встречен геометрический узор в виде косой клетки. Три гребенки (13-4412, Л-136, Л-1917) с плетеным орнаментом интересны тем, что для их украшения применена черная краска, заполняющая бороздки орнамента[6]. Кроме отличий в орнаментации, несколько гребенок из горизонта *д* отличаются оформлением накладок. Концы их снабжены одним или двумя верхними выступами[7]. Выше слоя XI в. большие односторонние гребенки не встречены.

Из приведенных данных видно, что гребенки первой группы бытовали в Ладоге с VII—VIII до XI в. Сравнительный материал не противоречит этой датировке. На территории расселения восточных славян найдено несколько подобных гребенок. Так,

[5] В. И. Равдоникас. Отчет Староладожской экспедиции ИА АН СССР. 1959 г., стр. 33. Рукопись отчета хранится в Государственном Эрмитаже.

[6] По данным анализа, произведенного в химической лаборатории Государственного Эрмитажа И. Л Ногид, масса, заполняющая бороздки, представляет собой уголь (вероятно жженую кость) без следов связующего вещества. Применение краски для заполнения орнамента на гребенках известно по находкам в Гнездовских курганах, где использовалась желтая паста и на гребенке из Хайтабу, где в состав пасты входили смола (из хвои и, вероятно, березовой коры). В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб, 1902, стр. 54; H. Jankuhn Die Ausgrabungen in Haithabu. Berlin - Dalem, 1943, стр. 150—151.

[7] Г. Янкун при описании подобных гребенок из Хайтабу отмечает, что концы накладок оформлены в виде головки зверя. H. Jankuhn, ук. соч., стр. 150—154, рис. 75, *a*.

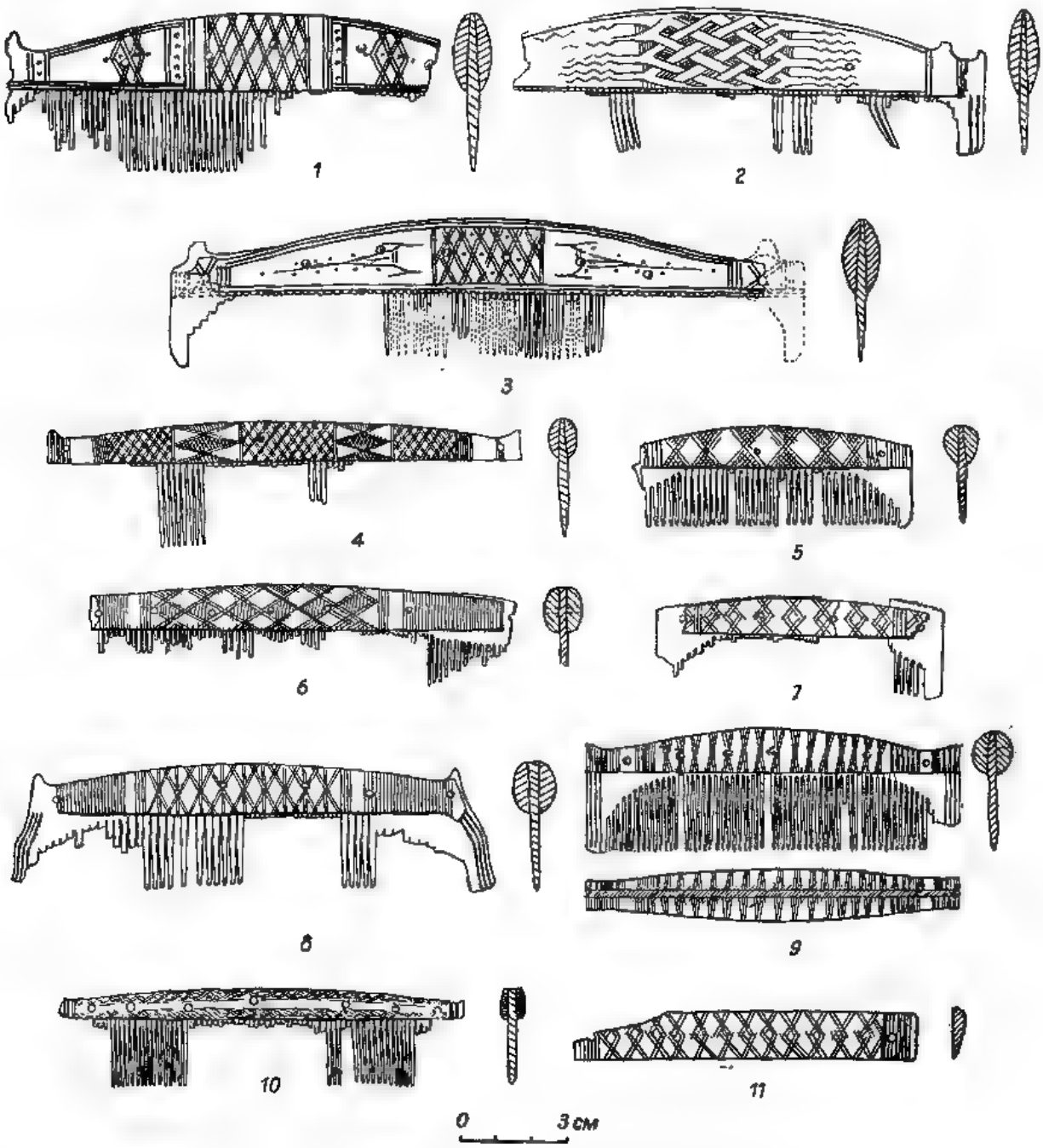

Рис. 3. Односторонние составные гребенки из горизонта д.

обломки гребенки с плетенкой найдены в Гнездове; гребенка, близкая ладожской, известна из нижнего слоя Новгорода[8]. Находки больших односторонних гребенок из Сарского городища, Камно, Пскова, к сожалению, не связываются с датированными комплексами[9]. Наиболее близкие и полные аналогии гребенкам первой группы дают материалы могильника Бирка в Швеции (IX—X вв.). Гребенки такого типа встречены

[8] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, табл. VI, 4, 5; гребенка из Новгорода не опубликована.

[9] Д. Эдинг. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, табл. IV, 9; С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 24, 5; С. А. Тараканова Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956 рис. 21.

также и в других памятниках этого времени в Швеции и Норвегии, на островах Северной Атлантики (Фризских, Оркнейских, Шетландских островах), в Германии и Польше[10]. Близкие формы гребенок встречаются в Западной Европе и в более раннее время[11]. Сходство ладожских образцов с западноевропейскими гребенками VI—X вв. свидетельствует, по-видимому, о том, что появление этих гребенок в Ладоге явилось результатом связей с Западной Европой. Вопрос о происхождении форм ранних гребенок нельзя смешивать с определением места их изготовления. В нижних горизонтах Старой Ладоги (e_2 и e_3) найдены куски рога, использованные для выпиливания пластин, и заготовка накладки большой гребенки (рис 2, 7). Эти находки указывают на то, что если не все, то какая-то часть составных гребенок VII—IX вв. изготовлялась в Ладоге.

Вторая группа гребенок (рис. 3, *4—11*) представлена 31 экземпляром. Эти гребенки отличаются от образцов первой группы меньшими размерами и иными пропорциями — накладка у них узкая, выпуклая; длина зубьев больше ширины накладки (см. *табл. 2*). Накладка часто снабжена верхними выступами; характерен резной геометрический орнамент в большинстве случаев заполняющий всю поверхность накладки. Наиболее часто встречаются ромбы, выполненные двойными линиями, иногда усложненные штриховкой верхних и нижних треугольников. В единичных случаях ромбы сочетаются с кружками. Несколько гребенок украшены только поперечными врезанными линиями на концах накладок. Имеются также гребенки без орнамента. Накладки гребенок второй группы соединены бронзовыми, реже железными штифтами. У одной из гребенок (ЛГ-719) для скрепления применены одновременно железные и бронзовые штифты.

К описываемой группе должна быть отнесена также одна гребенка с бронзовыми

ТАБЛИЦА 2

Длина гребенок второй группы, см	Ширина гребенок, см	Ширина накладок, см	Толщина накладок, см	Количество
8—8,5	2,4—2,7	1—1,3	3,5—4	3
10—10,5	2,8—2,9	1,1 и 1,3	3,5 и 4	2
		1,5	7	1
11—11,5	2,9—3,5	0,9—1,3	4,5 и 5	2
			2,5 и 3	2
		1,5	3	1
	3,7—4	1	4,5	1
		1,5	3,5 и 4	2
13,2	3,4	1,1	3,5	1
15	3,5	1,1 и 1,2	4	2
16,2	4,1	1,7	5,5	1

накладками (СЛ-1659, рис. 3, *10*). Накладки по форме повторяют роговые: они полуовальные в сечении (ширина 0,9 см, толщина 2,5 мм) с верхними выступами на концах. Орнамент литой в виде двойного жгутика; на накладках 7 отверстий, через которые проходили скрепляющие штифты.

Для предохранения зубьев гребенки иногда снабжались откидными или съемными футлярами. В староладожской коллекции имеется одна гребенка с целым футляром, составленным из четырех полуовальных в сечении пластинок. Накладки гребня и пластинки футляра украшены зигзагообразными линиями и поперечными нарезками[12]. Кроме того, в Старой Ладоге найдены части двух футляров в виде пластинок, украшенных обычным геометрическим орнаментом (СЛ-260, СЛ-398, рис. 3, *11*). Можно предположить, что по крайней мере еще две ладожские гребенки имели футляры, так как на боковых пластинках этих гребенок ниже накладки имеются

[10] H. Arbman. Birka I, Tafeln. Uppsala, 1940, т. 1, табл 159, 160; K. Wilde. Die Bedeutung der Grabung Wollin 1934. Stettin, 1939, стр. 72—74, табл. V, *35*, 36; H. Jankuhn, ук. соч., стр. 150—161 (библиография)

[11] W. Schulz. Vor- und frühgeschichte Mitteldeutschlands. Halle, 1939, рис. 260; Max Chlingensper-Berg. Gräberfeld von Reichenhall in Oberbayern. Reichenhall, 1890, табл. XIX; H. Stoll. Die alamannen Gräber von Hailfingen in Württemberg Berlin, 1939, табл. 22, *16*.

[12] W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 22, рис. 9, *e*

отверстия, вероятно, от шарнира (ЛГ-568, ЛД-282).

Все гребенки второй группы связываются с горизонтом *д*, причем 15 гребенок — с определенными комплексами этого горизонта. Так, например, 4 гребенки найдены при расчистке построек 2 *абв*, залегающих непосредственно одна над другой (раскопки 1957—1958 гг.), вместе с гребенкой первой группы (ЛД-78, ЛД-79, ЛГ-560, ЛГ-623, ЛГ-820, кв. PC_{V-VIII}, T_{VI-VII}, глубина 0,65—0,75 м). Две гребенки — в постройке 3*а* 1957 г. (ЛГ-719, ЛГ-733, кв. H_X, $OП_{IX-XI}$, P_{IX-X}, глубина 0,50—0,70 м). Три гребенки найдены вместе с большой гребенкой первой группы; они связаны с центральным комплексом X—XI вв., исследованном в 1949 г. (Ла-315, Ла-524, Ла-514, Ла-468, постройка с настилом между линиями H_6—T_5 и H_{11}—T_{10}, глубина 0,70—1,0 м) [13].

Находки односторонних гребенок разных групп в одном комплексе указывают на одновременное бытование в пределах определенных хронологических рамок (IX—XI вв.). Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что там, где горизонт *д* можно стратиграфически разделить на нижний и верхний (с включением двух построек X—XI вв.), в нижнем слое преобладают гребенки первой группы (13 гребенок первой группы и 3 гребенки второй группы), а в верхнем — гребенки второй группы (3 гребенки первой группы и 8 гребенок второй группы). В более поздних слоях гребенки второй группы не найдены.

Гребенки такого типа, какие мы относим ко второй группе, встречаются в Западной и Восточной Европе в памятниках IX—XI вв. Они известны в курганах с трупосожжением близ Старой Ладоги (IX—X вв.), в Гнездовских курганах, в курганах Южного Приладожья, в Михайловском могильнике, на городище Крохино, близ Белозерска, в могильнике на Белом озере, в кургане у села Челмужи, в Пскове, на Сарском городище, во Владимирских курганах, в Люцинском могильнике, в Киеве, в Чернигове [14]. Большая коллекция подобных гребенок собрана при раскопках Неревского конца в Новгороде [15]. Аналогичные гребенки встречены в большом количестве в Швеции (Бирка), в Польше и Германии [16]. В Гнездове и Новгороде (слой X в.) найдены также костяные гребенки с бронзовыми накладками, аналогичные ладожской [17].

Односторонние цельные гребни. Их в коллекции четыре: один повторяющий по форме составные гребни второй группы (18-2694, рис. 4, *2*) и три фигурных гребня. Высокая ажурная спинка одного из фигурных гребней оформлена в виде фигур борющихся медведей. Ниже расположен резной узор из заштрихованных геометрических фигур [18]. Этот гребень стилистически очень близок к гребню из Владимирских курганов и напоминает фигурные гребни с высокой спинкой из Псковского Кремля и городища Камно [19]. Почти полностью аналогичен гребням из Камно другой фигурный гребень с ажурной спинкой, со стилизованными изображениями двух лебедей (17-1529, 1530, рис. 4, *1*). Нижняя часть гребня утрачена. В верхней части имеется отверстие для подвешивания. Кроме двух вышеописанных фигурных гребней в Старой Ладоге найден незаконченный экземпляр

[13] Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1949 г. Архив ЛОИА АН СССР, дело № 48/1949; В. И. Равдоникас. Отчеты Староладожской экспедиции за 1957, 1958 гг. Архив ЛОИА, дело № 10/1957 и № 2/1958.

[14] Люцинский могильник. МАР, № 14. СПб., 1893, табл. VIII, *4*; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895, табл. V, *3*; Д. Н. Эдинг, ук. соч., табл. IV, *8*, *11—13*; Я. В. Станкевич. К вопросу о этническом населении Ярославского Поволжья в IX—X столетии. МИА, № 6, Л., 1941, рис. 2, *7*, *11*, *13*; С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 26; В. А. Богусевич. Археологические раскопки в Чернигове в 1949 г. и 1951 г., Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, 1955, табл. 1, 2; М. К. Каргер. Древний Киев, М. — Л., 1958, т. I, табл. VI, *1*, *2*; Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА, 1, 1961, рис. 7; W. J. Raudonikas, ук. соч., рис. 45, 115. Государственный Эрмитаж — Коллекция 1553 (Челмужи), опись 65 (материалы Невской экспедиции 1952 г.), опись 5 (городище Крохино).

[15] Б. А. Колчин. Топография Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, табл. 10, стр. 126, он же. Хронология новгородских древностей. СА, № 2, 1958, рис. 6, стр. 101.

[16] H. Arbman. Ук. соч., табл. 161—165; K. Wilde, ук. соч., табл. V, *5—9*, *16—19*, *25—27*; H. Jankuhn, ук. соч., рис. 75, 76.

[17] Б. А. Колчин. Топография Неревского раскопа, стр. 126; В. И. Сизов, ук. соч., рис. 50, стр. 89.

[18] Подлинник утрачен. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, М., 1949, рис. 33, *1*.

[19] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Археологической комиссии, вып. 15, 1905, рис. 377; С. А. Тараканова. Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, М., 1956, рис. 21; С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, М., 1949, рис. 39, *18*.

подобного гребня (СЛ 798, рис. 4, *3*). На широкой пластинчатой спинке с одного края схематически намечена птичья голова, с другого края имеется глубокая ямка, которая, по-видимому, вырезана на месте глаза предполагавшейся второй птичьей головы. В верхней части гребня имеется отверстие.

Фигурные гребни с высокой спинкой служили, вероятно, для украшения прически, и их бытование одновременно с наборными гребенками объясняется различным их назначением.

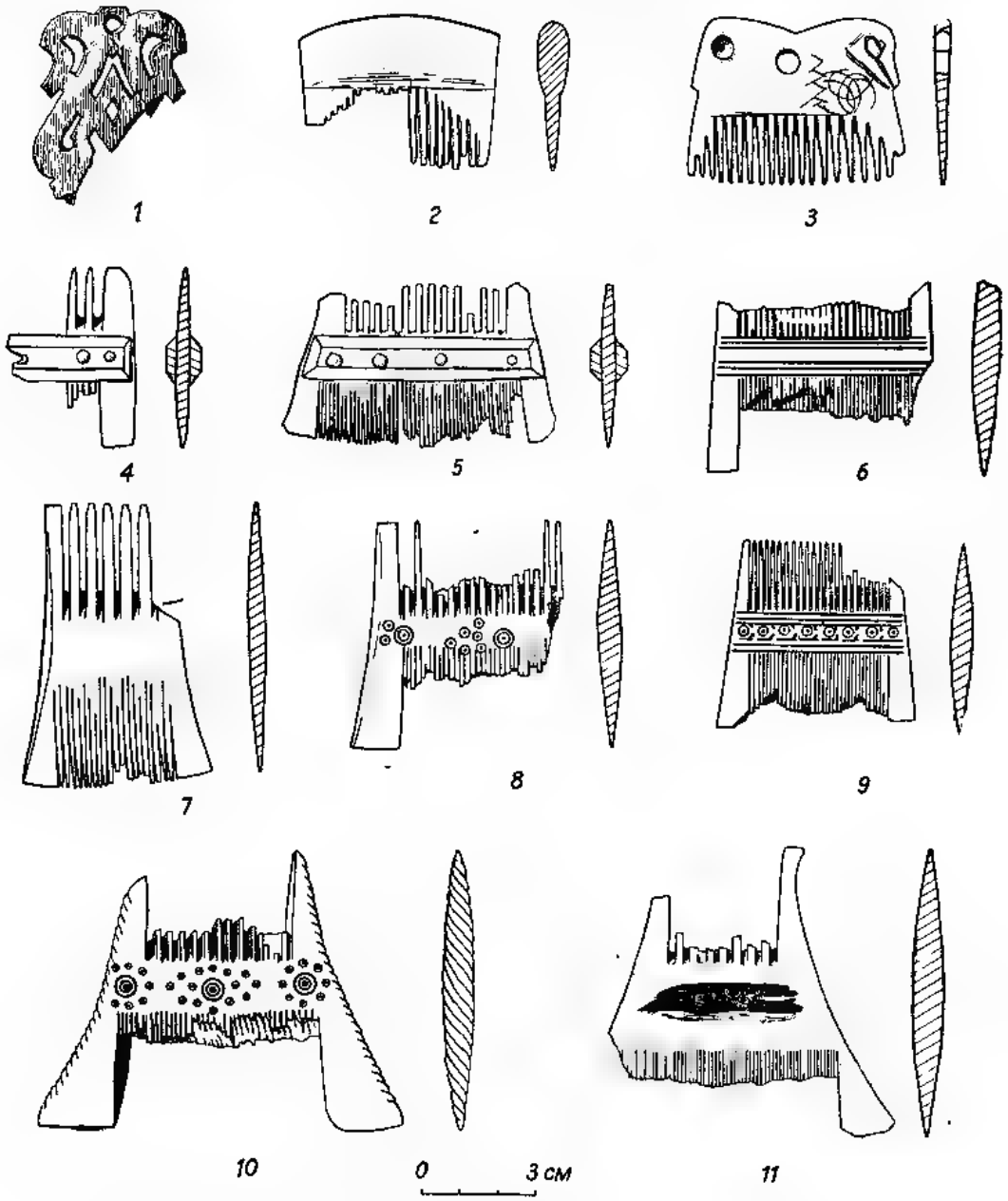

Рис. 4. *1—3* — односторонние цельные гребни из горизонта д; *4—11* — двусторонние гребни из горизонта г.

Двусторонние гребни (рис. 4, *4—11*). Всего в Старой Ладоге найдено 18 двусторонних гребней. Они также по конструкции делятся на составные и цельные

а) Составные гребни (2 экз., рис. 4, *4—5*) изготовлены из двух пластин с зубьями,

скрепленных бронзовыми штифтами с двумя поперечными накладками, трапециевидными в сечении. По форме гребни различны — один прямоугольный, второй — трапециевидный.

б) Цельные гребни (16 экз.); один из них прямоугольный, остальные пятнадцать — трапециевидные. Трапециевидность иногда лишь слабо выражена, иногда же верхняя часть (с редкими зубьями) в два раза уже нижней. Многие гребни (10 экз.) орнаментированы поперечными врезанными линиями у основания зубьев или кружками. В двух случаях гребни украшены и линиями и кружками (рис. 4, *9*).

Все двусторонние гребни найдены в горизонте *г* (XI—XV вв.) Выделить из них более ранние и поздние типы по материалам Старой Ладоги не представляется возможным, так как только два гребня (ЛГ-358, ЛГ-502) найдены вместе с шиферными пряслицами и стеклянными браслетами и поэтому могут быть датированы XI—XII вв., а все остальные датируются менее точно — в пределах XI—XV вв.

Двусторонние гребни, подобные староладожским, встречаются в большом количестве при раскопках всех древнерусских городов. Так, в Новгороде двусторонние гребни различных типов появляются с конца X в. и бытуют до конца XIV в.[20] В Пскове находки двусторонних гребней отмечены для слоев XI—XIV вв.[21]

На основании стратиграфических данных, все гребни Старой Ладоги распределяются по горизонтам следующим образом (см. *табл. 3*).

ТАБЛИЦА 3

Горизонт	Односторонние			Двусторонние	
	Составные		Цельные	Составные	Цельные
	Первая группа	Вторая группа			
г (XI—XV вв.)				2	16
д (IX—X вв.) и слой X—XI вв.	42	31	4		
$е_1$ (IX в.)	3				
$е_2$ (VIII—IX вв.)	3				
$е_3$ (VII—VIII вв.)	5				
Неопределенный слой	5				

Для горизонта *е* характерны только большие односторонние гребенки (первая группа). Эта же форма гребенок остается преобладающей в горизонте *д* наряду с появившимися здесь гребенками второй группы. С горизонтом *д* связываются также находки фигурных гребней с высокой спинкой. В горизонте *г* единственной формой гребней являются двусторонние.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГРЕБНЕЙ

В староладожской коллекции насчитывается 438 роговых заготовок и кусков рога со следами обработки (табл. 4), подавляющая часть которых найдена в горизонте *д* (305 экземпляров). Из общего количества заготовок этого горизонта сохранились большие куски рога с отпилами, представляющие собой сырье для костерезных работ (64 экземпляра), пластинки, предназначенные для составных гребенок (51 экземпляр), и заготовки двух накладок для них. Кроме того, в большом количестве встречены куски рога с отпилами (152 экземпляра) и отбросы производства — губчатое вещество рога со следами срезов, кончики рогов и маленькие обрезки.

В толще горизонта *е* заготовки встречены в значительно меньшем количестве (горизонт $е_2$ — 8 заготовок, $е_3$ — 1 заготовка). По горизонтам заготовки распределяются следующим образом (см. *табл. 4*).

Изучение многочисленных заготовок на различной стадии их обработки, а также готовой продукции, позволяет восстановить процесс изготовления гребней различных форм.

[20] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, рис. 5—6, стр. 100—102.

[21] Раскопки Г. П. Гроздилова в 1954—1956, 1959 гг. Материал хранится в Государственном Эрмитаже.

ТАБЛИЦА 4

Горизонт	Заготовки гребней (пластины, накладки)	Куски рога с отпилами	Отбросы производства	Всего
в (XVI—XVII в.)		2		2
г (слой XI—XIII вв.)	15	55	19	89
д (IX—X вв.) и слой X—XI вв.	53	216	36	305
e_1		1		1
e_2	5	3		8
e_3		1		1
неопределенный	6	14	12	32

Как указывалось выше, в Ладоге для изготовления гребней употреблялся только рог лося.

При изготовлении составных односторонних гребенок производили следующие операции.

1. Выпиливание заготовок в виде прямоугольных пластин для зубьев и удлиненных пластин для накладок. 2. Обработка накладок. 3. Нанесение орнамента. 4 Сборка гребенки (соединение накладок со срединными пластинами). 5 Прорезка зубьев.

При выпиливании пластин необходимо было считаться со структурой рога, имеющего различную плотность: поверхностный слой его наиболее плотен и, следовательно, обладает наибольшей прочностью, тогда как внутренняя часть рога пористая и рыхлая. Пластины выпиливались вдоль волокон рога, от поверхности до губчатой средней части можно было выпилить по несколько пластин с разных сторон. В нашей коллекции имеются заготовки, на которых можно сосчитать количество отделенных от них пластин, проследить направление и очередность надпилов (рис. 5, *5, 9*) Прием последовательного отделения пластин от заготовки применялся при распилке больших кусков рога, толщина которых позволяла выпилить больше двух пластин Плоская часть рога распиливалась на всю толщину на куски прямоугольной формы, затем каждый кусок раскалывался по губчатой середине. При дальнейшей обработке пластин губчатое вещество и неровности поверхностного слоя срезались, затем поверхность шлифовалась

Пиление больших кусков рога производилось грубой пилой, дающей запилы шириной 1,5—2,5 мм (табл 5) Такая пила была известна в Ладоге с VII—VIII вв., что подтверждается находкой заготовки с запилами шириной в 2 мм в нижнем слое[22]. Заготовки с запилами в большом количестве встречены также в слое IX—X вв (см. *табл. 5*).

ТАБЛИЦА 5

Горизонт	Ширина запилов на заготовках, мм			
	1	1,5	2	2,5—3
e_3			1	
д	2	9	15	4
Всего	2	9	16	4

Заготовки накладок вырезались и обрабатывались отдельно от срединных пластин. Их обработка представляла собой одну из сложных операций, выполнявшихся при изготовлении гребенок, так как накладки должны были получиться полуовальными в сечении, с правильно очерченным дугообразным верхним краем, симметричными и одинаковыми. После придания накладке соответствующей формы, лицевая поверхность ее сглаживалась и полировалась, очевидно, мехом и кожей, как считает С. А. Изюмова[23]. Для удобства обработки, накладки в некоторых случаях соединялись попарно, вероятно, при помощи деревянных штифтов, вбитых в просверленные отверстия на концах накладок. Такие скрепленные деревянными штифтами накладки от гребенок, аналогичных и синхронных ладожским, были найдены в Хайтабу[24]. На Староладожском городище при

[22] ЛН Д-418 (кв. P_x, глубина 1,82 *м*) Найдена рядом с постройкой на материке Заготовка использована для выпиливания широких пластин для гребня в количестве не менее трех (рис 5, *9*).

[23] С А Изюмова Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр 19

[24] H Jankuhn, ук. соч, стр 148—149

раскопках Н. И. Репникова найдены две парные накладки с просверленными отверстиями на концах, служившие, по аналогии с находкой в Хайтабу, для соединения накладок при их отделке[25] (рис. 5, *2*). Интересно отметить, что на одной из упомянутых накладок частично выполнен резной

При орнаментации накладок применялись различные инструменты, ножи, пилы, резцы, инструменты для нанесения кружкового орнамента.

Для прорези широких бороздок на больших гребенках использовались резцы — двузубый и, реже, однозубый. Двойные бо-

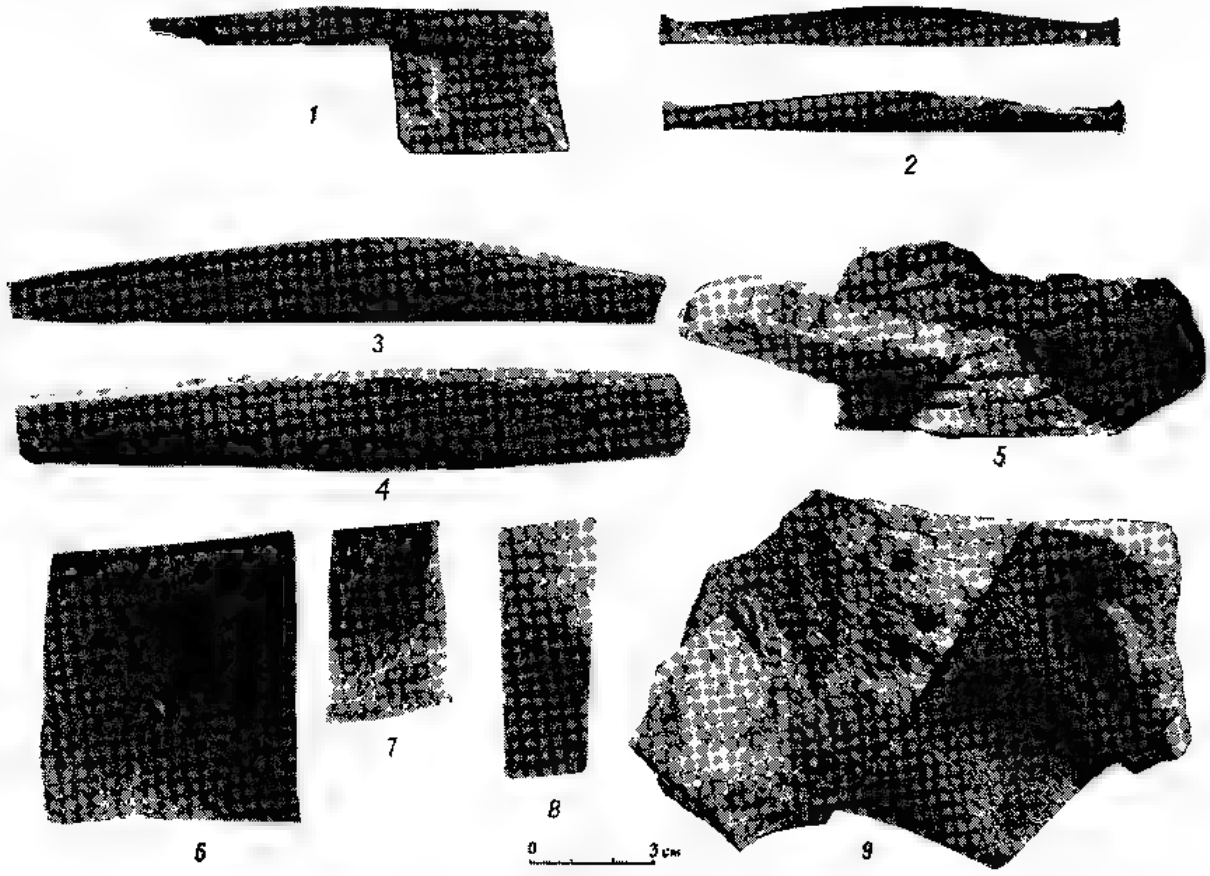

Рис. 5. Заготовки из рога.

геометрический орнамент. На других образцах узор с одной накладки переходит на другую в виде коротких штрихов и зарезов, не задевая верхнего края срединных пластин[26] Это могло произойти лишь в том случае, если накладки при нанесении орнамента были скреплены непосредственно друг с другом еще до соединения их с срединными пластинами. Об украшении накладок до сборки гребня свидетельствует также и то обстоятельство, что орнаментальный узор прорезается отверстиями для штифтов без учета рисунка, нарушая его во многих местах.

[25] Инв № 2790—462. Раскопки Н. И. Репникова, 1910 г

[26] ЛГ-719, ЛГ-623.

роздки на накладках больших гребенок идут на равном расстоянии друг от друга и от края накладки; при смещении одной бороздки соответственно смещается и вторая[27]. Равномерно, в зависимости от силы нажима, изменяется и глубина параллельных бороздок. Следовательно, резец закреплялся на определенном расстоянии от края накладки и поэтому бороздки по дугообразному верхнему краю накладки могли быть проведены точно, не смещаясь к краю или середине. Устанавливается,

[27] ЛД-507, ЛДГ 279. Во втором случае резец сорвался в середине накладки и обе линии круто пошли вверх. Линии в этом месте получились неглубокими и мастер вторичным движением резца исправил данную часть орнамента.

что такие двузубные резцы были различных размеров. Ширина двух бороздок и расстояние между ними составляет 2—3 мм, при ширине каждой бороздки 0,5—1,25 мм. Чаще бороздки на одной гребенке имеют одинаковую ширину, но в некоторых случаях одна бороздка шире другой[28]. По различному сочетанию основных элементов (ширина бороздок, расстояние между бороздками) можно насчитать 12 разных двузубых резцов. Наиболее часто употреблялся резец с лезвиями шириной 0,75 мм при расстоянии между зубьями 0,75—1 мм.

Кружковый орнамент на гребнях наносился при помощи циркульного инструмента. Просмотр кружков на гребнях показал, что на боковых гранях и особенно на дне кружков, четко видны следы вращательного движения резца. Кружки на различных гребнях сильно отличаются по диаметру и ширине ободка (*см. табл. 6*).

ТАБЛИЦА 6

Группа гребней		Ширина ободка кружков	Диаметр кружков в мм							
			1,5	2	2,5—2,75	3	3,5	4	4,75—5	6
Односторонние	Первая группа	0,5					3	1	1	
		0,75—1						13	2	
	Вторая группа	0,3	1	2	1	1				
Двусторонние		0,25		1	1					1
		0,5			1					1
		0,75—1			1			1		

Диаметр кружков на односторонних гребенках первой группы равен 3,5—5 мм при ширине ободка 0,5—1 мм. На гребенках второй группы кружки меньшего размера (диаметр 1,5—3 мм) и прорезаны очень тонким острием. Отсюда ясно, что по конструкции инструменты для нанесения этих кружков были также различны: в первом случае — с широкими резцами, во втором — с острыми. У гребенок первой группы точка в середине кружка, как правило, глубже ободка и имеет форму конуса или усеченного конуса, а ободок имеет всегда прямоугольный разрез. По этим данным можно реконструировать циркульный инструмент в виде двузубца с одним заостренным и другим прямоугольным резцом[29]. Циркульные инструменты для нанесения орнамента несколько раз встречены в раскопках. Так, например, в Гнездовских курганах найден трезубец с более длинным средним острием[30]. Трезубец в виде железного стержня с расчлененным на три острия рабочим концом известен из раскопок в Старом Месте (Чехословакия)[31]. Двузубец с острыми концами найден в Новгороде в слое XII в.[32]

До сборки гребенки дополнительной обработке подвергались не только накладки, но и пластины для зубьев. Для одной гребенки подбиралось несколько одинаковых по длине и толщине пластин. Боковые грани их обрезались под прямым углом для того, чтобы пластины плотно примыкали друг к другу. Посредством срезов иногда утончался верхний край пластин, уходящий под накладку[33], чаще, пластины сре-

[28] ЛС-1915 — ширина бороздок 0,5 и 0,8 мм; СЛ-1430 — ширина бороздок 0,75 и 1 мм.

[29] Подобная реконструкция циркульного инструмента дана в статье J Kavan. Ozpracování a výzdobe kosti u zapadnich slovanů v době hradišini. Vznik a počátky slovanů, II, Praha, 1958, табл. III, *6, 8*.

[30] В. И. Сизов, ук. соч., стр. 97, рис. 67.

[31] V. Hrubý. Slovanské kostěné predměty a jeich výroba na Moravě. Památky archeologické, XLVIII, Praha, 1957, табл. 26, *3*.

[32] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 53, *1, 2*.

[33] См., например, № 17—68 и другие.

зались в нижней части для заострения будущих зубьев[34]. Следы подправки ножом с характерными поперечными зарезами хорошо видны на многих пластинах заготовках.

После отделки основных частей производилась сборка гребенки. Для этого на накладках и пластинах просверливались отверстия диаметром 1,5—2 мм, в которые вбивались металлические штифты. Доказательством тому, что отверстия не пробивались, а сверлились, служит тот факт, что на двух упомянутых выше парных накладках с отверстиями на концах края отверстия не смяты и не вогнуты, что было бы неизбежно при работе пробойником. Кроме того, в нижних слоях городища найдены роговые заготовки со сверлинами диаметром от 1,5 до 4,5 мм (ЛДГ 418, горизонт e_3; ЛС 965, горизонт e_2). Наличие на заготовках отверстий малого диаметра свидетельствует о применении небольшого сверла в костерезном деле уже с VII—VIII вв.

Зубья прорезались всегда после скрепления всех частей гребенки, на что указывают неглубокие зарезы, сохранившиеся в ряде случаев на нижнем краю накладок. Нарезка зубьев производилась пилами более тонкими по сравнению с теми, которые употреблялись при пилении заготовок. Об этом можно судить по ширине прорезей между зубьями (см. *табл. 7*). Как видно из таблицы, ширина пропилов между зубьями на гребенках первой группы составляет в основном 0,5—0,75 мм. Зубья гребенок второй группы прорезаны более тонкой пилой, и расстояние между ними составляет 0,25—0,5 мм. При работе пила держалась под углом. На гребенках, недолгое время бывших в употреблении, на боковых гранях зубьев хорошо видны косые штрихи от пилы (Ла-315, 16-1628, ЛС-65, Л-125). На некоторых экземплярах косые штрихи ближе к основанию зубьев сменяются поперечными, что соответствует изменению угла наклона пилы (СЛ-48, ЛД-79, Ла-402, Ла-524). Пропиленные зубья заострялись с внутренней стороны путем подправки, судя по следам работы, — ножом или напильником. В результате продольной подрезки пластинок по низу и подправки зубьев с внутренней стороны зубья становились острыми, прямоугольными в сечении. При длительном пользовании гребенкой грани зубьев сглаживаются, округляются и приобретают овальную в сечении форму[35].

Двусторонние гребни вырезались или из одной массивной пластины или из двух пластин, плотно пригнанных друг к другу. Заготовки трапециевидной или прямоугольной формы обрабатывались срезами с двух

ТАБЛИЦА 7

		Ширина прорезей в мм						
		0,15	0,25—0,3	0,5	0,75	1,0	1,5	2,0
Одностороннее	Первая группа			18	12	6		
	Вторая группа		8	14				
Двусторонние	Прорези между частыми зубьями	3	9	2				
	Прорези между редкими зубьями				4	4	4	2

[34] 16—4229, 16—1562, 12—1399.

[35] Следует отметить, что в некоторых случаях операции сборки гребня предшествовала орнаментации накладок. При раскопках в 1948 г. в постройке X—XI в. был найден интересный экземпляр незаконченной гребенки (СЛ-875, рис. 5, *1*). Срединная пластина скреплена с грубо обработанными накладками двумя бронзовыми штифтами. В данном случае накладки шлифовались и орнаментировались после скрепления всех пластин.

сторон, от средины к концам, и гребень чаще всего получал форму сильно вытянутого овала с острыми концами. Затем поверхность заготовки шлифовалась и орнаментировалась. Каждый зуб прорезался с двух сторон, в результате чего на боковых гранях зубьев оставались перекрещивающиеся штрихи. Пилу держали под углом к плоскости гребня и зубья у основания пропиливались не до конца — в середине оставался недопиленный треугольный или полуовальный выступ. При изготовлении двусторонних гребней использовался тот же набор инструментов: ножи, пилки, сверла, циркульный инструмент, напильник[36].

Костерезное дело в Ладоге развивалось со времени основания поселения. Найденные в нижних слоях городища заготовки со следами пиления и сверления и заготовка накладки большой гребенки свидетельствуют о изготовлении здесь гребней с VII–IX вв.

В IX—X вв. и в последующее время здесь изготовлялись различные гребни и многие другие изделия из кости и рога. Резьбой по кости занимались в Ладоге многие мастера: заготовки, отбросы производства найдены в большом количестве во многих постройках IX—X вв., которые могут быть названы мастерскими.

Применение костерезами сложного набора инструментов (топоры, ножи, резцы, долота, сверла, напильники, инструменты для нанесения кружкового орнамента) свидетельствует о выделении костерезного дела в особую отрасль ремесла не позднее IX—X вв.

[36] Для изготовления одного гребня часто употреблялся целый набор пилок — одной прорезались редкие зубья, второй — частые, третьей — орнамент. Так, у гребня № 16 3322 расстояние между зубьями равно 0,25 и 1 мм бороздки орнамента шириной 0,5 мм, у гребня СЛ 922 расстояние между зубьями 0,3 и 1 мм, ширина бороздок 0,5 мм.

Ю. И. ШТАКЕЛЬБЕРГ

ГЛИНЯНЫЕ ДИСКИ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

При раскопках Земляного городища Старой Ладоги часто встречаются керамические изделия, имеющие форму дисков. Их находят то в одиночку, то небольшими скоплениями. В настоящее время в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится 152 диска из Старой Ладоги (114 инвентарных номеров) [1].

Из них найдено на Земляном городище:

Раскопки Н. И. Репникова - коллекции: 1926/62, 152, 153 (1909 г. — 3 диска); 2790/20, 107, 108, 649, 650, 815 (1910 г. — 6 дисков); 2082/340, 341, 446—450 (1911 г. — 6 дисков).

Раскопки В. И. Равдоникаса - коллекции: 12/1; 13/2426, 2897, 2948 (1938 г. — 4 диска); 16/1521—1524, 1794, 1795, 3049, 6430, 6767 (1939 г. — 10 дисков); 17/158, 159, 614, 1024, 2003, 2151, 2822 (1940 г. — 8 дисков); 18/536, 2707 (1945 г. — 2 диска); Л-433, 449, 691, (1947 г. — 3 диска); СЛ-204, 290, 348, 397, 521, 750, 823, 845, 918, 949, 968, 1024, 1055, 1067, 1101, 1133, 1151, 1168, 1186, 1230, 1285, 1419, 1478 (1948 г. — 39 дисков); Ла-8, 36, 213, 276, 596, 961, 1721 (1949 г. — 8 дисков); ЛС-36, 1211, 1375, 1721, 1808 (1950 г. — 4 диска); ЛГ-776, 797, 884—888, 971, 972, 992, (1957 г. — 9 дисков); ЛД 1, 62, 98, 110, 166—182, 300, 351 (1958 г. — 45 дисков); ЛДГ-76, 94 (1959 г. — 2 диска).

К этому следует добавить находки в Каменной крепости (раскопки Н. Е. Бранденбурга [2] и разведочный раскоп Г. Ф. Корзухиной 1958 г. [3]) и на левом берегу Ладожки, в ее устье (подъем во время разведок А. С. Каманцевой в 1957 г. [4]).

По своей фактуре диски резко выделяются из общей массы других древнерусских керамических изделий. Найденные вместе с дисками сосуды отличаются грубой фактурой, диски же изготовлены из хорошо вымешанной глины. Отощающие примеси — обломки бесцветных минералов: кварца, полевого шпата — чрезвычайно мелкие (от 0,3 мм до исчезающе малых) в то время как примеси в тесте лепных сосудов более крупные (1,5—2 мм). Количество примесей не превышает 20—25%, чаще 10—15% (в тесте лепных сосудов — 35 — 40%) [5]. Изготовлялись диски, по-видимому, на доске или на плоском камне, на котором затем и оставлялись для подсушки перед обжигом. Об этом можно судить по тому, что одна сторона диска уплощена. Диски легко

[1] При подсчете фрагменты от одного диска принимались за один экземпляр. Этим объясняются несоответствия числа дисков и числа инвентарных номеров (под одним инвентарным номером числятся иногда обломки нескольких дисков). Кроме того, в подсчет включены диски из коллекций Музея этнографии и Ленинградского университета, утраченные до передачи этих коллекций в Эрмитаж, но сведения о которых имеются в инвентарных описях (2790 815, 2082/450, 16/1523, 1524, 1794, 1795; 17/2003).

[2] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 74.

[3] Архив ЛОИА АН СССР, фонд 35, опись 1, 1958 г., дело 10, листы 12, 41, рис. 15, *I*; ЛК 3,9.

[4] Там же, фонд 35, опись 1, 1957 г., дело 10 лист 15; ЛГ-1006.

[5] Анализы проведены в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР петрографом Г. М. Ковнурко.

расслаиваются, что свидетельствует о слабом обжиге. При лепке дисков им от руки придавалась форма круглой лепешки, имеющей в центре отверстие. Диаметр дисков в пределах от 7 см (СЛ-1168, Л-691) до 16 см (2082/149), преобладают диски размером 11—13 см (из 87 дисков, которые можно измерить, 18 имеют диаметр 11 см, 28 — 12 см и 17 — 13 см). Толщина в середине 2,5 — 3 см (как исключение — 4—5 см); у края — 1,5—2 см. Диаметр отверстия 2—3 см, иногда 1 см; в одном случае 6 см. Вес дисков в пределах 450—500 граммов.

Поверхность дисков тщательно заглаживалась, на некоторых, с одной стороны, имеется орнамент, нанесенный на выпуклой (верхней во время лепки) стороне диска

Орнамент встречен в 33 случаях. Он не отличается разнообразием и может быть, в зависимости от рисунка отдельных элементов, разделен на четыре группы.

1. Ямочный орнамент, нанесенный пальцем, слегка заструганной палочкой или эпифизом кости.

Орнамент, нанесенный пальцем, наиболее примитивен (рис. 1, 2). Он встречен в пяти случаях (2790/103, 649; ЛД-174, 175, 180). На дисках ЛД-174 и ЛД-175 видно, что ямки располагались крестообразно вокруг отверстия. В остальных случаях фрагменты дисков настолько малы, что сказать что-либо определенное о всем рисунке невозможно.

Ямочный орнамент, выполненный слегка заструганной палочкой, встречен в трех случаях (2082/446, ЛС-36 и СЛ-1024). На диске 2082/446 оттиски штампа в один ряд образуют ровное кольцо вокруг отверстия, в остальных случаях расположение штампа бессистемное.

Ямочный орнамент из оттисков эпифиза кости в сочетании с оттисками спила, по-видимому, той же самой кости (рис. 1, *6*), встречен в одном случае на почти целиком сохранившемся диске (ЛС—1211).

2. Кружковый орнамент, выполненный спилом трубчатой кости, встречен дважды (ЛС-1211 и ЛД-179). В одном случае имеется сочетание его с ямочным орнаментом. Расположение оттисков бессистемное.

3. Орнамент, нанесенный расщепленной палочкой.

Наиболее простая форма этого орнамента — оттиски палочки, расщепленной крест-накрест. Этот орнамент наносился двумя приемами:

а) штампом, который давал оттиск в виде углубленного кружка с выпуклым крестом внутри, т. е. палочкой с легкими крест-накрест надрезами на торце (рис. 1, *7*). Орнамент этого типа встречен в трех случаях (СЛ-397, 750, 1169) [6], причем в последних двух употреблен один и тот же штамп;

б) штампом, оставляющим оттиск в виде группы из четырех маленьких треугольников, т. е. палочкой, расщепленной начетверо (рис. 1, *3*, *8*). Такой орнамент встречен в 17 случаях (СЛ-348, 397, 750, 949, 968, 1067, 1133, 1169, 1285 и ЛД-176, 177, 178). Это — половина всех орнаментированных дисков. Здесь также можно выделить случаи употребления одного и того же штампа. Так, диски из раскопа 1958 г. (ЛД-176—178 — всего 10 дисков) украшены с помощью одной и той же палочки. Точно так же одним и тем же штампом нанесен орнамент на трех дисках, найденных недалеко друг от друга в 1948 г. (СЛ-969, 1067, 1285), причем следы этого же штампа видны на обломке диска, орнаментированного, кроме того, еще оттисками другого штампа подобного типа (СЛ-949). По-видимому, можно говорить о применении одного и того же штампа еще в двух случаях (СЛ-750, 1133).

Сопоставление случаев использования одного и того же штампа для орнаментирования дисков и мест их находки, позволяет сделать вывод, что характер орнаментации является локальной, индивидуальной особенностью каждого отдельного комплекса.

На дисках из раскопок 1958 г. (ЛД-176—178) орнамент составлен из крестообразно расположенных вокруг отверстия диска четырех оттисков штампа (рис. 1, *3*), во всех остальных случаях расположение оттисков, по-видимому, не имеет закономерного характера и количество их непостоянно (рис. 1, *8*).

4. Орнамент, нанесенный при помощи гребенчатого штампа. Встречен в двух случаях (2082/840 и 2790/20). По-видимому, он в обоих случаях нанесен одним и тем же штампом. Расположение оттисков, судя по

[6] Судя по фотографии, к этой же группе следует отнести утраченный диск из раскопок Н. И. Репникова. Сб. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 129, табл. IX, *22*.

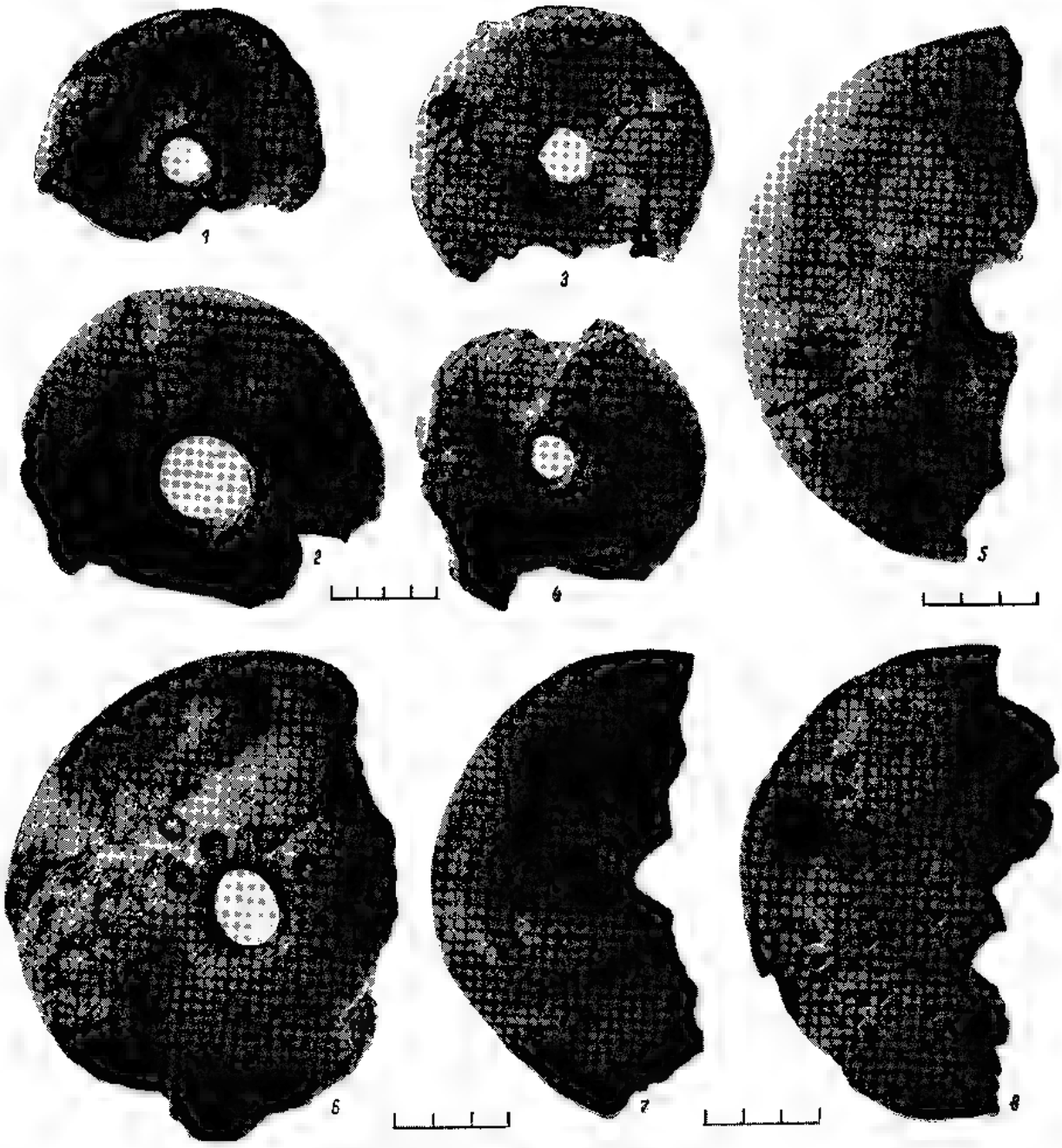

Рис 1. Глиняные диски из Старой Ладоги.

лучше сохранившемуся диску, было радиально крестообразное (рис. 1, 5).

Почти все глиняные диски с Земляного городища найдены в нижнем ярусе горизонта «д», датируемого IX—X вв.[7] (в тех случаях, когда наблюдалось членение горизонта «д» на несколько строительных ярусов). Из 149 дисков 124 найдено в непотревоженном слое горизонта «д» и 6 — в слое горизонта «$е_1$» (IX в.). Остальные же найдены в перемешанных напластованиях. В горизонте «д» диски встречаются крупными скоплениями, и основная их масса

[7] В И Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 9—12.

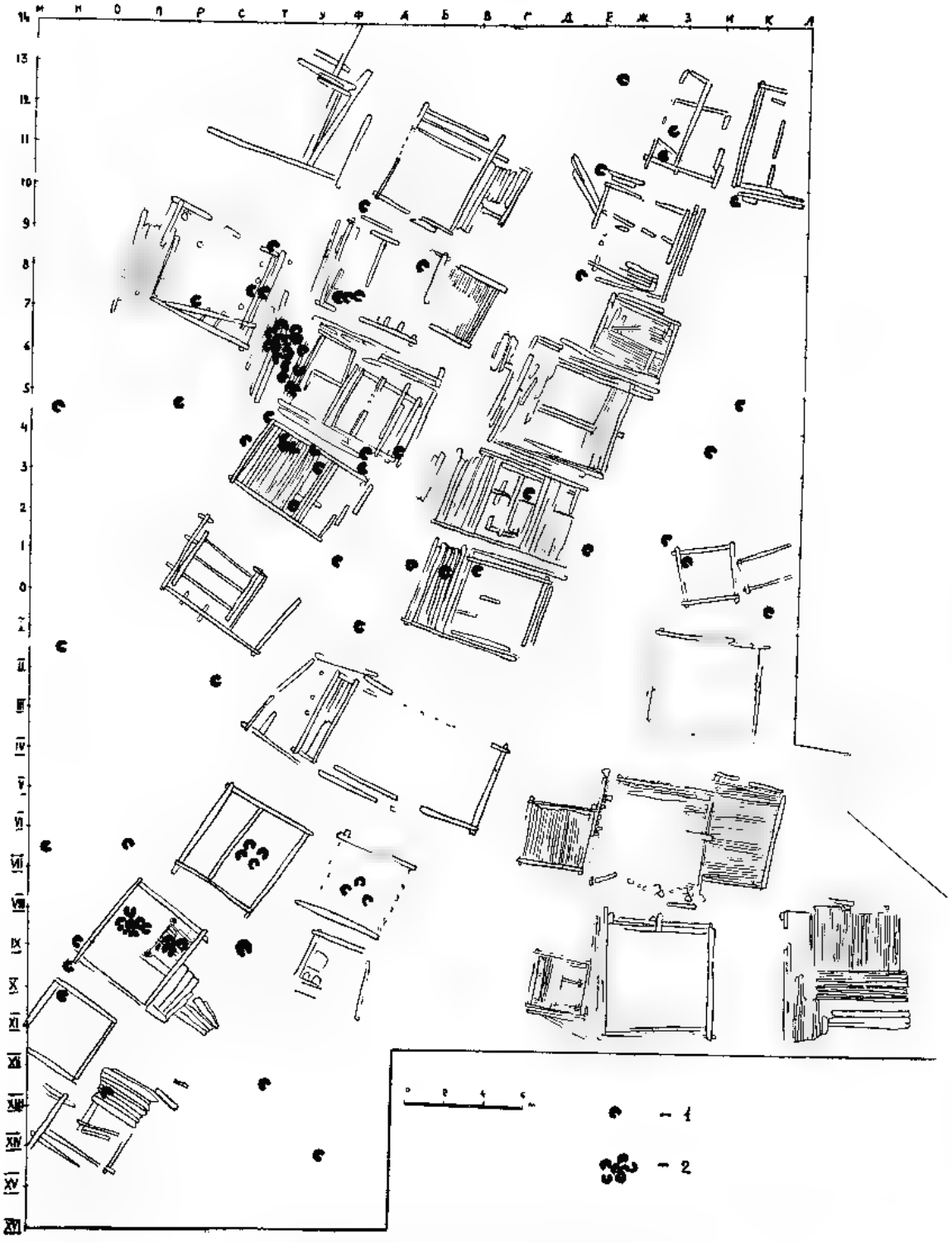

Рис. 2. Места находок глиняных дисков в нижних слоях горизонта «д» на Земляном городище Старой Ладоги.

1 — отдельные находки; *2* — скопления.

сочетается со строительными комплексами (рис. 2) [8].

Больше всего дисков (около 35) обнаружено в 1958 г. в сгоревшей постройке на квадратах НОПР$_{VIII-XI}$, относящейся к нижнему (третьему) строительному ярусу горизонта «д» [9]. Диски находились здесь двумя скоплениями: возле опорного столба постройки и на остатках пола в отгороженной части. Все они раздавлены, сильно расслоились (рис. 3).

Другая большая группа (около 30 дисков) собрана в 1948 г. в районе квадратов СТУФА$_{3-7}$, где в слое толщиной 25—30 см, непосредственно под остатками сгоревшей постройки, находились остатки еще трех построек горизонта «д», последовательно сменявших друг друга [10]. Найденные тут глиняные диски не лежали скоплениями и поэтому нельзя определить, с какой именно из построек они связаны.

В обеих вышеуказанных группах среди дисков были встречены орнаментированные. Один и тот же орнамент в обеих группах не встречается.

Более мелкие группы глиняных дисков встречены и в других постройках горизонта «д». Четыре диска найдены в постройке на квадратах ПРС$_{VI-VIII}$. Три — в небольшой постройке на квадратах УФ$_{VII-VIII}$.

Находки глиняных дисков исключительно в горизонтах IX—X вв. хорошо согласуются с датировкой подобных же находок в странах, расположенных вокруг Балтийского моря, где они также не встречаются позже X в.

Кроме находок в Старой Ладоге, известны еще два случая подобных находок дисков. В 1946 г. при раскопках могильника в Шестовицах, Я. В. Станкевич нашла обломок глиняного диска в кургане X в. [11] А при раскопках Белоозера Л. А. Голубева обнаружила в слое X в. два целых диска и обломки еще четырех, совершенно идентичных найденным в Старой Ладоге [12].

Находки глиняных дисков известны в Норвегии [13], Швеции [14], Финляндии [15], Польше, Северной Германии [16], Фрисландии и на Борнхольме [17]. Диски, найденные в Финляндии и на Аландских островах, украшены орнаментом, аналогичным тому, который встречен на дисках из Старой Ладоги (рис. 4) [18].

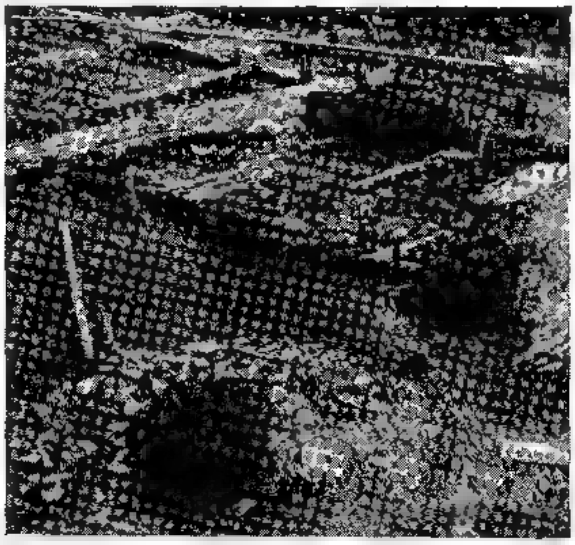

Рис. 3. Скопления глиняных дисков в постройке из раскопа 1958 г.

---

[8] Места находок дисков из раскопок Н. И. Репникова и некоторых дисков из раскопок 1939 г. не могут быть точно определены.

[9] Описание этой постройки как культового сооружения приведено у К. Д. Лаушкина Раскопки в Старой Ладоге. КСИА, вып. 81, М., 1960, стр. 74.

[10] Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 году. СА, XIV, 1950, стр. 148—150.

[11] $\frac{Ш—М—46}{№ 17}$ (коллекция хранится в Институте археологии АН УССР).

[12] Хранятся в Вологодском областном краеведческом музее (700/16; 12633/339 и Бел. 1959 № 1148) и в Москве в Институте археологии АН СССР (Бел 1960 № 340). Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Л. А. Голубевой за любезно сообщенные мне сведения.

[13] Jan Petersen Vikingetidens Redskeper Oslo, 1951, стр. 297—300.

[14] M. Stenberger. Vallhagar a migration period settlement on Gotland. Copenhagen and Stokholm, 1955, т. 2, стр. 1139—1140; M. Stenberger. Öland under äldre järnåldern. Stockholm, 1933, стр. 134—135.

[15] Ella Kivikoski. Husgrunderna i Storhagen, Kulla, Finstrom. SMYA, XLVIII, № 3, Helsinki, 1948, стр. 51—52, 57—59; она же. Die Eizenzeit im Auraflussgebiet. SMYA, XLIII, Helsinki, 1939, стр. 225, M. Dreijer. Arkeologiskt nytt från Åland Ålänsk odling årsbok, 1954, стр. 123—127.

[16] K. Brand. Neuerkenntnisse zu vor-und frügeschichtlichen Webstühlen. Praehistorische zeitschrift. t. XXVI, Berlin, 1935, стр. 87—101.

[17] Ole Klindt-Jensen Bornholm i folkevandringstiden. København, 1957, стр. 27.

[18] M. Dreijer, ук. соч., рис. 4; Ella Kivikoski, Husgrunderna i Storhagen..., рис. 39.

Находка в Богуслане (Швеция) около пятидесяти обожженных с одной стороны дисков в яме с древесным углем дала возможность А. Нордену высказать мысль, что они применялись для защиты кузнечных или рудоплавильных мехов от воздействия огня и сильного жара[19]. К дискам из Старой Ладоги эта версия не может быть при-

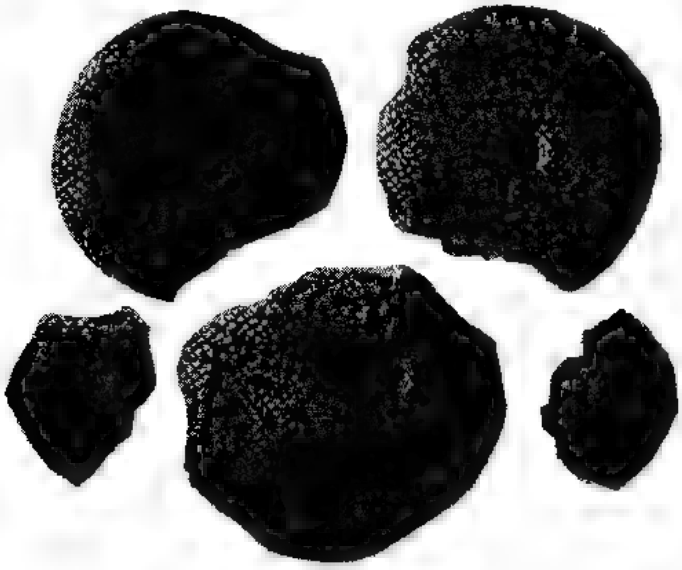

Рис. 4. Орнаментированные глиняные диски с Аландских островов (по Драйеру).

менена поскольку ни один из них не найден в кузнице и, за исключением небольшого числа из найденных в сгоревших постройках и явно обожженных во время пожара, все остальные диски никаких следов вторичного воздействия огня не имеют.

М. Драйер (Аландский музей) считает, что глиняные диски являются частью масляного светильника[20]. По его предположению, нагретый в огне диск помещался затем в чашку с тюленьим жиром, где благодаря сохраняемому диском теплу образовывался масляный газ, легко зажигаемый. На поставленном специально эксперименте Драйер убедился, что подобное предположение возможно — нагретый диск поддерживал тюлений жир в горючем состоянии в течение нескольких часов. Этнографических параллелей Драйеру, однако, обнаружить не удалось. Из известных в литературе описаний жировых светильников народов крайнего севера, употребляющих для освещения тюлений жир, видно, что они не нагревали жир какими-либо специальными глиняными дисками. Кроме того, хорошо известно, что керамические изделия сохраняют следы хранившихся в них жидкостей в течение чрезвычайно длительного времени. Особенно прочно удерживаются в керамике следы жира. Анализы на содержание жиров в глиняных дисках из Старой Ладоги дали отрицательные результаты[21].

Для определения назначения глиняных дисков из Старой Ладоги следует обратиться к материалам из раскопок на Эланде, Готланде, Борнхольме и в Вестфалии[22]. На острове Борнхольме диски были найдены стоящими на ребре в ряд (рис. 5), что не случайно[23]. По-видимому, это их рабочее положение. В других случаях они были найдены между остатками опор вертикального ткацкого станка. На острове Готланд диски в постройках находились всегда около стены на определенном расстоянии от неё. Эти данные позволили сделать заключение о связи дисков с ткачеством — они играли роль грузил вертикального ткацкого станка. По остаткам опор ткацкого станка удалось определить его ширину (около 1,5 м), а по расстоянию между крайними дисками — ширину изготовлявшейся ткани (60—70 см)[24].

В Старой Ладоге не найдено достоверных остатков вертикального ткацкого станка[25]. Однако, в горизонте «е» имеются две

[19] A. Norden. Östergötlands järnåldern. Stockholm, 1929, т. 1, стр. 77.

[20] Предположение это было высказано Драйером во время его пребывания в Ленинграде в 1958 г. и затем в январе 1959 г. повторено в письме к членукорреспонденту АН СССР В. И. Равдоникасу.

[21] Анализы проводились независимо друг от друга во ВНИИЖ и в химической лаборатории Государственного Эрмитажа. Обнаружение жиров производилось реакцией омыления и реакцией с нитропруссидом натрия и пиперидина

[22] M. Stenberger, Öland under äldre järnåldern, стр. 134—135, он же Vallhagar a migration period settlement on Gotland, т. 1, стр. 104, 105, 151, 153; т. 2, стр. 854, 855, 1139, 1140; Ole Klindt-Jensen, ук. соч., стр. 18 и сл; K. Brand, ук. соч., стр. 87—101.

[23] Ole Klindt-Jensen, ук. соч., стр. 22, 27, рис. 21; стр. 177, рис. 140.

[24] M. Stenberger. Vallhagar a migration period settlement on Gotland, т. 1, стр. 104—105; т. 2, стр. 854—855.

[25] Невозможность выявления среди других изделий из дерева деталей, характерных только для вертикального ткацкого станка, объясняется примитивностью его конструкции. (Archeologické rozgledy 1954, № 1, стр. 72, рис. 43; Walter von Stokar. Spinnen und Weben bei den Germanen. Leipzig, 1938, стр 91—92, рис. 115, 116, 118).

находки тканей (Л-1262 и ЛДГ-504) с сохранившейся так называемой «третьей кромкой», которая заплетается только при изготовлении ткани на вертикальном ткацком станке[26]. Использование вертикального ткацкого станка в Старой Ладоге, таким образом, вполне возможно. Вполне возможно и применение глиняных дисков в качестве грузил для него. Следует добавить, что, как показывает расчет, вес дисков из Старой Ладоги обеспечивает необходимое натяжение нитей основы на вертикальном ткацком станке при нагрузке на каждый диск 20—30 нитей[27]. Это допустимо при имеющейся толщине дисков (2,5—3 см) и плотности вышеупомянутых тканей на основе (10—11 нитей на 1 см). Слабые следы оставленные нитями видны на некоторых дисках невооруженным глазом (ЛС-1211, ЛД-98, 166, 167).

Наличие глиняных дисков в Старой Ладоге почти в каждой жилой постройке IX—X вв. свидетельствует о их широком употреблении в повседневной жизни её населения в это время.

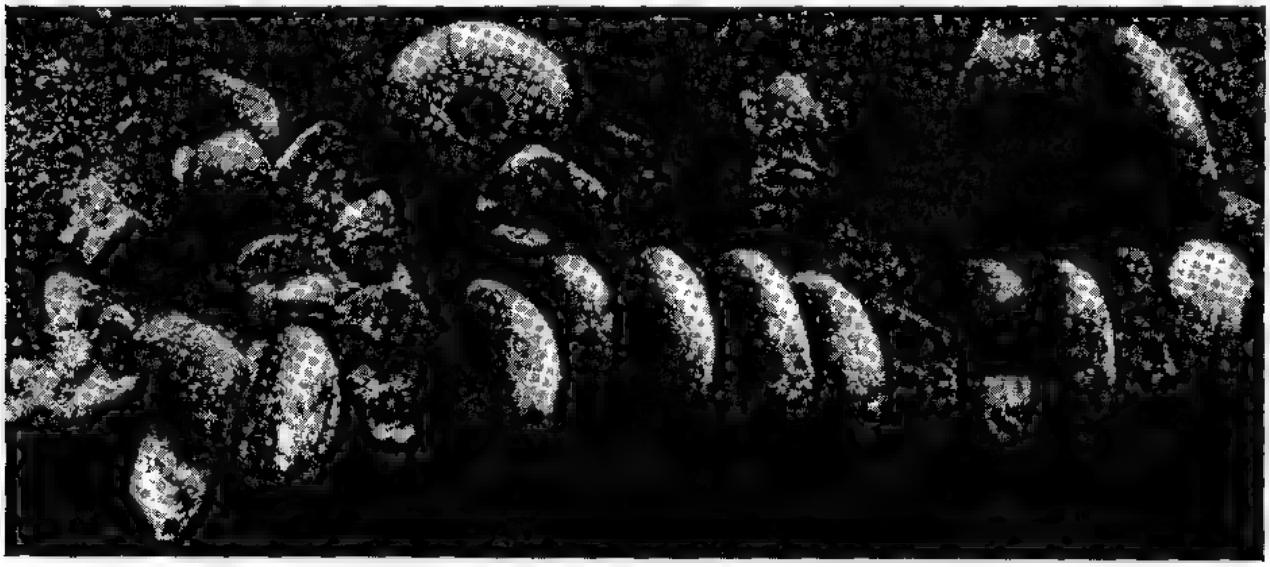

Рис. 5. Глиняные диски in situ на острове Борнхольм (по Клиндт-Иенсену).

Пока не имеется находок глиняных дисков начала XI в.[28] В это время у славян появляется горизонтальный ткацкий станок[29]. Возможно, что именно с этим надо связывать исчезновение глиняных дисков на рубеже X—XI вв.

[26] J. Kamińska i A. Nahlik. Włokiennictwo Grańskie X—XIII w. Lodz, 1958, стр. 85—89. Исследование тканей из Старой Ладоги было проведено сотрудником Музея истории текстильной техники в Лодзи А. Нахликом.

[27] Натяжение определяется сечением нити и весом ее отрезка от прикрепления на верхней перекладине станка до грузила, а также плотностью ткани по утку.

[28] В Западной Европе встречаются диски начиная с эпохи бронзы. В V—VI вв. они встречаются совместно с пирамидальными ткацкими грузилами. M. Stenberger. Vallhagar a migration period settlement on Gottland, т. 2, стр. 893, 915.

[29] W. Holubowicz. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, стр 204, он же, Prace wykopaliskowe w Opolu. Sprawozdania archeologiczne, т. 1, Wroclaw, 1955, стр. 212. Точное время появления горизонтального ткацкого станка пока не установлено. (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 678; Е. А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники. М. — Л., 1940, стр. 63; L. Niederle Slovancke starořitnost, т. III, ч. 1, Praga, 1921, стр. 340—341).

П. И. ХАВЛЮК

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VIII — НАЧАЛА IX ВЕКА НА ЮЖНОМ БУГЕ

В средней части Южного Побужья (от Винницы до Гайворона) в настоящее время во многих местах обнаружены славянские поселения, которые относятся к VIII —

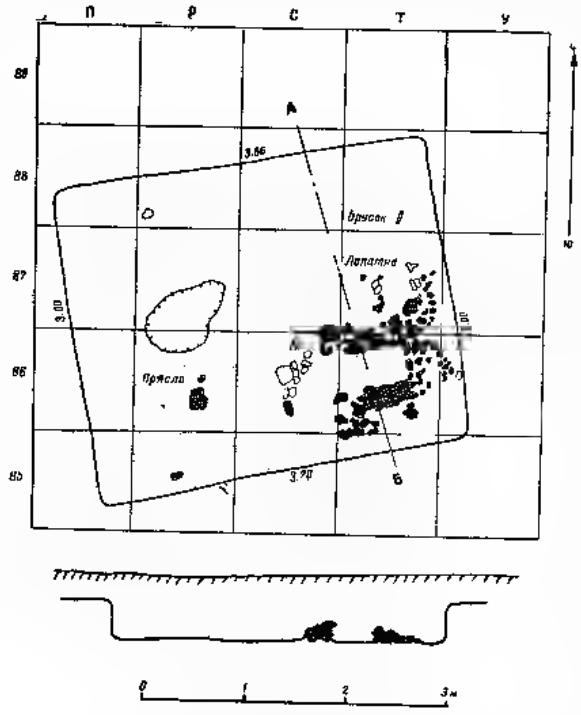

Рис 1 Жилище № 2.

началу IX в. и предшествуют периоду, когда на этой территории возникают значительные по размерам селища и городища с посадами.

Одно из таких поселений расположено в 1 км севернее села Грабовец Брацлавского района. Оно занимает на правом берегу реки Южный Буг участок надпоймы размером 250 × 90 м. В 1960 г. Подольским археологическим отрядом под руководством автора в прибрежной части поселения были проведены раскопки.

Верхний слой почвы на площади 1300 кв. м был снят до древней поверхности, то есть на глубину 0,40 м. Выявлены семь жилищ и несколько хозяйственных ям. Контуры жилищ и ям в большинстве случаев достаточно четко прослеживались по темноватому цвету заполняющей их почвы, которая состояла из земли, перемешанной с золой, углем, керамикой, а также костями животных. В некоторых жилищах верхняя часть каменных печей оказалась разрушенной при вспашке.

На поселении найдена лепная и гончарная керамика. Лепная керамика с плохо обработанной поверхностью содержит в глине значительную примесь песка и слюды. Керамика, изготовленная на гончарном круге, внешне груба, но толщина стенок выдержана, глина очищена от крупнозернистого песка, цвет ее серо коричневый.

Жилище № 1 расположено в южной части поселения. Его размеры 3,50 × 3,30 м. В северо-восточном углу помещалась печь, сложенная из крупных гранитных камней. Размеры ее сохранившейся части 0,40 × × 0,80 м. Глиняный под хорошо сохранился В жилище найдено только два фрагмента лепной керамики

Вблизи жилища раскопаны три хозяйственные ямы глубиной 0,40 м и диамет

ром около 1 м, которые были заполнены землей, смешанной с золой, мелкими черепками и камнями.

Жилище № 2 (рис. 1) обнаружено в центре поселения. В плане представляет собой прямоугольник размером 3,70 × × 3,00 м и глубиной 0,40 м. Печь находилась в юго-восточном углу близко к стенкам. Внутренние размеры ее по глиняному поду 0,60 × 0,30 м. Перед устьем печи лежали части лепного горшка из светло-серой глины с округлыми боками и слегка отогнутым венчиком, по краю которого на- н[illegible] орнамент из ямок, сделанных паль- [illegible] рис. 2, *4*). За печью обнаружены три [illegible]а и несколько венчиков от лепных со- [illegible]в. Внутренняя и наружная обработка грубая, на стенках заметны следы от [illegible]дправки плоским орудием, глина серо- [illegible]то-желтая. Как видно по форме днищ, они были частью сосудов, сильно суженных книзу. Здесь же находилось дно горшка, в котором сделано отверстие. Вся нижняя часть дна вместе со стенками внутри и снаружи покрыта черной, блестящей массой. Глина, из которой изготовлено дно горшка, содержит примесь толченой керамики. Возможно, что назначение сосуда обусловило состав материала, из которого он изготовлен. Из фрагментов, найденных в жилище, удалось склеить сосудик со слегка отогнутым венчиком. Изготовлен он из серо-черной глины. Высота его 9,5 см, диаметр горла имеет такой же размер: дно вдвое меньше. Следует упомянуть еще венчик сосуда, который по профилю края и его отогнутости очень напоминает лепные сосуды пражского типа[1] (рис. 3, *2*), а также

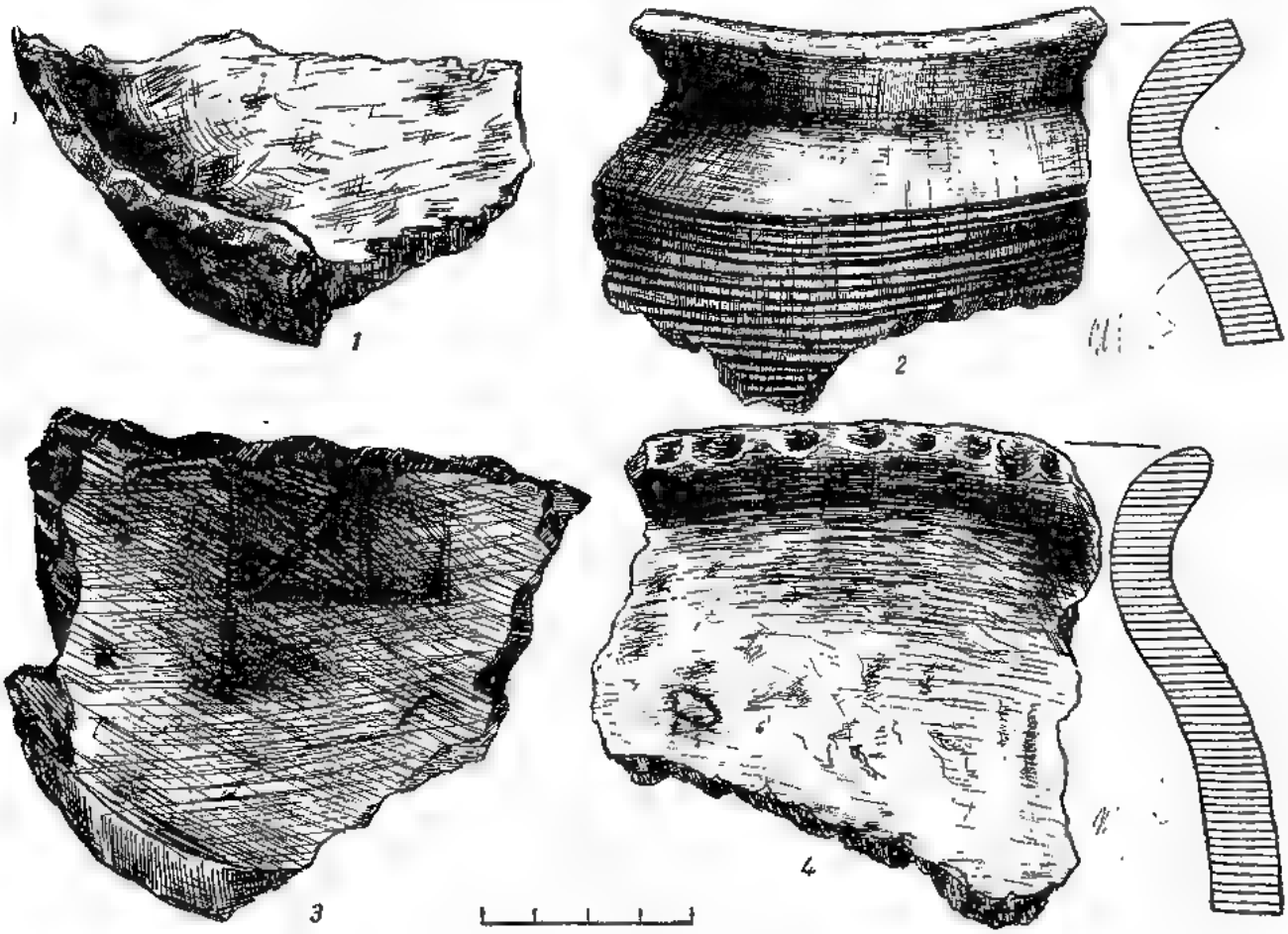

Рис. 2. Коржовка. Керамика VIII — начала IX в.

[1] J. Poulik. Staroslovancka Morava, Praha, 1948, стр. 16, рис. 2.

биконическое пряслo (рис. 4,7) и лопатку из рога оленя (рис. 5,1). Почти в центре жилища прослежена овальная яма глубиной 0,20 м и диаметром 0,50 м. Заполнение внутренней части жилища состояло из земли, золы, угля, костей животных, а также рыб.

ризонтальными врезанными линиями, а с другой — ямками, поверх которых нанесен крест. Высота горшка 26 см, диаметр горла 14, дна — 10 см. По форме он напоминает сосуды из Корчака[2]. Вместе с обломками горшка обнаружены шесть черепков, украшенных отпечатками зубчатого чекана

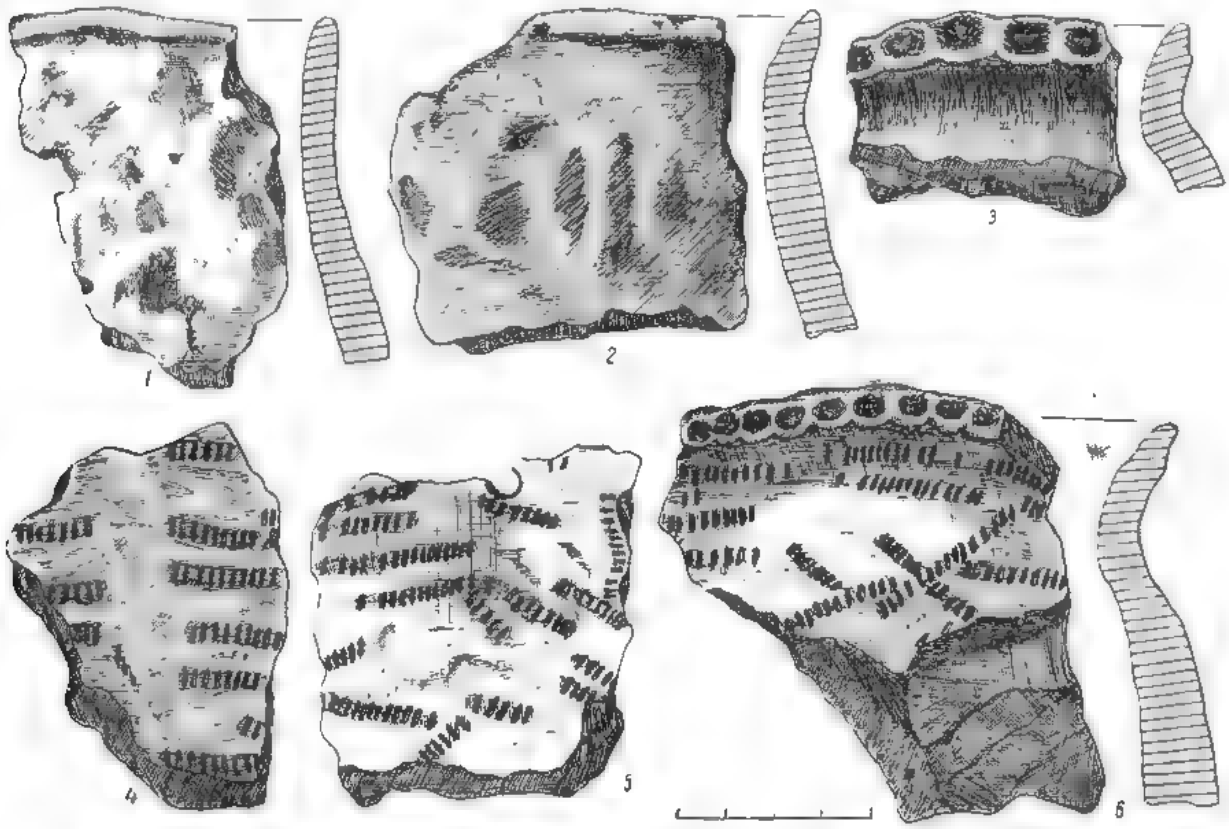

Рис. 3. Коржовка. Образцы лепных горшков.

Жилище № 3, северная часть поселения (рис. 6). Размеры его 3,50 × 3,60 м. Углублено жилище было на 0,50 м. Печь-каменка помещалась в северо-восточном углу на материковом останце, возвышавшемся на 0,15 м над уровнем пола. Тыльная часть печи не сохранилась, уцелел лишь глиняный пол. Длина топки 0,70 м, ширина 0,40 м. На 0,3 м выше уровня пола жилища обнаружены черепки от нескольких сосудов, из которых удалось склеить лишь один (рис. 7,2). Он изготовлен из очищенной от песка желтой глины. По отогнутому краю венчика нанесен орнамент оттисками пальцев. Ко дну стенки сильно сужаются, верхняя часть тулова сосуда украшена с одной стороны двумя го-

(рис. 3,4—6), характерного для керамики роменско-боршевской культуры. На полу жилища найдены также обломки сосудов, изготовленных на гончаром круге. Они украшены прямыми и волнистыми врезанными линиями. Оба приема украшения встречаются на одних и тех же черепках. На одном из днищ сохранилось клеймо в виде квадрата с двумя перекрещивающимися линиями внутри и отходящими от каждого из углов Г-образными линиями (рис. 2,3). Против печи, у самого устья, прослежены две ямы от столбов; их глубина 20 см, диаметр немного больше.

[2] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, М., 1955, стр. 35.

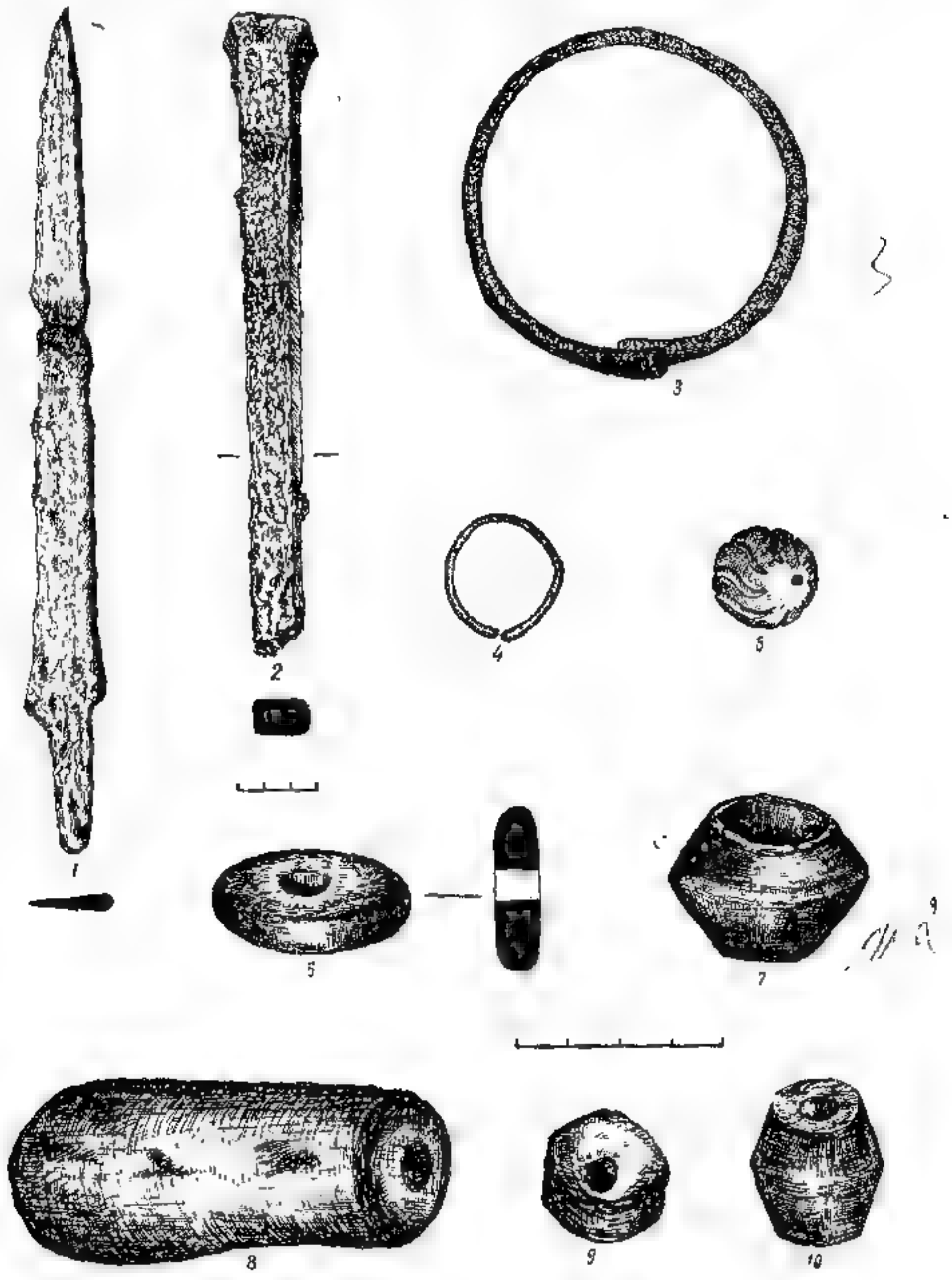

Рис. 4. Коржовка.

1 — железный нож, *2* — железное долото (жилище № 7); *3* — браслет из тайника; *4* — бронзовое височное кольцо; *5* — костяная бусина; *6, 7, 9, 10* — пряслы; *8* — грузило от сети.

У западной стены, на полу, в вертикальном положении найдена лопатка, сделанная из рога благородного оленя (рис. 5, *2*), такая же, как и лопатка из жилища № 2.

Жилище № 4 (прибрежная часть поселения) в 30 м южнее жилища № 3 (рис. 8, *1*). По размеру оно такое же, как жилище № 3. От печи, расположенной в юго-западном углу, сохранилось основание, сложенное из мелких камней. Под этими камнями найдены черепки от лепных сосудов. На некоторых черепках концами пальцев по краю венчика нанесен орнамент. У северной стенки найдена заготовка для

лопатки из оленьего рога, испорченная неудачным сколом отростка (рис. 9). Отколотая часть рога найдена здесь же. Лопатки изготовлялись из нижней, самой проч

Близки к этим предметам по форме сохранившиеся в некоторых местах Украины так называемые «гистики», которые изготовлялись из железа и применялись для

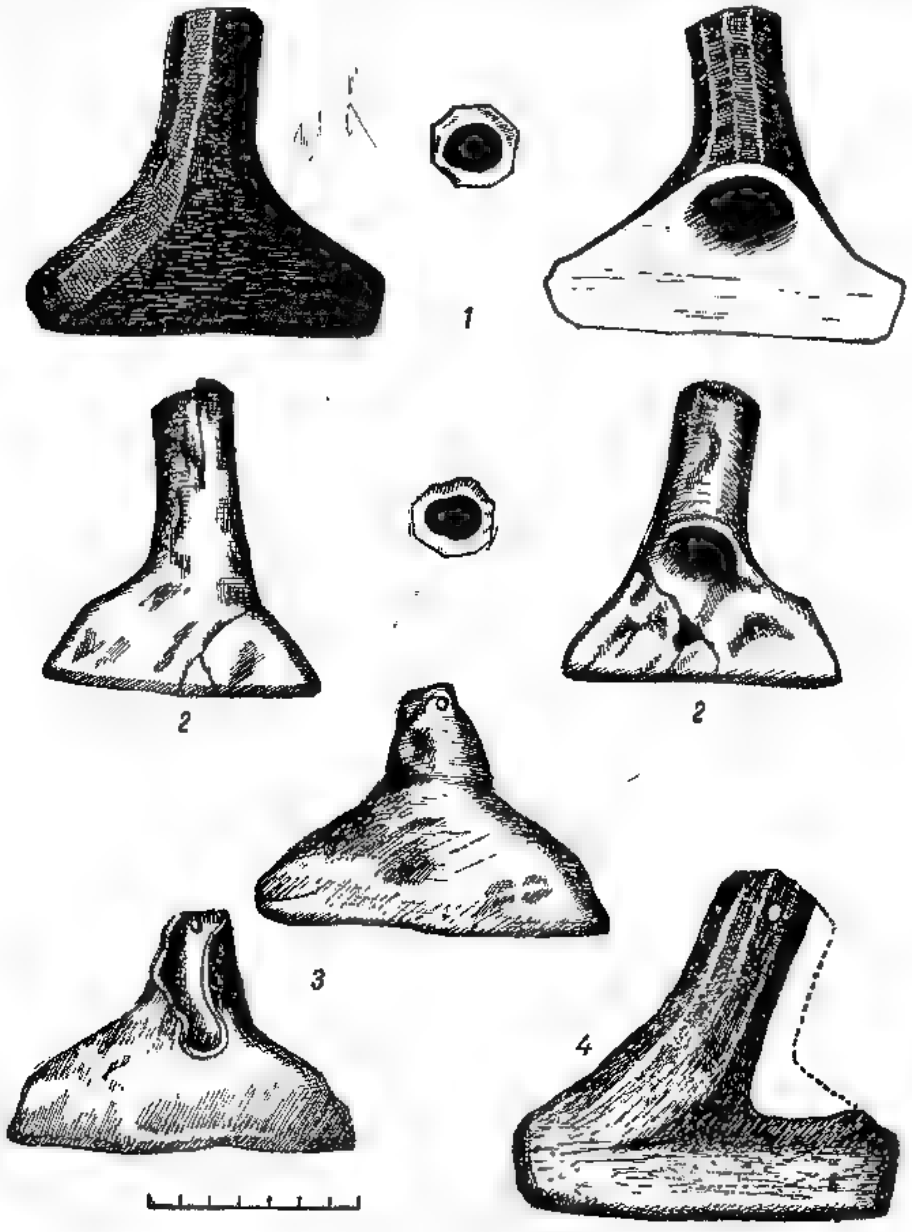

Рис. 5. Коржовка. Роговые лопатки.

ной, части рога оленя с первым отростком. Аналогичные орудия встречены на славянских поселениях обширной территории от Поднепровья до Поднестровья. В Молдавии они найдены на селище Бранешты[3].

очистки плугов от земли. Это, по-видимому, дало основание Г. Б. Федорову рассматривать костяные лопатки как орудия для очистки плугов, или, как он их называет, — соскребы[4].

Подобный инструмент обнаружен так-

[3] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тысячелетии н. э. МИА, № 89, М., 1960, стр. 378, табл. 71, *1*.

[4] Г. Б. Федоров, ук. соч., стр. 205.

же на славянском поселении в Семенках (рис. 5,*4*) [6].

Жилище № 5 (рис. 10) по своей конструкции несколько отличается от всех остальных. Отличительным его признаком служит квадратная выемка в полу глубиной 0,30 м почти в центре жилища. Печь сохранилась плохо, большая часть её кладки свалилась в углубление в полу; на месте остались лишь мелкие камни вокруг глиняного пода размером 0,50 × 0,45 м. Перед печью выявлены две ямки от столбов глубиной 0,20 м и 0,30 м. На полу найдена лепная и гончарная керамика, причем последней было больше. Плечики одного из гончарных сосудов украшены горизонтальными линиями (рис. 2,*2*). Край венчика сильно отогнут, срез ровный, толщина стенки 1 см. Здесь же найдено днище гончарного сосуда с клеймом, таким же, как на обломке из жилища № 3. За пределами жилища найдена лопатка из оленьего рога (рис. 5,*3*).

Жилище № 6, почти квадратное, 3,50 × 3,60 м. Углубление было заполнено землей, перемешанной с золой, мелкими камнями, углем, а у южной стенки — глиной. В жилище оказалось всего несколько черепков от лепных сосудов и брусок из песчаника. Почти на середине жилища в правильном анатомическом положении лежал скелет собаки. Печь, сложенная из крупных гранитных плит, помещалась в северо-западном углу. Внутренние размеры ее 0,60 × 0,50 м. Против устья печи прослежена ямка глубиной 20 см и диаметром 10 см.

Жилище № 7 находилось на расстоянии 15 м от жилища № 3. В плане оно близко к квадрату, 3,10 × 3,20 м. В юго-западном углу находилась печь-каменка. Среди печных камней лежали многочисленные обломки лепных сосудов и сковородок, у северной стенки найдена верхняя часть лепного сосуда. Глиняный пол сильно уплотнен. Жилище представляло собой полуземлянку, углубленную в материк на 0,60 м. В верхнем слое заполнения, состоявшего из гумусированной почвы с включением немногочисленных фрагментов лепной керамики, найдены две костяные проколки (рис. 11,*2,7*). Еще четыре проколки обнаружены на глиняном полу. Три из них (рис. 11,*3,4,6*) лежали вместе с прямоугольным в сечении железным долотом (рис. 4,*2*) у северной стенки жилищного углубления, а четвертая (рис. 11,*9*) отдельно в юго-восточном углу. Собраны в жилище также обломки сосудов, изготовленных на гончарном круге и имеющих орнамент в виде прямых и волнистых линий,

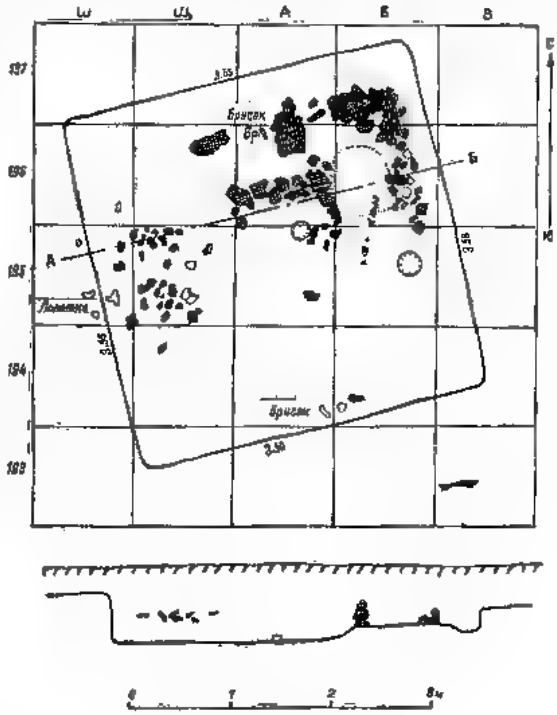

Рис. 6. Жилище № 3.

дно сосуда Корчакского типа (рис. 7,*1*) и стенка лепного сосуда, украшенная точками.

Рядом с жилищем № 7 находилась хозяйственная яма с прямыми стенками, заполненная землей, золой и камнями, вместе с которыми лежали несколько костей животных и фрагментов керамики. Глубина ямы 0,40 м, диаметр 1,20 м.

Вне жилищ сделаны находки, которые в значительной степени помогают установить время существования поселения. Это бронзовый браслет со слегка утолщенными концами, круглый в сечении, с орнаментом в виде изогнутых линий (рис. 4,*3*). Он найден вблизи жилища № 3, где была расчищена куча железной руды, под которой находился большой горшок, аккуратно обложенный со всех сторон глыбами железной руды (рис. 8,*2*). Браслет находился в этом

[6] Раскопки автора летом 1960 г

горшке. Форма сосуда биконическая, дно узкое, бока сильно расширены к середине, венчик слегка отогнут, глина серого цвета с примесью песка и слюды. При изготовлении горшка применялся способ наращивания стенок широкими кольцами. Внутри, вдоль линии перегиба корпуса, налеплена полоска глины, усиливавшая прочность сосуда.

Поселение VIII — начала IX в. Семенки II расположено в урочище Полог на надпойме правого берега Южного Буга, выше поселения Семенок I.

Вдоль обрыва береговой линии в 1956 г. автором выявлены остатки пяти жилищ. Одно из них раскопано. Это была полуземлянка, уцелевшая сторона которой достигала 3,10 м. Отличной сохранности камен-

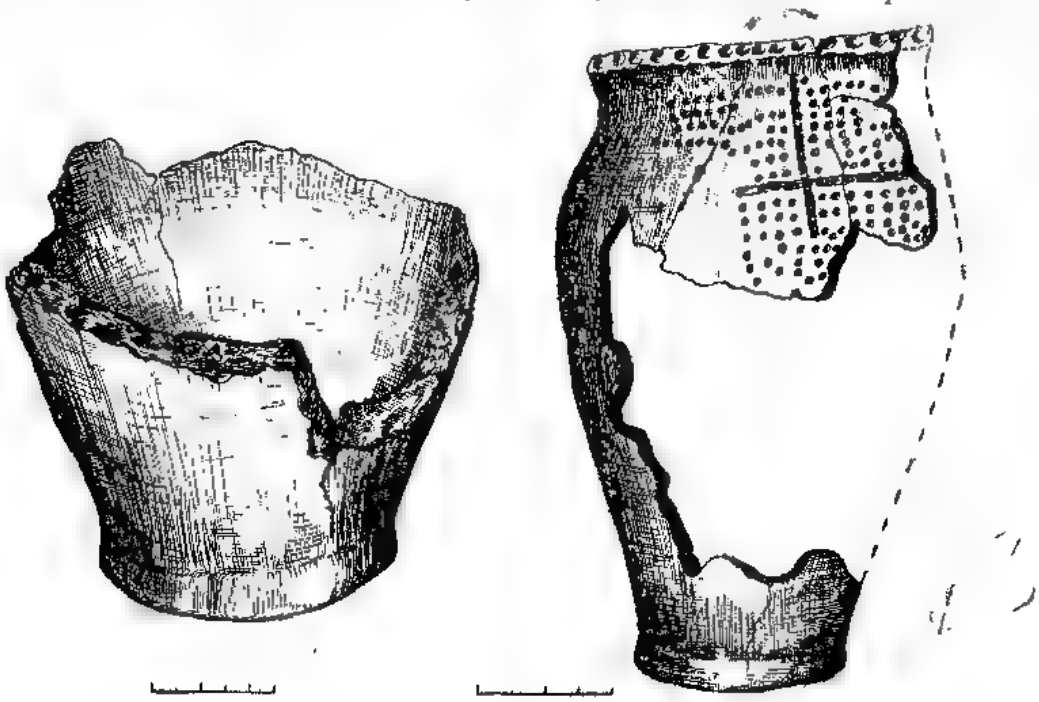

Рис. 7. Коржовка.

1 — дно сосуда из жилища № 7; *2* — лепной сосуд из жилища № 4.

Между первым и пятым жилищем найдены: железный нож с прямой спинкой (длина 13,5 см), небольшое бронзовое височное кольцо и костяная бусина с «S»-образными нарезками (рис. 4, *1*, *4*, *5*). Височное кольцо изготовлено из бронзовой проволоки сечением 2 мм. Между вторым и третьим жилищами найдены глиняные грузила от рыболовных сетей (рис. 4, *8*). По форме и размерам они напоминают современные.

Однотипные с Коржовкой поселения известны в Южном Побужье и в других местах. Одно из таких поселений находится в 10 км от Коржовки, вниз по течению реки, в селе Семенках. В районе села в настоящее время известны два поселения: раннее — VI в. и позднее — VIII — начала IX в.

ная печь с глиняным подом помещалась в юго-восточной части жилища. В плане она прямоугольная, свод полукруглый, высота топки 45 см, внутренние размеры печи 57 × × 46 см. В этой же половине жилища на полу лежали горелые части деревянных конструкций стен и, возможно, крыши, а вдоль южного края — три стесанных снаружи обгорелых бревна, расположенных одно над другим, т. е. часть сруба, опущенного в землю. В жилище найдена лепная и гончарная керамика. Вся она коричневого и красноватого цвета с примесью слюды и песка, украшена прямыми и волнистыми линиями по тулову и ямками от оттисков пальцев по срезу венчика. Сверху печной кладки лежало больше 20 обломков лепной керамики, а на полу костяная проколка и железный стержень длиной 6,5 см.

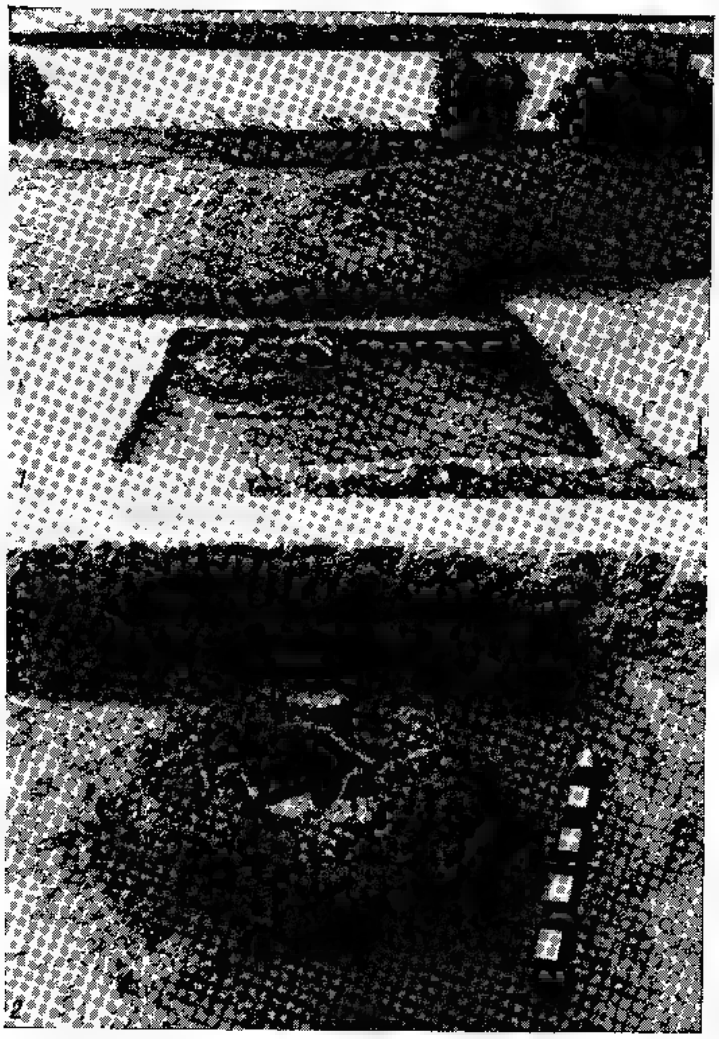

Рис. 8. Коржовка.

1 — общий вид жилища № 4 после раскопок, *2* — сосуд, обложенный кусками железной руды (квадрат 14ф).

Остатки жилищ обнаружены также на надпойме, на значительном расстоянии от берега реки.

Переходя к выяснению хозяйственной деятельности и быта жителей Коржовки, необходимо остановиться прежде всего на характеристике жилищ. Хозяйственные постройки в Коржовке пока не обнаружены. Возможно, что они находились дальше, чем жилища, которые располагались по одной линии вдоль берега реки. Жилища имели бревенчатые стены. Это подтверждается отсутствием в конструкции стен следов от столбов, а также обнаружение части горелого сруба в одном из жилищ в Семенках. Ни в одном случае в жилищах не удалось обнаружить местоположения и устройства входа.

На ранних поселениях орудия труда чаще всего находились в хозяйственных постройках. В Коржовке эти орудия — костяные лопатки и проколки, железное долото, прясла - найдены в жилищах. Из этого следует сделать вывод, что жилые постройки принадлежали отдельным семьям, а орудия, обнаруженные в жилищах, представляли собой их собственность, связанную с ведением личного хозяйства

Преобладающей формой хозяйства, как и в более раннее время, было земледелие и скотоводство. Об этом косвенно говорят находки ручных мельниц и большое

количество костей домашних животных. Рыбная ловля, о занятии которой свидетельствуют кости и чешуя рыб в заполнениях жилищ, а также находки глиняных грузил от сетей, имела вспомогательное значение.

Рис. 9 Заготовка для лопатки.

Что касается селения в целом, то здесь можно воспользоваться характеристикой, данной И. И. Ляпушкиным селищам этого времени на левобережной части Поднепровья, в которой они определяются как территориальная община, состоящая из мелких земледельцев-общинников [6].

Наличие гончарной керамики с клеймами дает основание считать, что в Коржовке и соседних с ней селищах керамическое производство уже находилось в руках отдельных ремесленников-гончаров, которые еще совмещали его с обработкой земли. Здесь же существовало и железоделательное производство Залежи болотной руды известны в 70 км к северу от Коржовки, в районе Тыврова и поэтому работа, связанная с добычей и доставкой руды, плавка железа и изготовление из него различных орудий также могли выполняться лишь отдельными жителями селища. Все это говорит о том, что на данном этапе развития хозяйства славян, основанного на земледелии и скотоводстве, натуральность его ограничивается [7].

В настоящее время поселения VIII — начала IX в. известны в Южном Побужье во многих местах. Они обнаружены у сел: Захарашевки, Тульчинского района, Ладыжина, Кошаринец, Тростянецкого района, Маньковки, Бершадского района и Пятничан около Винницы. Во время разведки в верховьях Южного Буга Д. Т. Березовец

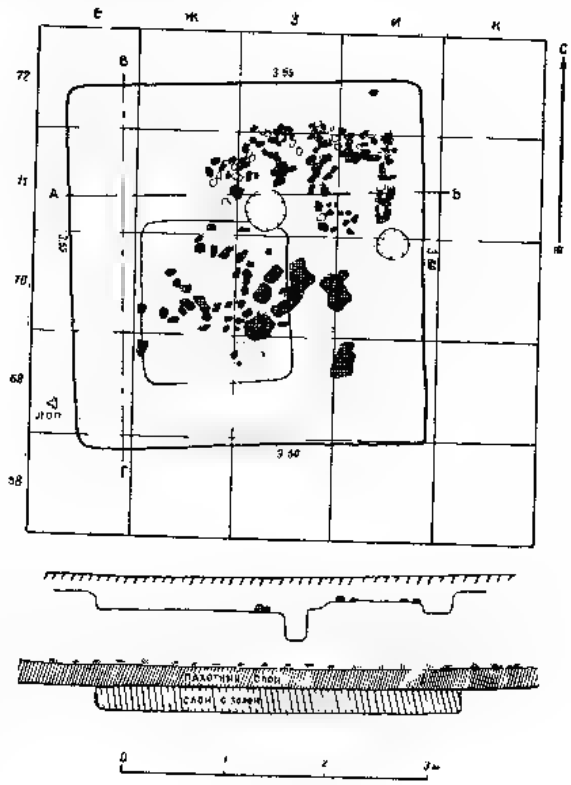

Рис. 10 Жилище № 5.

выявил такие памятники в селе Сандраках Хмельницкого района и селе Сокольцах Немировского района [8]. В Поднестровье поселения VIII IX вв. известны в селе

[6] И И Ляпушкин Городище Новотрицкое. МИА, № 74, М. — Л., 1958, стр 224.

[7] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. София, 1956, стр. 9.

[8] Д. Т Березовець. Розвідка у верхів'ях р Ю. Бугу, А. П. УССР, т. III, Київ, 1952, стр. 218.

Рис. 11. Костяные проколки.

Григоровке[9], а также в селе Незвиско[10] (поздняя группа построек). Причем на этом поселении, как и в Коржовке, вместе с лепными найдены горшки, изготовленные на гончарном круге. Аналогичны Побужским — поселения в урочище Лука близ Райковецкого городища[11], около местечка Смелы[12] и в районе Канева[13].

[9] М. И Артамонов Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, М, стр. 107 –110.

[10] Г. И Смирнова Раннеславянское поселение у с Незвиско на Днестре Památky archeolog.ské 51, Praha, 1960, стр. 229.

[11] В К. Гончаров Посад і сільські поселения коло Райковецького городища. А. П, т. I, Київ, 1949, стр. 32—34

[12] Г. М. Шовкопляс. Керамічний комплекс епохи бронзи та ранньослов'янського часу з Юр'євої Гори поблизу м. Сміли. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 145—147, рис. 1—8.

[13] В. А Богусевич. Канівська археологічна експедиція А. П. т III, Київ, 1952, стр. 150.

На основании сходства керамического комплекса из селища в селе Рипнев Львовской области[14] с материалами из Луки-Райковецкой, можно сделать вывод о существовании в Западных областях Украины в данную эпоху близкой, но со своими локальными особенностями, культуры славян. Известны памятники такого типа в Молдавии и Румынии, что является убедительным свидетельством заселения славянами этой территории. К молдавской группе памятников относятся Кобуска Веке, Лопатна[15] и поселения в нижнем течении реки Черны (Глинжены, Липчены, Паркаиы[61] и другие).

На территории Румынии, как указывает М. Комша, поселения VIII—IX вв. исследованы в центре и на севере Молдовы в пунктах: Спиноаса, Денешти, Николин, Валя-Лупулуй, Яссы, Городиштя на Пруте и др. На Румынской равнине они выявлены в районе Бухареста, Лишкотянке и вплоть до долины реки Дунай. На основании сходства румынских памятников с комплексами из Правобережной Украины, М. Комша объединяет их в одну группу и называет культуру этого времени Лука-Райковецкая-Глинча[17], датируя ее второй половиной VII—IX вв. Сходство этих памятников с побужскими прослеживается не только в типе жилищ, но и в комплексах находок, в частности, в Румынии, как и в Побужье, среди керамических форм значительное место принадлежит сосудам типа Корчака. При изучении в последние годы памятников славянской культуры VIII—IX вв. в правобережной части Поднепровья, Молдавии, Побужье получены материалы, дающие возможность полагать, что эти памятники имеют много общего с роменско-боршевской культурой Левобережья Днепра. Общность проявляется в типах жилищ, бытовом и производственном инвентаре, керамике.

Таким образом, подтверждается высказанная И. И. Ляпушкиным точка зрения о историко-культурном единстве славянских памятников VIII—IX вв., распространенных на обширной территории Поднепровья, Западного и Южного Буга, а также Днестра[18].

На материале памятников VIII—IX вв. прослеживается развитие культуры ранних славян VI—VII вв.

Общее, что связывает развитие славян этого периода с культурой VI—VII вв. проявляется в сохранении некоторых форм ранней слабо профилированной грубой лепной посуды, а также биконических горшков. Большие сосуды продолжают изготовляться при помощи кольцевого налепа.

Сходство ранних форм керамики с коржовской, массовые находки образцов корчакского типа (горшки удлиненной формы) свидетельствуют о том, что на данном этапе в культурном развитии населения Южного Побужья важное значение имел этнический элемент северной территории, с преобладающим влиянием которого развитие славян VI—VII вв. приобрело новый облик и получили дальнейшее развитие те элементы, которые непосредственно присущи культуре Киевской Руси.

Дальнейшее исследование Коржовки и одновременных ей поселений Южного Побужья представляет большой интерес

Эти памятники относятся к периоду, предшествовавшему полному сложению на этой территории феодальных отношений, время господства которых известно здесь по существованию селищ, посадов и феодальных укреплений — городищ.

---

[14] В. В. Аулiх. Основнi результати археологiчного дослiдження древньоруського селища в с. Рiпнi в Львiвськоi области. Дисертацiйний збiрник, Київ, 1958, стр. 53.

[15] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, М., 1960, стр. 208 и др.

[16] В. И. Маркевич. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), 1955, стр 143

[17] М. Комша. Восточные славяне на территории РНР и проникновение романского элемента в Молдавию на основании археологических данных Studii si cercetari de istorie veche Ianul, IX, 1958, стр. 85—86.

[18] И. И. Ляпушкин. Место роменско борщевских памятников среди славянских древностей Вестник ЛГУ, № 20, вып. 4, 1956, стр. 56.

[19] П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в Средней части Южного Побужья. СА, № 3, 1961.

Т. И. МАКАРОВА

УКРАШЕНИЯ И АМУЛЕТЫ ИЗ ЛАЗУРИТА У КОЧЕВНИКОВ X—XI вв.

Лазурит[1] — камень с многовековой историей. Его находят в царских гробницах Месопотамии и Египта; его знали и ценили в Греции и Риме. В эпоху средневековья он хорошо известен на огромном пространстве от Китая до Испании[2].

Важнейшим районом добычи лазурита в древности была Средняя Азия. В Бадахшане, в труднодоступной горной местности, на юг от Джармы, находятся знаменитые копи этого редкого минерала. Описание их дошло до нас в трудах многих авторов[3]. Все они отмечают, что эти «рудники в горах» дают «прекрасную, самую лучшую в свете лазурь».

Если в письменных источниках лазурит упоминается часто, то в археологических памятниках даже на родине своей, в Средней Азии, он встречается крайне редко. Известны единичные находки бус из лазурита в Хорезме[4], изредка встречаются они в раннесредневековых могильниках Кавказа[5].

Это объясняется, помимо ценности самого материала, преимущественным использованием лазурита в этот период в качестве сырья для изготовления краски.

Археологически лазоревая краска обнаружена при раскопках Пянджикента[6] и Термеза[7]. Продолжалось изготовление краски из лазурита и позднее[8]. В значительной степени она шла на экспорт: в Codex Cumanicus (половецком словаре XIII в.) краска из лазурита упоминается в числе товаров Востока, вывозившихся на Запад[9]. Сам же лазурит никогда не был предметом широкой торговли и вывоза, каким был, например, на протяжении столетий другой минерал Средней Азии — сердолик. Вплоть до XVIII в. лазурит относится

---

[1] Ляпис лазурь, лазоревый камень, лазурик. Минерал, встречающийся в сплошных плотных массах синего цвета различных оттенков: густого синего, фиолетового, голубого, зелено-синего. Блеск стеклянный, твердость 5,5; уд. вес. 2,38—2,42.

[2] М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г., материалы экспедиции, вып. XX, Л., 1934; А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни России. Пгр., 1922, тт. I, II; А. Фалькерзам. Лазурит и его применение в искусстве. «Старые годы», 1913, май, № 5

[3] Например у Тейфаши (Journal Asiatique, т. XI, Paris, 1868, стр. 198), у Марко Поло (Книга Марко Поло, М., 1955, стр. 74), у Абул-Фиди (см. Geographie d'Aboulfeda par M. Reinaud, т. II, Paris, 1848, стр. 208). Краткие упоминания о Бадахшанском месторождении имеются у Аль-Истахри, Ибн Хаукаля, Макдиси, Якута, Ибн-Баттуты (М. Е. Массон, ук. соч., стр. 17—20).

[4] И. В. Пташникова. Бусы древнего и средневекового Хорезма. Хорезм, т. I, стр. 112—114, 117.

[5] Очерки по истории СССР, т. II, М., 1958, стр. 287.

[6] П. И. Костров. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 163.

[7] В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. Труды Узбекского филиала АН СССР, сер. I, вып. 2 Ташкент, 1941, стр. 184.

[8] Ибн-Баттута оставил сведения об изготовлении ее в Самарканде в XIV в.; М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана, стр. 21.

[9] Д. А. Расовский. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. Seminarium Condacowiarum, III, Praga, 1929, стр. 199.

наряду с рубином к числу «заповедных товаров», добыча и торговля которыми находилась в руках правящего дома[10]. Тем более интересны находки лазурита в кочевнических погребениях Сибири (урочище Басандайка на реке Томи), на городище и в погребениях Саркела-Белой Вежи и в кочевнических курганах южно-русских степей (преимущественно Поросья) (рис. 1).

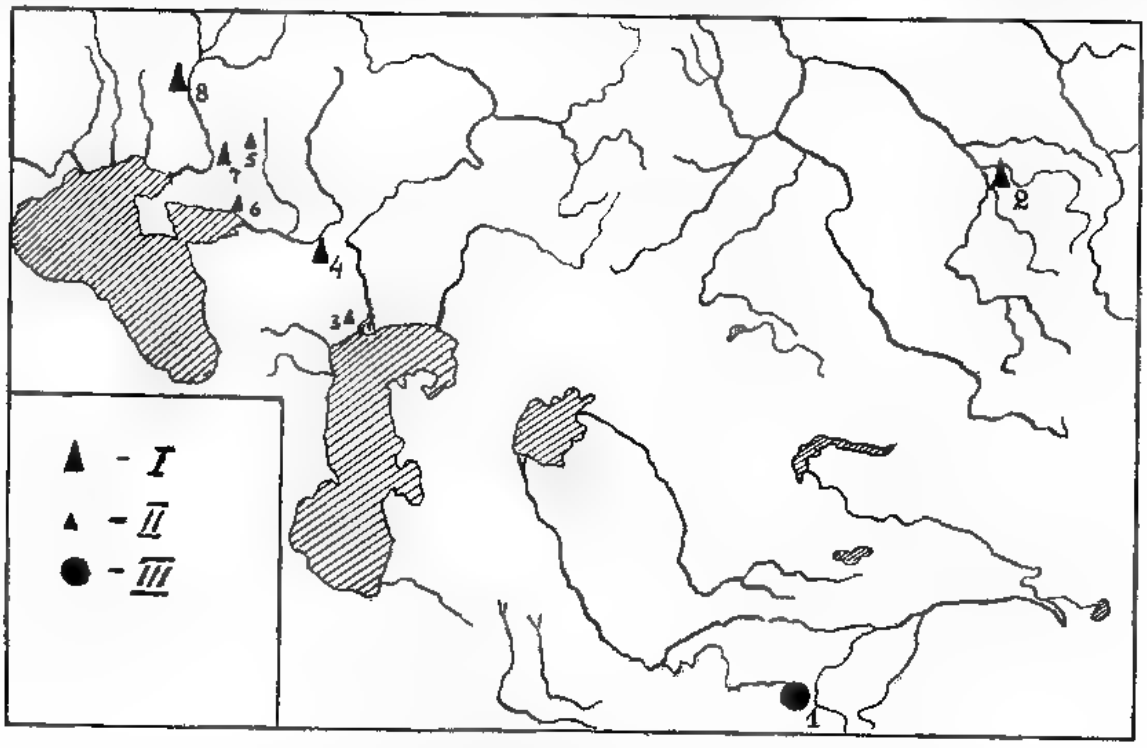

Рис. 1. Распространение находок из лазурита.

1 — Бадахшанское месторождение; 2 — урочище Басандайка на реке Томи; 3 — кочевнические погребения Прикаспия; 4 — Саркел-Белая Вежа; 5 — кочевнические курганы Харьковской обл.; 6 — кочевнические курганы Приазовья; 7 — кочевнические курганы Днепропетровской обл.; 8 — кочевнические курганы Киевской обл.

Условные обозначения: I — массовые находки поделок из лазурита; II — единичные находки поделок из лазурита; III — месторождение лазурита.

Украшения из лазурита совершенно однотипны во всех этих районах: это треугольные или ромбические подвески с орнаментом в виде косых насечек. Сделаны они из лазурита различных сортов. Наряду с ярким синим камнем Бадахшана встречаются камни худшего качества: голубовато-серые и сине-серые с белыми прожилками и пятнами. Вероятно, лазурит шел не из одного Джармского рудника, а и из других среднеазиатских месторождений, о существовании которых есть сведения, относящиеся к более позднему периоду[11].

В настоящее время нам известно более 100 поделок из лазурита[12] (рис. 2). По назначению они делятся на четыре группы:

[10] Лазурит упоминается в перечне «заповедных товаров», запрещенных к обычному вывозу из Московского государства, в письме Хивинского посла Достек-Бехадура от мая 1700 г. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, вып. 3, М., 1933, стр. 269. О запрещении торговать лазуритом упоминается и в донесении русского посла Петру I от 10 марта 1722 г.; М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана, стр. 23—24.

[11] В отрывке из анонимного сочинения о драгоценных камнях, попавшем в руки армянского историка XVII в. Аракела Тавризского, упоминаются «темноватые» камни Каша и Шамишаге, которые «пилят на куски и продают за лазурик»; К. П. Патканов. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в., СПб., 1873, стр. 44.

[12] 39 обнаружены при раскопках М. И. Артамонова в Саркеле и издаются мной с любезного разрешения автора раскопок; сведениями о подвесках из Днепропетровского и Киевского музеев, а также Государственного Эрмитажа я обязана С. А. Плетневой, которой приношу глубокую благодарность.

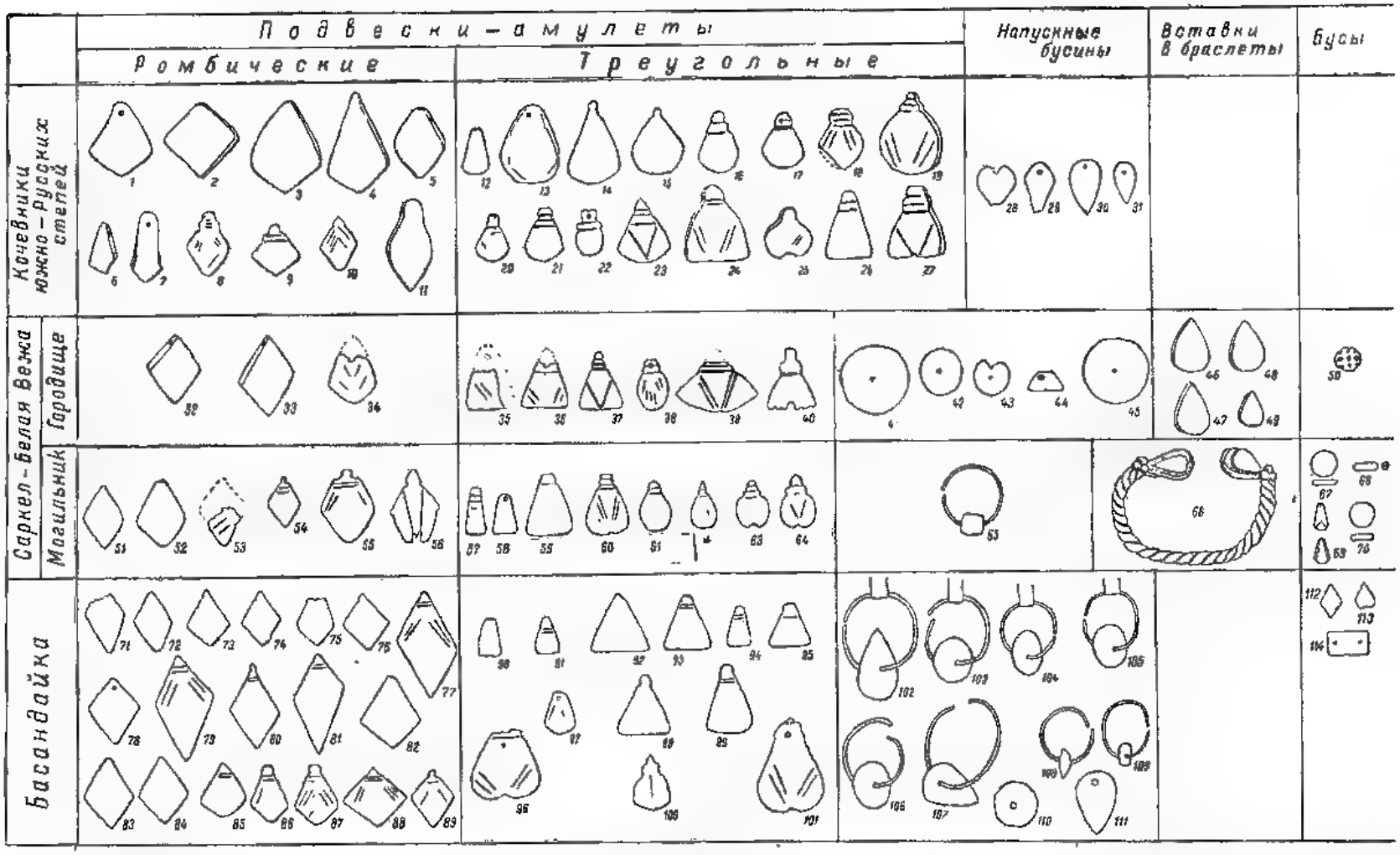

Рис. 2. Типологическая схема украшений из лазурита.

1, 12, 14, 15 — Днепропетровская обл. село Вороная. Днепропетровский музей № 3917, 3918; *2, 11* — Киевская обл., село Зеленки, курган 317. Эрмитаж, № 916/77 916/79; *3 5* — Харьковская обл., село Каменка, курган 11, п. 2. ДИМ. № 47 012, 47 014, 47 015; *6* Киевская обл., село Зеленки, курган 57. Эрмитаж, коллекция 914; *7, 8, 25* — там же, курган 29. Эрмитаж, коллекция 916; *24* Киевская обл., Львовский музей; *9 10* — Киевская обл., село Красополье. Эрмитаж, № 913/66, 913/65; *13, 16, 17, 20—23, 28—31* — Днепропетровская обл., село Устиновка. ДИМ. № в—8427 28, 69 194, 17 364; *18, 19, 27* Северо-западное побережье Каспийского моря, селение Занзели, погребение I. Саратовский музей, № 1441; *26* — Княжа Гора, Черниговский музей № 5/5. *32—59* — Саркел-Белая Вежа. Городище. № СК-514, ВД-51 632, ВД-51 2757, ВД-51 2523, ВД-59 С-2558, ВД-51 СП-1677, СК-801, СК-1079, ВД-51 СП-459, ВД-51 516, ВД-51 2801, ВД-50 СП-2079, ВД-51 2533, ВД-50 СП-2900, ВД-51 2384, ВД-51 СП-1064, ВД-51 СП-1200, ВД-50 СП-748, СК—898; *51 70* — Саркел-Белая Вежа могильник. *51* — курган 17/10, п 143; *52, 63, 64* — п. 215, *53, 58* — курган 17/10, п. 130; *54—55, 60* — п. 108; *56* п. 222; *57, 67* — курган 24/6, п. *32, 69* — п. 222; *61* — п. 67, *62, 70* — курган 17/10, п. 57, *65* — курган 19/10, п. 23; *66* — курган 24/6, п. 33; *68* — курган 17/10 п. 81; *69* — п. 7); *71—114* Басандайка. (*71—77, 90 111* — курган 54 (В), п. 1; *78—81* курган, 77, п. 2; *82—84, 97, 98, 110, 112—114* — курган 54 (В), п. 2; *85, 86, 99* — курган 66 (5), п. 1; *87, 88, 92, 93* — курган 77, п. 4; *89 94, 95, 108, 109* курган 77, п. 5; *91* — курган 1, п. 3; *96, 101—105* — курган 25/3; *106* — курган 25/2; *107* — курган 24/2, п. 4).

подвески, напускные бусины для височных колец, вставки в браслеты, бусы. Самая многочисленная из этих групп — подвески. Они составляют 72% всех украшений из лазурита. При кажущемся многообразии форм подвесок в основе каждой из них лежит простейшая геометрическая фигура — ромб или треугольник. В соответствии с этим мы делим все подвески на два типа: ромбические и треугольные. В основе эволюции каждого типа лежит стремление придать геометрической фигуре антропоморфные черты, причем ромб превращается в мужскую, а треугольник — в женскую фигуру (рис. 3). Достигается это рядом простейших изменений: выделением верхней части подвески двумя горизонтальными черточками, изображением рук парой косых насечек, а также рельефной обработкой подвески. В приемах изготовления подвесок нет какого-либо штампа, мастер создает каждую по своему вкусу и усмотрению. Поэтому подвески, относящиеся к одному типу, часто объединяет не столько форма, сколько тенденция придать геометрической фигуре антропоморфные черты.

Ко второй группе изделий из лазурита относятся напускные бусины для височных колец Их найдено 19 экземпляров. В большинстве случаев они круглые или каплевидные, в 3 случаях для них использованы обломки от сломавшихся и вышедших из употребления изделий.

Третья группа украшений из лазурита представлена вставками в миндалевидные наконечники серебряных браслетов. Повторяя по форме каплевидные напускные бусины, они, в отличие от последних, имеют одну плоскую и одну выпуклую грань

В четвертую группу входят 9 бусин и пронизок различных форм.

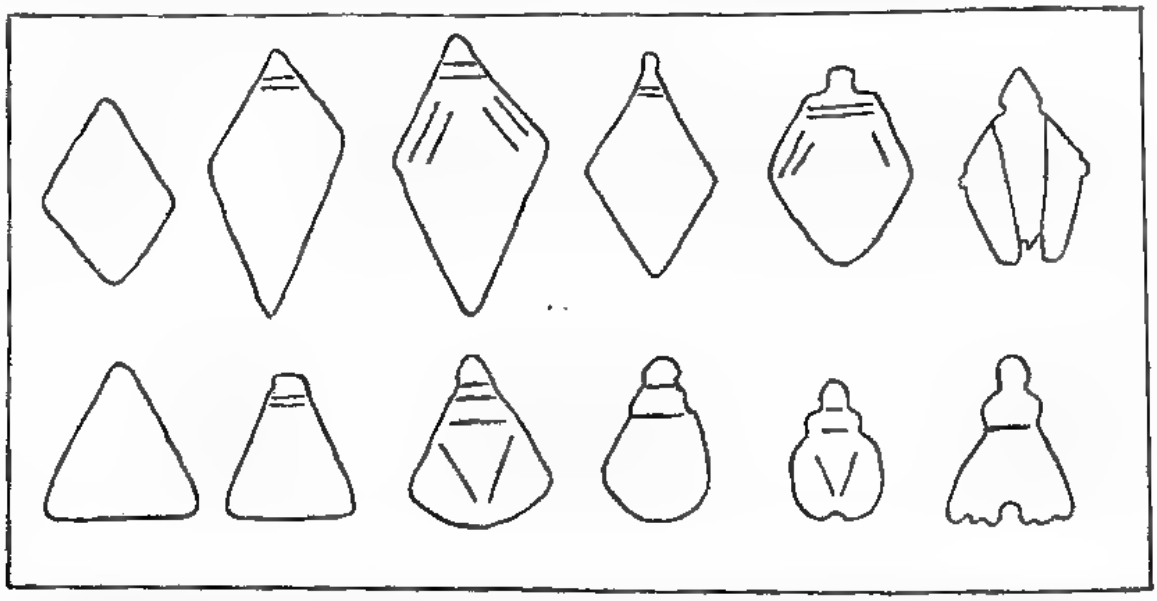

Рис. 3. Схема эволюции антропоморфных амулетов из лазурита. Амулеты, изображающие мужскую фигуру (верхний ряд); амулеты, изображающие женскую фигуру (нижний ряд).

Самые ранние из ныне известных поделок из лазурита обнаружены в курганном могильнике, на правом берегу реки Томи, в 7 км к югу от Томска (урочище Басандайка) [13]. Украшения из лазурита встречены в десяти погребениях, датированных автором раскопок А. П. Дульзоном X—XI вв. Три из них, содержащие захоронения с конем, относятся к более позднему времени. В них найдено 7 подвесок из лазурита, а в ранних — 27. Преимущественная форма подвесок в ранних погребениях — ромбическая, символизирующая мужскую фигуру; наряду с простейшей формой здесь есть и антропоморфные. Преимущественная форма подвесок в поздней группе — треугольная, изображающая женскую фигуру. Следует отметить, что в погребе-

[13] Басандайка. Труды Томского гос. университета им. В В. Куйбышева, т 98. Томск, 1947.

ниях более поздних лазуритовые напускные бусины и пронизки встречаются чаще, чем в погребениях более ранних, для которых более характерны только лазуритовые подвески. Как в ранних, так и в поздних погребениях Басандайки поделки из лазурита встречены и в женских, и в мужских, и в детских могилах; они украшали головные уборы, входили в состав ожерелий и поясных наборов.

Следует отметить также, что в погребениях обеих групп подвески орнаментированные и фигурные сосуществуют с простейшими ромбическими и треугольными.

Украшений из лазурита в погребениях более поздних (XIII—XIV вв. и XVI XVII вв.) в Басандайке нет. Не встречены они до сих пор и в других средневековых памятниках Сибири.

Вновь мы встречаем лазурит только на Дону, в Саркеле-Белой Веже. Излюбленным типом украшений из этого камня и здесь продолжают оставаться подвески. Однако в Саркеле-Белой Веже они значительно эволюционируют в направлении большей антропоморфности. Рельефная обработка подвески, только намечавшаяся на нескольких экземплярах из Басандайки, получила здесь дальнейшее развитие. Путем трехчастного деления подвески отвлеченная схема-символ превращается в живо исполненную человеческую фигурку (рис. 2, *56, 40*). С подвесками Басандайки их сближает, помимо отдельных приемов обработки (орнамент, выемка в нижней части подвески), одновременное бытование антропоморфных и простых геометрических подвесок.

Встречены в Саркеле-Белой Веже и напускные бусины для височных колец. В двух случаях это кружки с отверстиями посередине, в одном — трапециевидная пластинка с отверстием в углу. Два кружка большего диаметра служили, вероятно, пуговицами Все они сделаны из тонких сколов, хорошо отполированы и имеют правильную круглую форму. Каплевидные напускные бусины, встреченные в курганах Басандайки, получают в Саркеле-Белой Веже новое применение. Они используются для вставок в миндалевидные концы витых серебряных браслетов. Одна вставка серо-синего лазурита сохранилась в самом браслете, четыре вставки из превосходного темно-синего лазурита найдены отдельно. Они тщательно отшлифованы, внешняя их поверхность слегка выпуклая.

В Саркеле-Белой Веже найдены также две пронизки и три бусины из лазурита. Пронизки круглые, плоские, бусины по форме разные. Одна из них - многогранник с круглыми орнаментальными отверстиями, другая — граненая каплевидная, третья — цилиндрическая.

Украшения из лазурита в Саркеле-Белой Веже представляют собой более высокий этап обработки этого камня, начало которого представлено находками в Басандайке.

Важно отметить преемственность традиций в обработке лазурита, связывающую мастеров, работавших на Дону и на Томи. Связь эта наводит на мысль о том, что изделия из лазурита в Басандайке и в Саркеле Белой Веже сделаны руками мастеров одного народа.

О появлении в Саркеле-Белой Веже в начале XI в. какой-то компактной группы кочевников, принесших с собой лазурит, говорит стратиграфия и топография его находок на городище. Все находки лазуритовых украшений на городище сосредоточены на отметке 1,20—1,50 м, т. е. относятся к русскому (беловежскому) периоду жизни города. Культурный слой в пределах этих глубин характеризуется резким изменением облика кочевнической керамики, появлением гончарной русской посуды, сменившей салтово-маяцкую и роменскую, резким сокращением количества красноглиняных кувшинов при увеличении вдвое количества амфор с венчиком «воротничком» и, наконец, наличием привозной византийской поливной керамики и браслетов с росписью[14]. Очень показательна и топография находок украшений из лазурита на территории крепости (рис. 4): они сосредоточены в цитадели, где и в хазарский и в русский периоды жили кочевники[15], составлявшие гарнизон крепости. В тех случаях, когда находки лазурита выходят за пределы цитадели, они группируются либо у

---

[14] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, М. — Л., 1959, рис. 49, стр. 270; З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, стр. 323; Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела Белой Вежи. МИА, № 75, стр. 273.

[15] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, № 62, стр. 37.

караульных помещений около северо-западных ворот, либо в районе помещения № 1, непосредственно связанного с цитаделью. Совпадение ареалов кочевнической керамики, тюркских жилищ с большими и малыми очагами[16] и лазуритовых украшений браслеты и височное кольцо. Характер сопровождающего материала — золоченые и серебрёные стеклянные бусы, витые серебряные браслеты, монеты — не позволяют датировать погребения с лазуритом ранее, чем XI в.

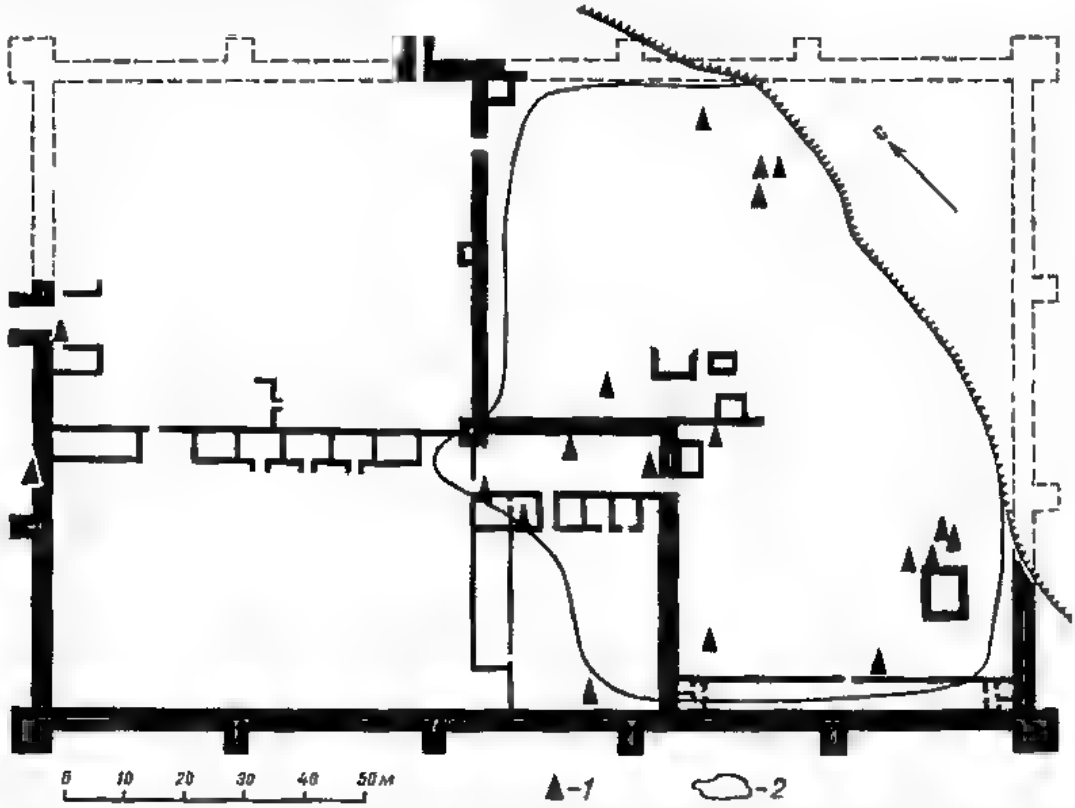

Рис. 4. Схема распространения поделок из лазурита на городище Саркел-Белая Вежа.
1 — находки лазурита; 2 граница распространения тюркских жилищ по В. Д. Белецкому.

дает возможность связывать появление лазурита в Саркеле-Белой Веже с кочевниками, из которых состоял гранизон крепости. Узость хронологических рамок бытования лазуритовых украшений свидетельствует о приходе в Белую Вежу в первой половине XI в. новой группы кочевников. Подтверждают это и находки лазурита в погребениях Саркела-Белой Вежи.

В курганном могильнике к юго-востоку от городища, оставленном печенегами и торками (X — начало XI в.), лазурита нет. Он есть только в бескурганном городском кладбище. Украшения из лазурита обнаружены в 16 женских и детских погребениях. Это — подвески, бусы-пронизки, вставки в

Кроме Саркела-Белой Вежи, лазурит был обнаружен еще в 17 кочевнических погребениях южно-русских степей. Половина их расположена в Поросье. Характерной особенностью этих погребений является захоронение вместе с покойным целого остова коня, а также наличие гроба и устойчивая западная ориентировка. Камней в насыпи могилы, столь характерных для половцев, нет. Украшения из лазурита представлены главным образом подвесками. В двух погребениях у Россавы обнаружены три серебряных витых браслета с лазуритовыми вставками[17]. Вероятно, из это-

[16] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, стр. 129.

[17] Д. А. Самоквасов. Могилы русской земли М., 1908, стр. 223; Э. К. Витковский. Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском уезде. Тр. III А. С., т. II, Киев, 1878, стр. 24.

го же района происходит беспаспортный серебряный браслет с лазуритом из коллекций Эрмитажа, изданный Спицыным[18].

Характерно, что подобные браслеты встречены только в Саркеле Белой Веже и в Поросье — в местах, где осевшие кочевники соприкасались с русским населением.

Второй район, где обнаружены кочевнические погребения с лазуритовыми украшениями — Днепропетровская область. Помимо подвесок, здесь встречены каплевидные нанизки для височных колец со сквозной сверлиной, совершенно аналогичные тем, которые были встречены в Басандайке.

В других местах находки лазурита единичны Три ромбовидные подвески без орнамента найдены в одном кургане Харьковской области, две ромбические и одна фигурная — в кургане около Таганрога и, наконец, лазурит найден на берегу Каспийского моря: три орнаментированные подвески у селения Зензели в развеянном погребении на дюнах[19] и 6 бусин — в урочище Ута-Газыр[20].

Подробных сведений о погребениях, в которых найдены украшения из лазурита, нет. Одна из могил в Днепропетровской области это погребение в гробу с восточной ориентировкой, без коня. В Харьковской — погребение в гробу с восточной ориентировкой, но с конем. В районе Таганрога погребение с западной ориентировкой без коня и следов гроба, но с камнями в насыпи кургана. О погребениях на берегу Каспия известно только то, что это погребения с конем или с частями коня.

Во всех случаях, когда пол погребенного с украшениями из лазурита удалось определить, это были женщины. В бесспорно мужских погребениях ни в Саркеле-Белой Веже, ни в курганах южнорусских степей лазурит не встречен ни разу.

Как видно, комплексы с лазуритом отличаются относительным единством признаков в каждом из упомянутых районов от берегов Томи до Днепра, но близость их определяется в основном только наличием одинаковых лазуритовых поделок.

Можно ли последнее обстоятельство считать сколько-нибудь важным, если такие признаки, как погребальный обряд существенно отличаются друг от друга.

Специфика украшений из лазурита, заключающаяся в ценности и редкости материала и своеобразии изделий, из него изготовлявшихся, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. По нашему мнению, подвески из лазурита играли роль не столько украшений, сколько амулетов. Вера в чудесное свойство камней была присуща многим народам. Древние авторы, рассказывавшие о жизни некоторых кочевых народов, часто упоминали об удивительных свойствах камней, которые, однако, терялись, как только камень выносился за пределы страны, где он почитался[21] Одним из чудодейственных камней был лазурит, воспринимавшийся на Востоке как камень «вечного синего неба»[22]. В этом смысле поделка из лазурита превращается из украшения в амулет, обеспечивающий носящему его «покровительство неба»[23].

Значение, приписываемое самой типичной поделке из лазурита — подвеске, было, видимо, еще сложнее и глубже. Вероятнее всего связать антропоморфные подвески из лазурита с широко распространенным в Сибири культом онгонов. Зооморфные и антропоморфные онгоны, оберегающие от болезней и приносящие удачу, долго сохранялись у народов Сибири[24]. «Смотря по местам и поколениям пишет Доржи Банзаров, — онгонов так много, что невозможно определить их число»[25]. Это большое число онгонов объяснялось тем, что наряду с племенными и родовыми существовали

[18] А. А. Спицын Из коллекции Императорского Эрмитажа ЗРАО. т VIII, вып. 1, СПб., 1896, р. 268, табл IV, рис. 3.

[19] Погребение обнаружено И В Синицыным в 1931 г; материалы находятся в Саратовском музее (инв № 1441) Сведениями о них я обязана любезности М Г. Мошковой и Е. К Максимова

[20] Архив ЛОИА АН СССР, фонд 5 (А. А Спицына) № 337, лист 118.

[21] О вере кочевников в камни, врачующие различные болезни, притупляющие лезвие сабли, упоминает Абу-Долеф. В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X в Абу-Долефе и его странствованиях по Средней Азии ЖМНП, 1872, № 9.

[22] Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М, 1935, стр 55. Плано Карпини. История монголов М, 1957, стр 28.

[23] Небезынтересно в этой связи вспомнить слова Чингиз-хана о счастье из «Сказания о 9-ти урлюках »: «Покровительство владыки земли, вечного неба — вот в чем состоит счастье с которым ничто не может сравниться». Доржи Банзаров, ук. соч., стр 59

[24] Д К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М, 1936, стр 25

[25] Доржи Банзаров. Собрание сочинений, стр 84

семейные и частные онгоны. Культ родовых и семейных онгонов у монголов хорошо известен по описаниям Плано Карпини и Рубрука[26].

Подвески из лазурита украшали одежду отдельных членов семьи. По-видимому, они изображали частных онгонов-покровителей, которые были известны и в позднее время у остяков-самоедов, населявших берега Томи[27].

XI в. — время прихода на Русь новой волны кочевников — половцев, которых столетием раньше Гардизи помещал в стране, начинавшейся за Иртышом. Однако в половецких погребениях XI — начала XII в. известны только одиночные находки лазурита, а в погребениях более поздних его вовсе нет. Нет его и в слое XII в. в Белой Веже, относящемся к последнему периоду жизни города, когда он превращается в половецкое зимовище[28]. Не знают его и половцы, населявшие Крым в XIII в. Основные находки амулетов из лазурита сосредоточены в Поросье, где, как считает С. А. Плетнева, жило только одно половецкое племя — берендеи[29]. Они пришли на Рось в первой половине XI в. в составе огузо-печенежского союза, позднее влившегося в Черноклобуцкий союз, находившийся в XII—XIII вв. в вассальных отношениях с Киевским княжеством[30]. С берендеями вероятнее всего и следует связывать появление в южно-русских степях украшений из лазурита[31]. Но и у берендеев они удержались недолго. В погребениях Черноклобуцкого союза лазурита нет. Очевидно, культ онгонов в том виде, в каком его принесли с собой кочевники Сибири, постепенно отмирал. Если в Басандайке лазуритовые амулеты одинаково клались и в мужские и в женские погребения, то в Саркеле-Белой Веже и в кочевнических курганах южно-русских степей они встречаются только в женских захоронениях. Антропоморфный амулет теряет первоначальную роль изображения предка — покровителя каждого члена семьи, превращаясь в оберег и притом только для женщины, а потом и просто в женское украшение.

Такое назначение амулетов из лазурита свидетельствует о близости верований кочевников Сибири верованиям части кочевого населения южнорусских степей. А сам факт близости верований в той важнейшей из сторон языческой религии, какой был культ предков, может быть использован как материал для решения вопроса о родстве кочевого населения X—XI вв. на берегах Томи, Дона и Днепра.

---

[26] Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Плано Карпини. История монголов. М., 1957, стр. 94.

[27] Д. К. Зеленин, ук. соч., стр. 25.

[28] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 84; С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 190.

[29] С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 172.

[30] С. А. Плетнева, ук. соч., стр. 166.

[31] Племя «баяндер» упоминает Гардизи в числе племен, населявших берега Иртыша в X в. Гардизи. «Украшения известий»; В. В. Бартольд. Приложение к отчету о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. Записки Имп. Академии наук, VIII серия, т. I, № 4, СПб., 1894, стр. 105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИА	Институт археологии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
СА	Советская археология
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
Тр. АС	Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ	Труды Государственного Исторического музея
А. П.	Археологічні пам'ятка
SMYA	Suomen muinasmuistoyhdistyksen aikakanskivja

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова (1954—1956 гг.) 7

Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова 77

О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги 95

Ю. И. Штакельберг. Глиняные диски из Старой Ладоги 109

П. И. Хавлюк. Славянские поселения VIII — начала IX в. на Южном Буге 116

Т. И. Макарова. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. 127

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
IV

Редакторы: С. С. Сорокин, М. В. Побединский
Художник Е. С. Матвеев
Художественный редактор Ю. С. Фрейдлин
Технический редактор Т. В. Гаврилова
Корректор Р. И. Кузьмичева

М-57145. Подписано к печати 6/VII 1962 г. Изд. № 373. Формат бум. 84×108 1/16. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 13,9. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 1 500. Заказ 165. Цена 1 руб.

Издательство Государственного Эрмитажа
Ленинград Д-65, Дворцовая наб., 32

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	2-я сверху	В. И. Равдоникас	В. И. Равдоникаса
7	15-я сверху	1375	1309
54	подпись под рис.	X—XI вв.	XI в.
76	21-я снизу (правая колонка)	1955	1956
110	28-я сверху (левая колонка)	2790/103	2790/108
110	7-я снизу (правая колонка)	2082/840	2082/340
115	1-я сверху	Л-1262	Л-1268

Зак. 165.